

КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ
70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
И СВЕТОЙ ПАМЯТИ НАШИХ РОДИТЕЛЕЙ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ

БЕЛОРУССКИЙ СОЮЗ
СУВОРОВЦЕВ И КАДЕТ

ДЕТИ ВОЙНЫ: СУВОРОВЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Минск
2015

УДК 658
ББК 65.290
Д40

Под общей редакцией
Председателя Республиканского совета общественного объединения
«Белорусский союз суворовцев и кадет»
Сенькова Ю.П.

Составители:
Корабликов И.М., Криволап А.А., профессор Кунц Н.З.

Литературная обработка:
Варламов В.Б.

Д40 **Дети войны. Суворовцы вспоминают** / Сост. И.М. Корабликов, А.А. Криволап, проф. Н.З. Кунц. — Минск : Белорусский союз суворовцев и кадет, 2015. — 264 с.

Книга составлена из воспоминаний суворовцев — выпускников суворовских военных училищ разных лет, о нелегком детстве, пережитом ими в суровые годы Великой Отечественной войны и во времена послевоенной разрухи.

Рассказы разнообразны, интересны и поучительны, рассчитаны на широкий круг читателей.

УДК658
ББК 65.290

ISBN 978-985-15-0751-7

© Белорусский союз
суворовцев и кадет, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
От составителей	10

Вспоминают дети войны

Уйманов Василий Михайлович	12
Варламов Вячеслав Борисович	18
Карманов Евгений Александрович	25
Исаченко Дмитрий Иванович	32
Чаус Петр Григорьевич	35
Прокопчик Георгий Владимирович	51
Лагутин Владимир Михайлович	68
Иванов Валерий Александрович	78
Корабликов Илья Макарович	87
Корабликов-Коварский Сергей Макарович	93
Андрианов Николай Григорьевич	106
Бауткин Николай Александрович	110
Булавкин Леонид Тихонович	113
Гусев Анатолий Степанович	117
Гуцевич Георгий Иванович	123
Драгомирецкий Владимир Иванович	126
Дублянский Василий Иванович	129
Ефремов Виктор Кириллович	134
Жигарев Валентин Иосифович (Полуянчик Валерий Анатольевич)	142
Зайцев Константин Иванович	145
Измайлов Григорий Леонтьевич	150
Карпишин Николай Михайлович	156
Катков Борис Григорьевич	160
Катлинский Олег Владимирович	164
Кирющенко Владимир Степанович	169
Коваленко Вячеслав Антонович	172
Коломойцев Михаил Михайлович	178
Колос Лев Акимович	193
Криволап Анатолий Александрович	196
Кричевский Геннадий Петрович	201
Кунц Николай Зыгмунтович	205
Лейкин Лев Григорьевич	218
Монич Владимир Федорович	226

Никулин Рудольф Петрович	234
Петров Юрий Андреевич.....	237
Ратнер Александр Моисеевич.....	241
Рубашенко Анатолий Борисович.....	248
Сазонов Валерий Иванович	253
Шапошников Борис Алексеевич	254
Ширяев Владимир Михайлович	258
Заключение	263

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Министр обороны Республики Беларусь
генерал-майор Андрей Равков*

Чем дальше вглубь истории уходит Великая Отечественная война, тем величественнее становится Победа. Она досталась советским людям ценой огромных человеческих и экономических потерь, преодоления жесточайших материальных и духовных трудностей. В ходе Второй мировой войны Советский Союз не только разгромил оккупантов и изгнал их со своей территории, но и успешно выполнил великую историческую миссию: победил фашизм, чем способствовал сохранению человеческой цивилизации.

Тем не менее, в настоящее время искажение правды о Великой Отечественной войне приняло невиданные масштабы. Сегодня попытки фальсификации нашей Победы становятся все более беззастенчиво лживыми, агрессивными и жестокими. Порой преднамеренно создаются ситуации, когда мы должны отстаивать историческую истину и доказывать те факты, кото-

рые еще недавно казались совершенно очевидными. Цель этой фальсификации ясна — принизить роль народов России, Беларуси, других республик бывшего Советского Союза в разгроме фашизма и освобождении Европы от коричневой чумы. В связи с этим работа по сохранению и отстаиванию правды о Великой Отечественной войне, ее героях, потерях и цене, которую пришлось заплатить для достижения Победы, приобретает особую актуальность и значимость. Есть моральная истина: пока не попирается память о войне, народ не теряет своей духовной силы, а победа в его памяти остается как гордость, как слава, как благодарность защитникам Отечества.

В послевоенные годы ведущую роль в этой работе выполняли ветераны Великой Отечественной войны — люди, которые непосредственно принимали участие в боевых действиях и на своих плечах вынесли всю тяжесть военного лихолетья. Однако ныне их, живых свидетелей героической борьбы советского народа с фашизмом, остается все меньше и меньше. Возраст и состояние здоровья уже не позволяют им активно вести военно-патриотическую работу.

Но среди нас есть еще много очевидцев, которые в суровые годы Великой Отечественной войны по малолетству не воевали, но помнят ту войну. Помнят героизм и мужество, голод и страдания, веру и... Победу. Это — дети войны. Они являются современниками и живыми свидетелями тех страшных лет. В их памяти

живы воспоминания о тяжелых военных и первых послевоенных годах их жизни, нелегкой жизни нашей страны. Именно они могут придать новый импульс работе по сохранению и отстаиванию правды о Великой Отечественной войне, активизировать работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Учителя-фронтовики своим примером воспитывали детей войны, прививали им любовь к Родине, формировали у них духовно-нравственные и патриотические качества, учили их объективно оценивать происходящие события и исторические факты. Ныне дети войны должны принять от фронтовиков эстафету военно-патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

Предлагаемый читателю сборник «Дети войны: суворовцы вспоминают» — один из важных шагов в этой работе. В нем собраны воспоминания сорока детей войны о военном лихолетье и первых послевоенных годах. Важно отметить, что это воспоминания не просто детей войны, а тех, кто после тяжелых военных испытаний с юных лет решил посвятить свою сознательную жизнь защите Отечества.

Сборник подготовлен к изданию активистами общественного объединения «Белорусский союз суворовцев и кадет» — организации, которая военно-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи считает своей первостепенной задачей. Следует отметить, что в этом направлении она делает очень много.

Суворовцы всех поколений являют собой пример гражданственности и патриотизма, общественной активности и высокой нравственности. Из стен суворовских училищ вышли видные политические и общественные деятели, ученые, крупные военачальники, известные писатели, музыканты, художники. Их воспоминания и размышления любопытны и очень полезны для воспитания современной молодежи.

Книга начинается с воспоминаний Василия Михайловича Уйманова, который рассказывает о том, как он в 13 лет попал на фронт, стал сыном полка, а за пленение гитлеровского фельдфебеля был награжден орденом Красной Звезды. Полковник в отставке Василий Уйманов и после увольнения с военной службы принимает активное участие в работа по патриотическому воспитанию молодого поколения.

Петр Григорьевич Чаус моложе Уйманова, ему шел только седьмой год, когда наступил долгожданный День Победы. Но он хорошо помнит суровую годину войны. Именно нелегкие испытания военного лихолетья воспитали в нем прекрасные качества, которые способствовали тому, что он стал суворовцем, а впоследствии — генерал-полковником, первым возглавил военное ведомство молодой Республики Беларусь.

Интересны воспоминания Евгения Карманова, ставшего в начале Великой Отечественной войны сиротой. Но страна не бросила его на произвол судьбы. 10 лет он проучился в Курском суворовском военном училище. По окончании военной службы Евгений Александрович стал известным художником, подарившим людям много замечательных полотен, в том числе и галерею портретов суворовцев и кадет, ставших известными государственными и общественными деятелями, крупными военачальниками.

В сборнике есть и волнующие рассказы братьев Корабликовых, Ильи и Сергея, в малолетстве испытавших трагедию Холокоста. После ужасов фашистского гетто и

трудностей послевоенной разрухи они оказались в стенах суворовских военных училищ, предоставивших им приют, давших прекрасное образование и направивших по достойному жизненному пути.

Интересны воспоминания Георгия Прокопчика, братьев-близнецов Коломойцевых, Юрия Петрова, Валерия Иванова, детские годы которого прошли в концлагере, а также офицера ГРУ Виктора Ефремова, в первые годы службы — одного из директоров тюрьмы Шпандау.

Все собранные в книге воспоминания разнообразны, интересны и поучительны. Главная их ценность и достоинство — это достоверность, правдивость и искренность. В них ничего не выдумано, все описано так, как было на самом деле.

Воспоминания детей войны напоминают и учат. Учат терпению и мужеству, чести и достоинству, любви к людям и своему Отечеству. Учат патриотизму. В этом несомненное достоинство книги.

*Министр обороны Республики Беларусь
генерал-майор Андрей Равков,
выпускник Минского суворовского военного училища*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Дорогой читатель! Приближается 70-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Подготовка к этой важнейшей и очень значимой для нашего народа дате развернулась по всей стране.

К этой дате готовимся и мы — члены общественного объединения «Белорусский союз суворовцев и кадет». Эта организация, объединяющая ветеранов и выпускников суворовских, нахимовских и кадетских училищ, во главу угла ставит проведение в жизнь идеи верного и честного служения Отечеству, духовно-нравственное и военно-патриотическое воспитание молодежи, оказание помощи, внимания и поддержки ветеранам, участникам боевых действий и всем членам нашей организации.

Течение времени не должно вымывать из памяти народа огромный вклад его старших поколений в достижение Победы — единственной в истории человечества военной Победы, получившей всемирное политическое и гуманитарное признание. Время не умалило величия Победы. Во всем мире ее называют событием тысячелетия, определившим ход развития человеческой цивилизации.

Никто и ничто не в состоянии принизить величие подвига народа, всемирно — историческое значение победы над фашизмом.

Однако, в силу современного уклада жизни, изощренной фальсификации событий военного времени, молодежь поверхностно знает историю войны, условия Победы, ее значение и уроки.

Переломить эту ситуацию мы считаем одной из важнейших своих задач. Мы должны донести до нашей молодежи, что память о своем прошлом помогает понять настоящее, познать свои взаимоотношения с другими народами, яснее представить себе возможное будущее.

На фоне этого актуализировались и проблемы антифашистского воспитания.

В числе мероприятий проводимых в этих целях военно-патриотическая акция «Дети войны». В ходе этой акции мы стремимся вовлечь в активную военно-патриотическую работу с молодежью граждан Беларуси, в детстве которых застала война, тех, кому в детстве пришлось испытать все ужасы войны, перенести все тяготы и лишения военного и послевоенного времени. В связи с тем, что участников Великой Отечественной войны остается все меньше и меньше, а живые ветераны войны из-за возраста и состояния здоровья уже не в силах активно участвовать в таких мероприятиях, мы своей целью ставили привлечь детей войны к этой работе.

Они очевидцы тех грозных событий и им есть что рассказать молодежи и побудить ее на благородные дела.

Детство их было трудным и жестоким, но, несмотря на это, они выжили, чтобы рассказать нашим детям, внукам и правнукам о той борьбе за достойное место в жизни, в которой они одержали победу. Оказавшись на временно оккупированной территории, они помогали партизанам и подпольщикам вести борьбу с фашизмом, а те, кто был в тылу наших войск, помогали фронту: сеяли и пахали, трудились

на лесозаготовках, убирали урожай, высылали скромные посылки фронтовикам, шефствовали над семьями погибших.

Завершающим этапом военно-патриотической акции «Дети войны» является предлагаемая вашему вниманию книга воспоминаний детей войны о военных и первых послевоенных годах. Не все воспоминания выделяются яркой художественной выразительностью, но они все правдивые, искренние и доверительные, и у каждого своя «правда» о тех или иных событиях.

В книге собраны рассказы, в которых отражены сорок судеб людей: их воспоминания, размышления и откровения, а порой и боль. Судьбы разные, но во всех рассказах со всей очевидностью просматривается общее, всех объединяющее: долг и честь, мужество и терпение, честность, порядочность, товарищество. Главным смыслом всей их жизни стал девиз: «Жизнь — Родине, честь — никому!».

Книга называется «Дети войны: суворовцы вспоминают». Суворовцы потому, что в книгу вошли воспоминания тех, кто, перенеся все перипетии военного лихолетья послевоенных лет решил посвятить себя военной службе, защите нашего государства и народа. Все они — члены нашего объединения. Для подготовки книги к изданию сложился творческий коллектив активистов нашего объединения. Организационные вопросы, сбор материалов от респондентов, переписку, поиск средств, для издания и само издание книги взял на себя Илья Корабликов. Анатолий Криволап и Николай Кунц провели подборку и систематизацию собранного материала, а Вячеслав Варламов — его литературную обработку. Важно отметить, значительный вклад в подготовку книги кандидата экономических наук, профессора Н. Кунца, который предоставил ранее собранный им материал.

Составители сборника «Дети войны: суворовцы вспоминают» выражают благодарность всем авторам, приславшим свои воспоминания о военных, детских годах. Слова особой благодарности мы выражаем выпускнику Минского суворовского военного училища, активному участнику в работе Союза Комяку Антону Степановичу за оказанную финансовую поддержку в реализации данного проекта.

УЙМАНОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ (5.05.1931 г.)

Полковник В.М. Уйманов

Родился в 1931 году. До войны с отцом и братом жил в таежном поселке Пермской области. Матери с ними не было, ее за частушки посадили как политическую. В первые же месяцы Великой Отечественной войны отец ушел на фронт, а Васю и его брата определили в детские дома.

В 13-летнем возрасте попал на фронт. За самоотверженные и решительные действия по захвату военнопленного воспитанник 62-й гвардейской Молотовской танковой бригады Вася Уйманов был награжден орденом Красной Звезды.

В 1945–1953 годах учился в Тульском суворовском военном училище. После окончания Рязанского пехотного училища лейтенант Уйманов командовал взводом. Потом были комсомольская работа, учеба в Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Военную службу закончил начальником политотдела войск специальной связи.

Награжден орденами «Великой Отечественной войны» II степени и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями. Международная ассоциация «Кадетское братство» наградила его орденом «Кадетский крест» II степени и медалью «За служение Родине с детства».

После увольнения в запас в 1986 году Василий Михайлович активно работает в сфере патриотического воспитания молодежи.

Из воспоминаний Василия Михайловича Уйманова

1

Когда началась Великая Отечественная война, мне было десять лет. Мы жили в поселке в Пермской области. Отец Михаил Афанасьевич работал лесозаготовителем. В первые дни войны он ушел на фронт. Мать по доносу соседей была осуждена за исполнение частушек, порочащих Советскую власть. Так мы остались сиротами, меня и четырехлетнего брата Сашу отправили в детский приемник города Осу.

Мальчишки в военные годы выросли рано, выросли не годами, а поступками. Слушая тревожные сообщения информбюро и рассказы раненых бойцов в го-

спитале, я понимал, как тяжело отцу на войне. Ему нужно помочь, в городе в это время шла запись добровольцев на фронт, а я был еще мал для армии.

В 1943 году в Кунгуре формировался 2-й танковый батальон Уральского добровольческого корпуса. Наш детский дом часто навещали шефы-танкисты. Солдаты и офицеры по-отцовски относились к нам, детям. Мы выступали перед шефами с концертами, пели военные песни, нарядившись в военную форму. Я был невысокого роста и очень худой, но, как говорили воспитатели детдома, лучше других отплясывал под гармошку.

Во время одной из встреч кто-то из наших гостей сказал: «Растите богатырями, ребята. Ждите нас с Победой. Мы завтра уезжаем на фронт». Я твердо решил, что надо воспользоваться случаем и вместе с танкистами уехать на фронт к отцу.

Рано утром я пошел в часть и встретил там старшего лейтенанта Бондаренко и лейтенанта Кушнарского. Увидев их, я несказанно обрадовался, так как мы были уже знакомы. Они часто приходили к нам в детдом и по-отцовски ласкали меня.

«Хочу на фронт! Возьмите меня с собой, а то я все одно сбегу!» — выпалил я. Видимо, моя настойчивость им понравилась, и они велели подождать, а сами пошли уговаривать командира 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса. Не знаю, как им удалось, но я был зачислен воспитанником этого соединения.

Меня обмундировали в солдатскую форму, выдали табельное оружие и назначили на должность связного при начальнике штаба батальона Михаиле Сергеевиче Бондаренко, одновременно я должен был исполнять еще и обязанности письмоносца. В свободное время Бондаренко обучал меня военному делу: стрелять из автомата и пистолета, пулемета и пушки, пользоваться ручными гранатами. Приобретенные навыки потом не раз выручали меня.

Бондаренко не забывал заниматься со мною и школьными предметами. Он давал мне задания по математике и русскому языку, но я не очень-то любил выполнять его задания, за что получал взбучку.

В воинской части у меня был неразлучный друг — большая овчарка по кличке Рекс. Однажды, прогуливаясь по лесу, я наткнулся на обломки немецкого самолета, а вернувшись в часть, доложил об этом по команде, как это положено. Солдаты обследовали лес и нашли ценные документы, которые были отправлены в штаб соединения. С тех пор меня прозвали Вася-разведчик.

Бригада участвовала в боях на Орловско-Курской дуге, громила врага в Карпатах. Бои были

очень тяжелые. Танкисты берегли меня, поэтому мое место было во втором эшелоне. Я ездил то на грузовике, буксирующем кухню, то в штабной «летучке», а бывало — и в танке. Надо честно признаться — порой было очень страшно. Потерь было много. Но бойцы старались поддержать меня и сквозь разрывы снарядов кричали: «Держись, Василек!»

Однажды мне пришлось заменить смертельно раненного в бою заряжающего танка. Это было в местечке Изержаны, что в Западной Украине. Танки взвода лейтенанта Ивана Ельчанинова двигались по большаку. Впереди уже виднелась деревня. Я ехал в командирском танке, как вдруг он будто споткнулся, но тут же продолжил движение — это от лобовой брони срикошетил вражеский снаряд. Мы напоролись на засаду. Ельчанинов скомандовал: «Бронебойным огонь!». Заряжающий был ранен, и мне пришлось выполнять команду командира — пригодились уроки Бондаренко. Но вражеский снаряд все-таки настиг нашу тридцатьчетверку. Оглушительный взрыв — и зловещая тишина. Что было дальше, не помню, но в госпиталь меня не отправили, все обошлось, и я продолжал служить в бригаде.

В одном из боев под Касиловым танковый батальон под командованием майора Красильникова получил команду обеспечить развертывание на новом рубеже. У танкистов были на исходе боеприпасы и горючее. Командир батальона вызвал меня и объяснил, что нужно доставить донесение в штаб бригады. Путь пролегал через лес, я любил лес и чувствовал себя в безопасности. Однако бдительности и осторожности не терял — всякое может случиться. До штаба добрался благополучно, но сильно продрог. Передав пакет, я свалился у печурки и сразу же заснул.

Через несколько часов я отправился в обратный путь той же дорогой, через лес. Неожиданно, почти дойдя до своих, на заброшенной пасеке я увидел немца, который тоже заметил меня — маленького русского солдата. Немец выхватил пистолет и выстрелил, но, на мое счастье, промахнулся. Я дал очередь из автомата, немец упал на землю и закричал: «Гитлер капут». На выстрелы прибежали наши солдаты и, обезоружив немца, под моим конвоем отвели его в штаб батальона. Об этом происшествии узнал командир бригады Сергей Александрович Денисов. Через некоторое время он перед строем всего личного состава бригады вручил мне орден Красной Звезды.

2

В августе 1943 года было принято постановление Советского правительства и ЦК ВКПб о создании суворовских военных училищ, а в августе 1944 года командир бригады вручил мне характеристику, другие документы и направил на учебу в Горьковское СВУ. Но оно к этому времени еще не было сформировано, мне посоветовали обратиться ко «Всероссийскому старосте» Михаилу Ивановичу Калинин. Из приемной меня направили в город Чугуев, где формировалось Киевское СВУ. Но там вместо зачисления в суворовцы меня определили в духовой оркестр. Мечта

стать суворовцем оказалась под угрозой. И все же после долгих мытарств меня и моего друга Юру Кленова направили для поступления в Тульское СВУ.

Я стал суворовцем! Не верилось в такое счастье. Но учиться было нелегко. Ведь практически я полноценно не закончил ни одного класса. На фронте же, где я был 15 месяцев, было не до учебы. Спасибо преподавателям и ребятам за оказанную помощь.

Мне посчастливилось 24 июня 1945 года в составе сводного полка суворовцев быть участником Парада Победы на Красной площади в Москве. Полк состоял из 4 сводных батальонов от Горьковского, Калининского, Орловского и Тульского СВУ. В парадном батальоне нашего училища, помимо меня, были еще 15 суворовцев, принимавших участие в боевых действиях против фашистских оккупантов. Перед парадом мы много тренировались. Наш сводный полк прошел перед мавзолеем В.И. Ленина хорошо, показав высокую строевую выучку и слаженность.

После учебы в Тульском СВУ я в 1953 году окончил Рязанское пехотное училище, а в 1965 году — Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Служил командиром взвода в г. Черняховске, потом назначался и избирался на различные партийно-политические должности, пройдя служебный путь от секретаря комитета комсомола батальона до начальника политотдела войск специальной связи.

Командир отделения курсантов-выпускников суворовских военных училищ младший сержант В. Уйманов. Рязань, 1953 г.

* * *

В повести Валентина Катаева «Сын полка» создан образ юного Вани Солнцева. На заключительных страницах книги написано: «... отдавая мальчику погоны капитана Енакиева, полковник сказал:

— Ты был хорошим сыном у своего родного отца с матерью. Ты был хорошим сыном у разведчиков и орудийцев. Ты был достойным сыном капитана Енакиева — хорошим, храбрым, исполнительным. И теперь весь наш артиллерийский полк считает тебя своим сыном. Помни это».

Судьба Васи Уйманова такая же, как и судьба Вани Солнцева: оба — дети войны, оба — сыны полков, оба — достойные сыны своей Родины.

Уйманову Василию (прообразу Вани Солнцева)

Война мальчишку закружила,
Он из детдома убежал.
Влекла неведомая сила —
На фронте он отца искал,
Украдкой в пекло пробирался,
Голодный спал, где попадет,
Травой и ягодой питался.
И подобрал его тот взвод.
Худой он жадно ел, что дали.
Согревшись, очень сладко спал.

Бойцы его оберегали,
А он им душу отдавал.
Ходил на дело, рисковал.
Был у начальства на заметке,
Когда свой орден получал.
Москвою был направлен в Тулу.
И как бесстрашный фронтовик,
Он не склонял друзей к разгулу.

В.И. Драгомирецкий

Боевая характеристика

на воспитанника 62-й Гвардейской танковой Молотовской бригады, 10-го Гвардейского танкового Уральского Добровольческого корпуса гвардии сержанта Уйманова Василия Михайловича, рождения 1931 года, русский, воспитанник детдома. Образование: общее 3 класса, военное — нет. Участник Отечественной войны: Брянский фронт — июль-август 1943 года и март-апрель 1944 года — 1-й Украинский фронт. Награжден орденом Красной Звезды (Первый Украинский фронт, 1944 год). Ранен, контузий не имеет.

Тов. Уйманов является воспитанником 62-й Гвардейской танковой Молотовской бригады с момента ее организации — март 1943 г. Несмотря на детский возраст, т. Уйманов показал преданность нашей Родине и Советскому Правительству. Понимает уставы Красной Армии и является образцом выполнения всех требований, предъявляемых ими. Приказания старших начальников выполняет всегда точно, аккуратно и в срок. Вежлив и культурен в общении как с товарищами, так и со всеми командирами. Пользуется среди личного состава уважением.

Полковник В.М. Уйманов

Участник боев за Социалистическую Родину в брянских боях июля-августа 1943 г. и в боях марта-апреля 1944 года (1-й Украинский фронт). В боях проявил себя смелым, отважным и мужественным патриотом нашей Родины, обеспечивая связь подразделений с командным пунктом. Неоднократно ходил в разведку, доставляя ценные сведения о противнике. Имеет на своем боевом счету 5 захваченных пленных и 10 убитых солдат и офицеров противника. За проявленное мужество и отвагу награжден орденом «Красная звезда». Морально устойчив, идеологически выдержан, делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан.

Командир 62 Гв. ТМбр
гвардии полковник С.А. Денисов

* * *

Сейчас Василий Михайлович на пенсии. Он является «активным штыком» в Белорусском суворовско-нахимовском союзе (БСНС). Почетный председатель БСНС (ныне Белорусский союз суворовцев и кадет) Дмитрий Иванович Исаченко пишет: «Верность боевой характеристике Василий Уйманов сохранил на всю жизнь. И в мирные дни он поступает так же, как на фронте».

Его можно видеть на всех мероприятиях, будь то беседы с суворовцами Минского СВУ, встречи с ветеранами или поездки в подшефную Могилевскую областную кадетскую школу.

Он принимает активное участие в Комиссии БСНС по военно-патриотическому воспитанию. Ему часто приходится выступать перед молодежью.

Василий Михайлович говорит: *«Суворовцы, как вы знаете, на пенсию не уходят. Поэтому я продолжаю активно участвовать в жизни нашего Союза. Часто приходится выступать перед молодежью. Нагрузка, конечно, велика, но она приятна, особенно когда аудитория заворуженно слушает рассказы о войне и послевоенных годах. Ведь нас, участников войны, становится все меньше, а кто, как не мы, может донести до молодежи всю правду о войне».*

Товарищи не перестают удивляться жизненному задору и общественной активности Василия Михайловича Уйманова.

Полковник В.М. Уйманов (крайний слева) с ветеранами (Д.И. Исаченко — Новочеркасское СВУ, В.А. Коваленко — Минское СВУ, Е.А. Кармановым — Курское СВУ, Н.З. Кунцем — Минское СВУ) и суворовцами в день выпуска суворовцев из училища. 25 июня 1988 г.

ВАРЛАМОВ ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ (5.09.1933 г.)

Восемь лет учился в Сталинградском суворовском военном училище. Окончил Саратовское пехотное училище и Военную инженерную академию им. Ф.Э. Дзержинского. Служил во многих местах России и Белоруссии. Последние 8 лет службы в Советской Армии командовал воинской частью в Ракетных войсках стратегического назначения.

После увольнения в запас работал в системе образования Республики Беларусь. Автор учебных пособий и учебника по допризывной подготовке.

Член Союза писателей Беларуси. Написал роман «Честь погон» и повесть «Мужество». Лауреат премии Министра обороны Республики Беларусь в области литературы и искусства.

Из воспоминаний Вячеслава Борисовича Варламова

Первосуворовец

Я мало что помню о первом уроке в школе города Куйбышева, и даже свою первую учительницу, к сожалению, почти не помню. Это было в сентябре 1941 года, когда фашисты захватили Белоруссию, Прибалтику, большую часть Украины и блоки-

ровали Ленинград. Зато я хорошо помню, как студеной зимой в школе собирали посылки для фронтовиков. Я принес сшитый мамой кисет и оставшиеся от отца шерстяные носки. Мама вначале сокрушалась, что не может дать чего-то еще, а потом решительно встала, достала из комода хлебные карточки, вырезала из них несколько талонов и сказала мне:

— Отнеси их тоже. А мы как-нибудь перебежмся. Правда, Славик?

После школы мне приходилось выстаивать по несколько часов, а то и всю ночь в очередях за хлебом. Но ни разу и нигде я не слышал недовольства в адрес руководства страны. Напротив, наряду с обеспокоенностью положением дел на фронте в разговорах всегда чувствовалась уверенность в победе над фашизмом. Зимой 1941-42 годов Правительство СССР было эвакуировано из Москвы в Куйбышев. Когда же

В.Б.Варламов

все узнали, что Сталин остался в столице, то часто среди людей можно было слышать слова: «Сталин в Москве, значит, не бывать там немцу». И на фронте, и в тылу было единение народа в борьбе с фашизмом. Я это видел и слышал, я это помню! Этим было пронизано мое суровое детство!

А еще я помню, как после частых воздушных налетов на город мне удалось найти два осколка от снарядов наших зенитных пушек. Я хвалился своими находками, будучи уверенным, что именно вот эти мои осколки поразили фашистских гадов. Наши детские игры были несчастными, но когда они случались, то всегда были «про войну», и в них главенствовали, хоть и детские, но отвага, смелость, справедливость, честность.

Осенью 1943 года я был зачислен в Сталинградское суворовское военное училище. Сталинград был еще в руинах, а потому училище разместили в Астрахани. Много позже я поражался: как это в разгар Великой Отечественной войны, когда все было направлено на разгром врага, когда на счету были каждый килограмм металла или грамм хлеба, Советское Правительство приняло решение о создании девяти суворовских училищ для обучения и воспитания в них детей на полном государственном обеспечении.

С первых же дней нас, ставших суворовцами, приучали к самостоятельному наведению и поддержанию чистоты и порядка в своих комнатах. «Никаких уборщиц! Суворовцы не маленькие дети и должны сами за собой убирать, подметать и мыть», — говорил нам старшина Коломыйцев.

Как-то наш офицер-воспитатель капитан Денисов пришел вечером на самоподготовку вместе со старшиной Коломыйцевым. В руках у старшины был рулон серой оберточной бумаги, а в сумке — несколько ножниц, иголки, нитки. Капитан Денисов спросил нас:

— У кого уже кончились или кончатся тетради по русскому языку и по арифметике?

Руки подняли почти все.

— А переплетчики среди вас есть? — мы с недоумением оживленно загалдели.

— Я так и знал, что нет. И в стране их мало. Многие воюют на фронте, другие работают день и ночь, чтобы снабдить фронт и тыл всем необходимым. Да и бумаги в стране сейчас маловато. Вот и у вас тетради кончаются. Так что же будем делать? Ждать, когда красноармейцы и партизаны разобьют фрицев, возвратятся домой и сделают для нас тетради? А мы будем есть вкусную кашу и ждать?

В классе воцарилось молчание. Вдруг непоседа Женя Хижов воскликнул:

Суворовец В. Варламов.

— А мы, товарищ капитан, сами их сделаем. Правда, товарищ старшина? Вон у вас и бумага есть.

Украдкой Денисов и Коломыйцев хитровато переглянулись. Потом капитан, уже обращаясь ко всем, сказал:

— Ну что ж. Тогда за дело. Уроков на завтра, я знаю, вам не задавали. Так что каждому нужно будет сшить и разлиновать по одной тетради по русскому языку и по арифметике. А мы со старшиной вам поможем.

Работа закипела. Я относительно быстро нарезал листы и сшил их в тетради, а вот с разлиновкой пришлось повозиться долго. На это ушла не только вся самоподготовка, разлиновывать пришлось еще и после ужина.

9 мая 1945 года. Раннее теплое весеннее утро. Суворовцы еще сладко и мирно спали. Внезапно за окном раздался выстрел, потом еще, в нескольких местах города послышалась редкая беспорядочная стрельба. Я проснулся, у настержь открытых окон уже толпились несколько ранее проснувшихся ребят. Что за стрельба?

Вдруг в спальню вбежал дежуривший в этот день старшина Коломыйцев и закричал:

— Победа! Ребятки мои дорогие, поднимайтесь. По-бе-дааа!!! — таким Коломыйцева мы еще не видели. Он был необычайно возбужден, переполнен радостью и весь светился от счастья.

Теперь выяснилась причина ранних выстрелов — это самодеятельный салют горожан в честь Победы. Нам стало ясно, что в этой ранней суеде все перепуталось: ни тебе четкого подъема, ни физзарядки, ни утреннего осмотра. Случилось нечто чрезвычайное. Закончена война. Победа!

Вскоре стали приходить офицеры-воспитатели, командир роты, офицеры из числа командования училища. Потом некоторые на время исчезали и вновь появлялись, но уже в парадной форме, с орденами и медалями и какие-то необычайно торжественные. При всех орденах и медалях некоторых офицеров и старшин мы видели впервые. Теперь мы могли рассмотреть совсем близко и даже потрогать их боевые награды. У капитана Денисова на груди ордена «Красного Знамени» и «Отечественной войны», медали «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда». У старшины Коломыйцева — орден, какого в роте ни у кого не было, — орден Славы, медаль «За отвагу» и еще медали. Такого, как у командира роты, ордена Александра Невского тоже ни у кого не было. «Вот они какие, наши командиры и воспитатели!» — подумал я, трогая ордена на груди старшины Коломыйцева, а потом и капитана Денисова.

Поступила команда — всем суворовцам переодеться в парадную форму одежды и подготовиться к общеучилищному построению.

Перед строем под звуки оркестра пронесли и установили на правом фланге Знамя Сталинградского суворовского военного училища. Начальник училища зачитал приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Сталина о победоносном завершении Великой Отечественной войны:

— ...В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным

войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот! — закончил чтение последних слов приказа генерал-майор Субботин.

— Ура!

Мы еще нестройно, но с задором прокричали: «Ура! Ура! Ура!»

Потом выступали фронтовики, представитель городского комитета партии, суворовцы старших классов. После митинга училище с Красным Знаменем и оркестровым сопровождением пошло по улицам города.

Как только колонна вышла за ворота, оркестр заиграл марш «Прощание славянки». За полтора года мы еще не научились как следует ходить в строю. Люди останавливались, с ближайших улиц подходили и восторженно приветствовали вроде бы даже не только суворовцев, но в их лице и всех защитников Отечества, Великую Победу, о которой сегодня узнал весь Советский Союз, весь мир. Воздух был насыщен солнечным светом и теплом, бодрыми ритмами духового оркестра, радостью и счастьем людей.

Прощание с Красным Знаменем училища.
На переднем плане с автоматом Слава Варламов

В перерывах между оркестровыми маршами мы пели строевые песни. Стоило только замолчать оркестру, запевалы начинали, а затем все суворовцы подхватывали припевы песен:

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой.

Это начинала припев идущая впереди нас третья рота. Почти одновременно своими тоненькими голосочками где-то сзади подхватили припев своей песни самые младшие в училище суворовцы:

Из сотен тысяч батарей
За слезы наших матерей
За нашу Родину: «Огонь!» «Огонь!»

Вот пропел свой куплет запевала нашей роты Женя Хижов, и мы все подхватили припев песни:

Эх, бей, винтовка, метко, ловко,
Без пощады по врагу!
Я тебе, моя винтовка,

Песни сменялись оркестровыми маршами. Затем вновь одна песня сменяла другую:

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Или:

В атаку стальными рядами
Мы поступью твердой идем.

По городу шел праздник. Великий праздник Победы.

Обед у нас был тоже праздничным. В столовой играл духовой оркестр, только исполнял он уже не строевые марши, а тацевальные и песенные мелодии. На десерт каждому суворовцу дали по плитке шоколада.

Закончилась тяжелейшая война. Пока она шла, победа представлялась такой сказочно прекрасной, словно за ее чертой останутся все беды и невзгоды, а впереди будут только мир, покой и благоденствие. Однако советских людей впереди ожидали не просто мирная жизнь, но и напряженный труд, восстановление всего разрушенного, всего утраченного, вновь предстояли большие усилия и большие лишения.

Хотя по малолетству я и не воевал, не был в оккупации или в осажденном фашистами Ленинграде, но мне пришлось жить в ту войну и познать, что такое трудности и лишения, продуктовые карточки и что такое никогда не быть сытым. И все-таки мой разум тогда еще не был готов к восприятию величия Победы так, как воспринимали победоносное окончание войны взрослые. Но всеобщее ликование людей 9 мая 1945 года усилило зарождающееся во мне уже не детское чувство патриотизма.

Я твердо решил стать военным, достойным защитником своей Родины.

После окончания военной академии я двадцать лет служил в воинских частях РВСН, готовящих ядерные головные части ракет к боевому применению и содержащих их на боевом дежурстве. Некоторые эпизоды своей службы я описал в романе «Честь погон».

Кадет кадету — друг и брат (фрагмент из романа «Честь погон»)

Осень на Камчатке — великолепное время года. Сопки пестрят разнообразием красок, да таких ярких и сочных, каких, кажется, в других местах и не сыщешь. На фоне неба здесь величественно возвышались два вулкана — Авачинский и Корякский. Сейчас они спокойны, а вот землетрясения проявляют себя постоянно.

Прекрасную осень сменила суровая зима. Трескучих морозов здесь, пожалуй, и не бывает, зато сильная пурга — сущий ад. Несущаяся с огромной скоростью снежная масса застилала вокруг все, кружила, сбивала с ног. После нескольких суток такого кошмара наносило столько снега, что не только что проехать, местами и пройти-то было невозможно.

Как-то возле соседней казармы Андрей увидел незнакомого офицера. Подошел, познакомился.

— Мишин Александр, — представился молодой лейтенант.

Разговорились, оказалось, что Саша тоже окончил суворовское училище, только годом позже и не Сталинградское, как Андрей, а Казанское.

— И где ты разместился, у холостяков?

*В.Б. Варламов на презентации своей книги «Честь погон»
в школе № 24 г. Минска*

— Нет, я женат. Жене вот скоро рожать, а жить пока негде. В изоляторе, где ты жил, сейчас гриппозные. Шогенов мастерит себе какое-то жилье на окраине городка, а я вот уже ничего не успею сделать. Это мне все зам. по тылу рассказал.

— Ну и где же теперь твоя жена? — не отставал с расспросами Андрей.

— А вот здесь, в казарме. Ротный совместил канцелярию с ленкомнатой, а в освободившейся комнатухе разместил нас с Валею. Две солдатские кровати, стол и два табурета — жить можно. Мне-то ничего, а вот для Вали проблемы с туалетом.

— Слушай-ка, а давайте перебирайтесь к нам в землянку. Тесновато, правда, будет, все-таки пять с половиной человек, но ничего, перебьемся, предложил Андрей. В эту минуту он и не думал, что «Кадет кадету — друг и брат», и что надо выручать товарища, когда у него трудности. Просто сработали воспитанные с детства и ставшие сущностью личности Андрея понятия товарищества и взаимовыручки. Получилось все естественно, легко и просто. Пригласив к себе «квартирантов», он даже не посоветовался с Аленой. Ему и на ум не пришло, что она не одобрит его решения. Алена, конечно же, одобрила решение мужа.

На следующий день Саша и Валя переселились из казармы в землянку к Данкевичам. Своей кровати у них не было, да большая и не поместилась бы в землянку, солдатскую-то кровать и то еле втиснули.

КАРМАНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (04.03.1935 г.)

Родился на острове Сахалин. Перед началом Великой Отечественной войны семья Кармановых переехала в Москву. В 1942 году его отец-летчик погиб в небе над Смоленском, а мать умерла. Осиротевшего Женю направили сначала в детский дом, а потом — в суворовское училище. С 1-го по 10-й класс учился в Курском суворовском военном училище, которое окончил в 1955 году с серебряной медалью.

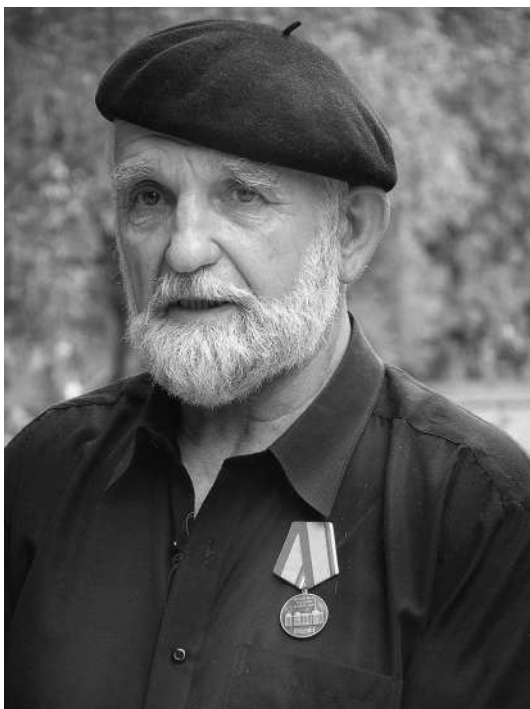
После окончания Рязанского пехотного училища лейтенант Карманов был направлен в Туркестанский военный округ. Но долго командовать взводом ему не пришлось. Молодой офицер имел прекрасную спортивную подготовку (мастер спорта по боксу, перворазрядник по стрельбе, лыжам и легкой атлетике), он выступал и занимал призовые места на соревнованиях военного округа и Вооруженных Сил СССР. Вскоре он поступил в Ленинградский военный институт физкультуры и спорта. Параллельно офицер Карманов учился на вечернем отделении Ленинградской академии художеств.

По окончании института физкультуры Карманов служил на должности начальника физической подготовки полка в Белорусском военном округе, а в 1962 году был уволен в запас.

Закончив военную службу, Евгений Александрович поступил в Белорусский театрально-художественный Институт, который закончил с отличием.

С этого времени началась творческая деятельность Евгения Карманова как художника, монументалиста.

Член Союза художников СССР, член-корреспондент инженерной академии Республики Беларусь (2000 г.), художник-монументалист, автор монументальных работ по оформлению санатория «Беларусь» в г. Сочи, санатория «Сосны» на о. Нарочь, госпиталя ветеранов Великой Отечественной войны в Боровлянах, ресторана «Журавинка» в г. Минске. Участник различных художественных выставок начиная с 1961 г. Автор галереи 100 портретов известных выпускников российских кадетских корпусов и суворовцев. Участник

Е.А. Карманов

Всесоюзной выставки молодых художников, других Всесоюзных и республиканских выставок, персональных выставок в Париже, Каракасе (Венесуэла), Сан-Франциско и Далласе (США), Хайфе (Израиль), Ольдензаале (Голландия), Гамелунде и Еспершотте (Германия). Произведения художника экспонируются в Национальном художественном музее Беларуси, Музее современного изобразительного искусства в Минске, Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны.

Евгений Александрович принимает активное участие в патриотическом воспитании молодежи, работе Белорусского союза суворовцев и кадет, международной ассоциации «Кадетское братство». Им создана галерея из почти 100 портретов известных выпускников российских кадетских корпусов и суворовских училищ. Ассоциация наградила его орденом «Кадетский крест» II степени.

Из воспоминаний Евгения Александровича Карманова

Я помню, как 1 мая 1941 года во время праздничной демонстрации отец про-

*Никишина Екатерина Алексеевна —
мама Евгения*

нес меня на плечах по Красной площади. Своими глазами я видел Сталина и других членов Правительства, стоящих на трибуне Мавзолея. Игнали оркестры, народ шел с лозунгами, было много цветов, был очень хороший солнечный день.

Начало войны в моей памяти ассоциируется с черной тарелкой радио на стене и окнами с бумажными перекрестиями. Отец ушел добровольцем в первые дни войны. Помню, как я сидел на подоконнике второго этажа и видел, как он шел по двору и затем скрылся в воротах нашего дома.

Тяжелые были времена. Нас с мамой сначала эвакуировали из города куда-то в сельскую местность недалеко от Москвы, а затем в город Саранул Мордовской АССР. Мать работала машинисткой, я был в детском саду. В 1942 году мать серьезно заболела, и ее госпитализировали в Москву, а меня забрали родственники и отдали в детский дом на Крымской площади г. Москвы.

Из жизни в детском доме мне хорошо запомнилось, как мы в своих серых пальто и серых шапках гурь-

Суворовец
Женя Карманов. 1943 г.

бой запрыгивали на ходу в трамвай, а пассажиры перемещались в другой конец вагона, опасаясь нас. Мы были грязные и голодные. Даже в парикмахерской нас не хотели стричь. В то время нам было по шесть-семь лет.

Шел 1942 год. В то время очень частыми были налеты вражеской авиации. Во время воздушной тревоги все срочно бежали в бомбоубежище, а я с моим другом Остапом — на крышу. Зрелище было потрясающее! По небу скользили лучи прожекторов, ловили немецкие бомбардировщики, а те сбрасывали «зажигалки» на крыши московских домов.

Мы хотели помогать взрослым, которые дежурили на крышах и в случае попадания бомбы готовы были большими щипцами сбросить ее на землю. К счастью, в наш дом ни одна бомба ни разу не попала. После бомбежки мы чувствовали себя героями, несмотря на упреки и наказания воспитателей.

Кормили нас регулярно, но мы все равно были всегда голодными. Поэтому изобретали всевозможные способы добывания пищи. Однажды мы с Остапом стащили какой-то ящик у продовольственного ларька. Когда мы принесли его в детский дом, все ребята нас уже ждали и с нетерпением стали его вскрывать. Каково же было наше разочарование, когда в нем вместо конфет оказались дрожжи. Делать нечего, стали есть и дрожжи. Что было потом, можете себе представить!

На лето нас вывозили в летние лагеря в Подмосковье. Здесь мы помогали убирать в колхозах картошку, турнепс, брюкву, морковь и другие овощи. Почему я так хорошо запомнил названия этих овощей — ими были забиты наши тумбочки.

Помню еще такой случай. Как-то нам в детский дом пришла гуманитарная помощь — американский шоколад и другие продукты. Дирекция детского дома, по-моему, допустила большую ошибку — они раздали шоколадные батончики только отличникам. Нам с Остапом, конечно же, ничего не досталось. Мы очень обиделись и ночью, дождавшись, когда завскладом Анна Петровна (она спала прямо в складе за ширмой) вышла проветриться, мы заскочили в склад, набрали полные карманы шоколада и булочек и только собрались выскочить, как она вошла. Мы успели

Суворовец Е. Карманов
в год Великой Победы. 1945 г.

спрятаться за ящики с продуктами, и нам пришлось всю ночь просидеть на складе. Уже под утро мы с трудом добрались до своих постелей. Ребята нас прождали всю ночь. Утром часа за два до подъема вся палата, человек 20, лежали и грызли под одеялами шоколад с белым хлебом. Пропажу обнаружили, и началось следствие. Вскрыли наши постели, и все стало ясно: на них крошки хлеба, а простыни измазаны шоколадом. Я не помню, какое было наказание, но мне кажется, что воспитатели поняли свою ошибку — не разделили шоколад поровну среди всех детей.

В сентябре мы пошли в первый класс. Остап был очень смышленным пареньком. Учеба ему давалась легко. Мы были всегда вместе. Но однажды пришли какие-то «дяди», и нас разлучили. Мне сказали, что мои родители погибли и что меня и сирот из других детских домов направляют в город Курск в суворовское училище.

В конце октября 1943 года нас посадили в купейные вагоны по несколько человек в купе и повезли в Курск. Ехали мы очень долго и часто останавливались. Помню, как на одной из остановок ватага беспризорников выскочила из вагона, поймала какую-то козу и начала ее доить. Откуда ни возьмись, появилась хозяйка с граблями, пришлось отступать, но молока по глотку досталось всем. Когда же, наконец, мы приехали в Курск, был поздний вечер. Кругом стояли разрушенные дома. Глазницы сгоревших домов смотрели на нас удивленно. Казалось, что они еще дымятся после недавних боев на Курской дуге. Курск был освобожден только в августе 1943 года. Привезли нас на улицу Садовую и сразу — в баню. После бани выдали все чистенькое, новенькое. Как ребята преобразились! Как гордились своей формой. Особенно в первые годы.

Итак, десять лет я проучился в Курском суворовском военном училище, с 1943 по 1953 год. Тепло отцовских рук и материнских сердец заменили нам офицеры и преподаватели, ставшие для нас отцами и матерями. Нет-нет, да и поглядывали мы с завистью на боевые ордена и медали учителей-фронтовиков. Правда,

Три друга — три боксера Делич Божидар (Федя), Чичиканов Владлен и Карманов Евгений после спартакиады суворовских, нахимовских и артиллерийских подготовительных училищ. 1951 год

и среди мальчишек были отчаянные ребята, успевшие повоевать.

Много было разных случаев и эпизодов в нашей безродительской кадетской жизни. Можно написать целые тома, но я вам расскажу некоторые из них. Мы, дети военного времени, были особенными детьми. Мы знали, что такое голод и, как маленькие зверьки, знали, откуда может прийти опасность, где спря-

таться и как приспособиться к любой обстановке. Мы были хитрыми «щенками», не избалованными жизнью. Ко взрослым относились по-разному. Очень любили военных. В каждом солдате, сержанте, офицере видели своего отца. Военная форма всегда вызывала у нас уважение и доверие. Особенно орденосцы и фронтовики. А воспитатели у нас были в основном фронтовики. Режим, жизнь по расписанию спасла нас, превратила из хилых мальчишек в крепких, физически развитых и уверенных в себе ребят.

Помню, первые годы в училище я был худеньким, головастым, ушастым и глазастым мальчишкой, а потому в самодеятельном театре играл девчонок. На каждом углу я получал щелбаны и подзатыльники от старшеклассников. Но мое самое любимое было задето, и я стал заниматься боксом.

Всем детям, чьи судьбы опалило военное лихолетье, я посвятил картину, которую так и назвал — «Детство, опаленное войной». Эта картина войдет в создаваемый мною триптих о жизни суворовцев и мальчишек, обучавшихся в российских кадетских корпусах и за границей, о выпавших на их долю испытаниях.

Идея создать галерею портретов суворовцев и кадет родилась у меня на Международном съезде кадет и суворовцев, который проходил в 1992 году в Санкт-Петербурге и Москве. На него приехали гости из Нью-Йорка, Вашингтона, Сан-Франциско, Монреаля, Парижа, суворовских училищ разных поколений. Вскоре мои первые картины появились в портретной галерее.

Генерал-лейтенант Л.С. Мальцев в мастерской художника Е.А. Карманова, выпускника Курского СВУ 1953 г., уделяющего значительную часть своего творчества написанию портретов выдающихся выпускников кадетских корпусов и суворовских военных училищ

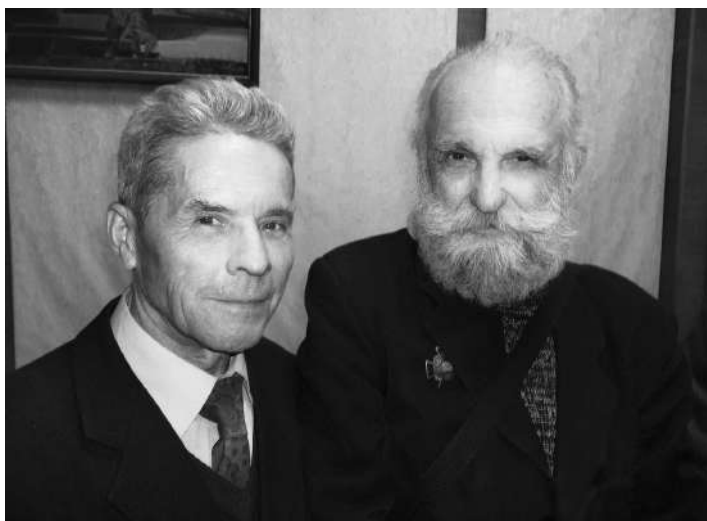
*Е.А. Карманов (третий слева) с героями своей портретной галереи в Минском СВУ.
Слева от него генерал-полковник П.Г. Чаус и офицер-воспитатель Н.В. Белов.
Справа офицер-воспитатель В.Е. Аниканов, генерал-лейтенант Г.В. Прокопчик, профессор Н.З. Кунц*

*На презентации книги «Минское СВУ и кадетское братство» в Москве.
Слева направо: Е.А. Карманов, В.В. Петрусевич (МнСВУ, выпуск 1958 г.),
А.Я. Гулько (МнСВУ, выпуск 1956 г.). 2004 г.*

*На II съезде кадет России в Санкт-Петербурге. Сентябрь 2009 г. Справа налево:
В.А. Чиковани (Тбилисское НВМУ), Е.А. Карманов (Курское СВУ), В.П. Нистюк (Минское СВУ),
Ю.М. Спектор (Кавказское СВУ), П.Ф. Гладких (Свердловское СВУ)*

*Е.А. Карманов с гостем съезда Белорусского Союза суворовцев
и кадет А.А. Галюком. 25 ноября 2012 г.*

ИСАЧЕНКО

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

(14.01.1937 г.)

Полковник Д.И. Исаченко

Родился в Брянской области. В 1949 году поступил, а в 1955 году с серебряной медалью окончил Новочеркасское суворовское военное училище. Затем окончил Ленинградское суворовское офицерское училище им. С.М. Кирова.

Офицерская служба лейтенанта Исаченко началась с должности командира взвода. Затем молодой лейтенант был избран секретарем комсомольской организации батальона, а потом и секретарем комитета ВЛКСМ полка.

В 1966 году офицер Исаченко окончил факультет журналистики Белорусского университета им. В.И. Ленина и стал военным журналистом. Работал в редакциях газет: Балтийского флота «Страж Балтики», Тихоокеанского флота «На страже Родины», Белорусского военного округа «Во славу Родины». Дмитрий Исаченко — член Союза журналистов СССР и БССР.

С 1978 года Дмитрий Иванович работал старшим инструктором отдела пропаганды и агитации в политуправлениях Белорусского военного округа и Группы советских войск в Германии, участвовал в уборке целинного урожая и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Полковник Исаченко закончил военную службу в 1994 году.

После увольнения в запас Дмитрий Иванович принимал активное участие в общественной жизни страны. Он стал инициатором создания и председателем молодежного клуба «Патриот» при Республиканском Доме ДОСААФ, инициатором создания и исполнительным директором совета Центра общественных организаций по патриотическому воспитанию молодежи.

Дмитрий Иванович является одним из создателей и первым председателем Белорусского суворовско-нахимовского союза, а с 2002 года — почетным председателем этого Союза.

Д.И. Исаченко 2004 г.

Он принимал активное участие в создании Международной ассоциации суворовских, нахимовских и кадетских объединений. Международная ассоциация «Кадетское братство» наградила Д.И. Исаченко орденом «Кадетский крест».

Из воспоминаний Дмитрия Ивановича Исаченко

Из своего раннего детства я мало чего помню, но этот эпизод врезался в мою память на всю жизнь.

...Обстрел нашей деревушки немецкой артиллерией заставил нас покинуть свою избу и пробираться на хутор, что за лесом. Когда мы уходили, языки пламени охватили многие избы. Дым ел глаза. Детским чутьем мы понимали, что происходит что-то страшное. Ощущение этого заставляло нас, малышей, молча бежать изо всех сил за матерью. А когда над нашими головами со свистом пролетали снаряды, мать, сгребая нас под себя, накрывала своим телом.

Мы добрались до хутора, но война пришла и сюда. Однажды мы услышали рокот мотоциклов. Вместе с жителями мы спрятались в погребе. Ждать «гостей» долго не пришлось. Поднялась дверь погреба, и столб света уперся в дно ямы. Мать закрыла нас собой. Я выглянул из-за ее спины. В квадрате окошка увидел лоскуток голубого неба и наклонившуюся фигуру фашиста с надменной улыбкой и стволом автомата, торчащего перед животом.

С тревогой я взглянул в лицо матери — ее широко открытые глаза недвижимо глядели в одну точку, на отверстие ствола автомата. Что удержало гитлеровца обдать нас свинцом пуль, не знаю. Но помню, как он рассмеялся и опустил дверцу подвала.

...Отгремели суровые годы войны, но и послевоенная жизнь была нелегкой. Когда наш дом настолько состарился, что в нем стало опасно жить, мы переселились к дедушке Егору. Дом этот был сооружен на месте сгоревшего в годы войны. В нем, «однокомнатном», располагались дедушка, бабушка и все многочисленное их семейство: дети, невестки, внуки. До сих пор удивляюсь, как можно было в четырех стенах без проблем улечься спать такому многочисленному семейству.

Утром первой со сном расставалась мама: ей надо было растопить печь, чтобы приготовить поесть всей «команде», да и во дворе раздавались мычание, хрюканье, кудахтанье — они тоже ждали своей еды.

Рано утром просыпался и я. Наступающий рассвет через стекла небольших рам растворял темноту помещения. От спящих исходили покой и безмятежность. Тишина, накопившаяся за ночь,

Суворовец
Новочеркасского СВУ
Д. Исаченко

охраняла их глубокий сон. В печи уже разгорелись дрова. Огонек от них красными пятнами отражался на стеклах вставленного напротив окна. Скоро начнется общее пробуждение, и наступит жизнь нового дня.

Где бы я ни был, в каких бы условиях ни жил, утреннее пробуждение в родной хате навсегда осталось для меня дорогим и счастливым.

...Во многих сельских семьях такое уж бытовало правило: кто-то из сыновей должен оставаться с родителями.

Брат моего отца, дядя Саша, еще юношей начал работать в сельсовете. Потом он участвовал в создании местных комсомольских организаций, далее — профсоюзная деятельность, учеба в Москве. Стало ясно, что в деревню он не вернется. Вот он и предложил отцу оставаться с родителями, пообещав ему, что поможет растить детей.

Дядя Саша планировал взять меня и брата Николая к себе с тем, чтобы со временем определить в суворовское училище. Так я оказался в Москве. Дядя был уже депутатом Верховного Совета СССР, ответственным работником аппарата Совета Министров СССР. Но свои намерения осуществить он не смог, потому что в начале 1949 года умер.

И все же дядины друзья определили меня в училище. В 1949 году я стал воспитанником Новочеркасского суворовского военного училища, за что очень благодарен судьбе.

Д. Исаченко и подполковник А. Борисевич вручают суворовскую форму
В. Келлеру, директору музея А. В. Суворова в г. Гарус (Швейцария)

ЧАУС

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ

(07.01.1939 г.)

Генерал-полковник П.Г. Чаус

Родился в 1939 году в Гомельской области Беларуси. После войны окончил 7 классов сельской школы и в 1953 году поступил в Минское суворовское военное училище. После окончания Ташкентского высшего общевойскового училища командовал танковым взводом, ротой, батальоном, полком. В 1975-1978 гг. был начальником штаба – заместителем командира танковой дивизии. С этой должности Петр Чаус поступил в Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, которую окончил в 1980 году.

Начиная с этого времени полковник Чаус — заместитель начальника оперативного управления штаба Среднеазиатского военного округа. Вскоре Петру Григорьевичу доверили командовать штабом корпуса, дислоцированного в Киргизии.

Весной 1987 года первый заместитель начальника штаба Среднеазиатского военного

округа генерал-майор Чаус был направлен в Демократическую Республику Афганистан — советником начальника Генерального штаба афганской армии.

По возвращении в Советский Союз Петр Григорьевич был назначен на должность начальника штаба Прибалтийского военного округа.

В августе 1991 года генерал-лейтенант Петра Чаус принял должность начальника штаба Гражданской обороны СССР. Это назначение, как оказалось в дальнейшем, круто изменило его судьбу, ибо, находясь в конце 1991 года по делам своего ведомства в Минске, он получил предложение возглавить формируемое Министество по делам обороны Беларуси. Республика становилась на путь суверенности, воссоздания своей государственности, и возможность быть вместе со своим народом для генерал-полковника Чауса была желаемой.

С мая 1992 года Петр Григорьевич Чаус исполнял обязанности заместителя Министра обороны Республики Беларусь, а с 1994 по 1995 год, до ухода в запас, работал советником в правительстве Беларуси.

Уйдя в 1995 году на заслуженный отдых, генерал-полковник П.Г. Чаус продолжает поддерживать постоянную связь с Вооруженными Силами Республики Беларусь и родным Минским суворовским военным училищем. Он возглавляет между-

Маршал Советского Союза Н.В. Огарков поздравляет П. Чауса с окончанием Академии Генерального штаба. 1980 г.

народное кадетское движение, является председателем Международной ассоциации суворовских, нахимовских и кадетских объединений «Кадетское братство», почетным председателем Белорусского суворовско-нахимовского союза, переименованного впоследствии в Белорусский союз суворовцев и кадет.

Петр Григорьевич Чаус награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных

Силах СССР» III степени, двумя орденами Красного Знамени Демократической Республики Афганистан, многими медалями СССР, Республики Беларусь и иностранных государств.

В 2005 году Петр Григорьевич в числе первых был награжден Международной ассоциацией «Кадетское братство» орденом «Кадетский крест» I степени. В 2013 году Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси наградил его орденом Белорусской православной церкви — святителя Кирилла Туровского II степени.

Афганистан. Заслушивание командира о ходе боевых действий. В центре генерал-лейтенант П.Г. Чаус и командующий армией генерал-лейтенант Б.В. Громов

Из воспоминаний Петра Григорьевича Чауса

Начало пути

(фрагменты из книги «Жизнь — Отечеству, честь — никому!»)

1. Мама — главное слово

Дата моего рождения, как записано в метрике, — 7 января 1939 года. Все, наверное, говорили, что это хорошо — я родился на Рождество Христово, хотя такого праздника в те времена как бы не существовало. Однако в народной традиции и в вере во Всевышнего он все равно оставался...

Достроив дом и кое-как освоив землю, отец ездил на заработки, а мама дома управлялась с хозяйством, растила детей. Мы, и старшие, и младшие, понимали трудности жизни и старались, как могли, помочь ей. Отец, когда приезжал с заработков, хвалил нас за усердие и старание, угощал небогатыми гостинцами.

Но эта с такими трудами налаживавшаяся жизнь оборвалась 22 июня 1941 года... Война грянула для всех неожиданно. Взрослые говорили, что Красная Армия должна скоро дать сокрушительный отпор захватчикам — так писали газеты. Отец, как и многие мужчины, хотел идти воевать, но он уже давно и по возрасту, и по состоянию здоровья был комиссован и призыву в армию не подлежал.

Немцы на мотоциклах появились на окраине деревни внезапно, миновали ее и двинулись в клубы пыли дальше. И для всех нас жизнь сразу разделилась на «до» и «после войны». Оккупанты спустя всего несколько дней начали насаждать так называемый «новый немецкий порядок» (иное Ordnung). Хотя все пока продолжали жить прежним укладом, обстановка в деревне круто менялась, как только наезжали немцы. Они собирали сельчан, доводили свои непомерные требования и грабительские продразверстки, ставили задачи назначенному ими старосте и так называемому активу: нашлись доморощенные прихвостни-предатели, которых люди презрительно называли «бобиками». Некоторые были из местных. Они доносили немцам на односельчан, всячески помогали им. Вытаращив от рвения глаза, шныряли по селам и готовы были выполнить любой, самый бесчеловечный приказ немцев.

После каждого грабежа немцы требовали у сельчан выделить подвод, чтобы вывезти «трофеи», главным образом свиней, кур, «млеко» и «яйки», теплую одежду. Однажды, когда очередь дошла до нас, отец притворился больным тифом, а этой болезни немцы очень боялись. На самом деле он простудился и лежал с высокой температурой. И кто-то из деревенских, стремясь выслужиться, донес немцам, что отец только притворяется тифозным. Что тут началось! Отца зверски избили, потом вытащили на улицу, хотели расстрелять. Мама с маленькой Аней на руках загородила его, немец ударил ее прикладом в грудь, выстрелил вверх, а потом навел автомат на отца. Тот, больной и избитый, пошатываясь, вынужден был пойти запрягать лошадь.

В наших краях ширилось партизанское движение, партизаны в полной мере навязывали оккупантам свою войну. Мой старший брат Иван был ординарцем

у командира бригады, первого секретаря Полесского обкома партии Ивана Дмитриевича Ветрова. Когда партизаны контролировали местность, у нас некоторое время жили три солдата-словака, перешедших на сторону партизан. Как-то в конце весны 1943 года они дали мне выстрелить из карабина. Положили оружие на забор, я нажал на спусковой крючок и при отдаче от выстрела кубарем улетел в коридор, дверь которого была открыта. Так я получил свое первое «боевое крещение», после чего желания пострелять долго не появлялось.

Фашисты особенно свирепствовали с осени 1943 года, как потом мы узнали, после поражения в Курской битве. Участились карательные операции против активно действовавших партизан и местного населения. Людей загоняли в сараи, общественные помещения и сжигали заживо, а тех, кому удавалось выбраться из огня, расстреливали. Более шестисот Хатыней осталось на щедро политой кровью земле Беларуси. Таким же чудовищным путем была сожжена соседняя деревня Хвойня. Многих сельчан оккупанты угнали на работу в Германию, другие попали в концлагеря. Партизаны вынуждены были уходить из деревень в лес и оттуда наносили удары по врагу.

Однажды какой-то добрый человек подсказал, что ночью полиция придут арестовывать нас, как помогавших партизанам. Родители быстро загрузили, что могли, в повозку, и мы, как оказалось, навсегда оставили свой дом. Как и многие другие семьи, пришли в партизанский лагерь — другого пути не было. Зимовали в сооруженных из веток куренях (шалашах), в центре которых горел костер. Вокруг него, ногами к теплу, и спали. Были случаи, когда костер разгорался и шалаш вспыхивал, нужно было сломя голову выскакивать, успев хоть что-то выхватить из пламени. Построить в партизанском лагере что-то более серьезное не представлялось возможным, поскольку из-за налетов карателей часто приходилось менять место расположения.

Последним таким местом, где пришлось остановиться, было Черное болото на границе Любанского и Октябрьского районов, где дислоцировалась партизанская бригада И.Д. Ветрова. Там был остров, окруженный болотами, которые зимой не всегда замерзали. Это поначалу спасало нас от фашистов.

В начале весны 1944 года немцы предприняли карательную операцию по уничтожению лагеря. Командование бригады, видя, что фашисты окружают партизан со всех сторон, и не имея возможности оказать сопротивление, ночью скрытно вывело отряды в безопасное место. И утром — а было это вербное воскресенье перед пасхой, мы проснулись одни... В лагере не осталось ни одного партизана, а нас даже не предупредили, что они уходят. Потом говорили, что так надо было в целях конспирации. А если бы партизаны вступили тогда в неравный бой с гитлеровцами — трудно сказать, чем бы он закончился, но, скорее всего, вряд ли я вел бы сегодня свой рассказ. И попали мы, что называется, «из огня, да в полымя»...

Начались морозы, и немцы, пешие и на лошадях, сумели пройти по замерзшему болоту к лагерю. Мы слышали звуки приближавшейся стрельбы. Что делать? Мама была верующим человеком, а больше, чем в Бога, тогда верить было не в кого и не во что... Она заставила нас стать на колени и молиться.

И спасло нас, видимо, чудо. Немцы продвигались по лагерю и стреляли по шалахам, держа автоматы на уровне пояса. Пули свистели над головами, к счастью, никого не задев.

Потом приоткрылся вход, раздался гортанный крик «Хальт!», и шалаш затрепал в огненном смерче, подожженный трассирующими пулями. Мы едва успели выскочить. Все вокруг пылало. В голове одна мысль: что с нами будет? Мама успела вытащить из шалаха мешок с зерном, но бдительный полицей ножом раскромсал его и высыпал содержимое на землю: «Пропадайте, земляки!.. А у нас, полицейев, свой, немецкий паек». Это врезалось мне в память навсегда.

Немцы и полицей собрали захваченных в партизанском лагере людей, построили и под охраной повели в неизвестность. К вечеру нас пригнали в село и разместили в уцелевших домах так плотно, что можно было только стоять. Так мы промучились, опираясь один на одного, задыхаясь от духоты и смрада, до утра. Затем всех выгнали на улицу, вновь построили и начали делить: мужчин — в одну колонну, женщин — в другую, а пожилых женщин и детей — в третью. Отец в это время был с нами, его определили в мужскую колонну, сестер Олю и Нину — в женскую, а маму, Аню и меня — в третью. Это было страшное, душераздирающее зрелище: все плачут, кричат, а поверх воплей несчастных — резкие выкрики и хлесткие команды немцев и полицейев.

И вот несчастные, голодные, доведенные до отчаяния люди, разделенные на три группы, снова двинулись в путь. В конце марта, в самую распутицу, нас безжалостно гнали, как скот на бойню, замерзших, нередко полуживых, в направлении Озаричского концлагеря, известного теперь во всем мире как фашистский лагерь смерти. На ночь нас запирали, как правило, в церкви или животноводческом помещении, огороженном колючей проволокой, и под усиленной охраной. Матерям, у которых были дети, иногда разрешалось выходить за водой или за какими-нибудь продуктами. Начиналась весна, земля оттаяла, на огородах иногда можно было найти мерзлую картофелину, свеклу или редьку, сварить на костре и хоть как-то покормить детей.

Я помню, как хотел выйти с мамой из лагеря за водой к колодцу, расположенному невдалеке. Обездоленным, голодным людям, и особенно детям, очень хотелось не только есть, но и пить. Немец-охранник меня не пускал, но я, ухватившись за ведро, прорвался с мамой за проволоку. Фашист поднял винтовку и начал целиться в нас. Мама заслонила меня. Немец выстрелил мимо, и мы, перепуганные, вернулись за проволоку.

Мама все время носила с собой иконку и молилась. А в один из вечеров она сказала мне и сестре Ане, что решила до самой смерти поститься в понедельник и молиться за Ивана. Она уже тогда постилась в среду и пятницу и что-нибудь ела, если, конечно, было что, только вечером. С этого времени она постилась три дня в неделю и не ела мяса и мясных продуктов до самой смерти в мае 1976 года...

Через несколько дней мы оказались в деревне Хоромцы, где жил дядя мамы Владимир. Он каким-то образом узнал, что мы находимся в лагере на кладбище, где был костел, и уговорил коменданта отпустить нас под расписку, чем-то, конеч-

но, задоблив его. Так мы оказались «на воле» — под оккупантами. Дядя Владимир спас нас от Озаричского лагеря, куда всех гнали фашисты. Но туда попали моя бабушка по материнской линии Евгения с невесткой и пятью внуками — Катей, Лидой, Надей, Олей и Ниной. Однажды она подошла к машине, с которой немцы бросали голодным людям хлеб, больше похожий на камень, мерзлый и малосъедобный. Фашист запустил такую «булку» бабушке в голову. Она еще смогла передать этот хлеб детям, но тут же умерла. Маленькие Лидка и Надя вместе со своей мамой тоже не вышли из этого ада.

В один из дней фашисты собрали в поле всех жителей деревни, взрослых и детей, поставили пулеметы и приготовились к расстрелу. Скорее всего, кем-то в деревне был нарушен «новый порядок». Время от времени оккупанты пускали по верх голов очереди, и мы с ужасом ждали, когда пули полетят в нас... Ближе к вечеру вышел комендант, произнес какую-то речь на ломаном русском языке, а после такого устрашения нас отпустили. По ночам немцы жгли крестьянские дома — такое у них было своеобразное «хобби». Делали это просто: очередь зажигательными пулями по соломенной крыше — и деревянный дом объят пламенем. Особенно страшным было это зрелище, когда поднимался ветер и огонь перебрасывался с одного строения на другое. Народ дружно, толокой, пытался тушить пожар, но хоть что-нибудь спасти удавалось редко. За считанные минуты лишались крова и всего нажитого многие семьи.

В мае 1944 года нас нашел отец. Он рассказал, что смог убежать от немцев и вернулся в Черное болото. Началась распутица, болото стало непроходимым для немцев, и партизаны вернулись. Однако там властвовали голод и холод, начался тиф. Больным лежал и Иван. Мы очень за него переживали, мама от бессилия и невозможности хоть чем-нибудь ему помочь все время молилась и плакала.

Стремясь как-то поспособствовать партизанам и Ивану, отец нашел лошадь и повозку, собрал у знакомых и родственников кое-какие продукты, взял с собой для прикрытия мальчика-сироту, якобы родственника, и отправился знакомыми тропами в лагерь. Дорога была долгой и трудной, на каждом шагу поджидала опасность...

К сожалению, как мы потом узнали, помочь партизанам отец так и не смог. На одной из немецких застав его остановили. Версия о том, что отец едет к семье, была правдоподобной, и все бы ничего, если бы его не опознала одна женщина из нашей деревни по имени Левося и не выдала немцам. Его начали зверски пытать, а мальчика отпустили (он вскоре после войны, как говорили, умер). Отца в последний раз видели в концлагере в городе Бобруйске — об этом рассказывала после войны одна женщина. Он смог сообщить ей, что завтра его расстреляют.

Так я потерял отца. К сожалению, после военного лихолетья не осталось ни одной его фотографии. У мамы был паспорт с маленьким фото, после войны она отдала его заезжему мастеру увеличить, но оно пропало вместе с мастером.

В конце июня 1944 года гул войны докатился до нас, все ждали освобождения. Жили мы тогда в Хоромцах, не зная, где отец, где Оля и Нина, жив ли Иван. В один из вечеров мы увидели, что немцы жгут свои автомобили и другое имущество, кото-

рое не могли забрать с собой. А утром, когда проснулись, фашистов уже не было. Затишье было непонятное и, казалось, временное. Над головой летали самолеты с красными звездами, слышалась орудийная канонада, а потом пришли наши солдаты.

Это была самая большая за всю войну радость для людей, которые пережили долгие годы оккупации. Откуда-то взялись хлеб и цветы, даже самогонка. Кругом слышался смех, а на глаза навертывались слезы — все смешалось... Однако эта радость омрачалась отсутствием близких людей, неизвестностью их судеб. Куда нам теперь идти?

Вскоре вернулся Иван, израненный и оборванный. Нашел нас и рассказал, что отца он не видел. Потом прилетел из Москвы командир партизанской бригады И.Д. Ветров, начал собирать оставшихся в живых партизан на парад и для награждения. Это был праздник, как говорят, со слезами на глазах... Жаль, что отец так и не дождался этого светлого часа. Ветров передал Ивану медаль «Партизану Великой Отечественной войны», которой был награжден отец.

Мама собрала мешочки (их называли «клунками»), и мы втроем пошли разбитыми дорогами домой, в Старину. В одной из деревень нас остановил военный фотограф, поставил около сгоревшей хаты, рядом с разваленной печью, и сфотографировал. Сказал: «Вот придут хозяева этого дома и увидят, что от него осталось».

Мы пришли в свою деревню и увидели ту же печальную картину: ни дома, ни сарая, ни даже склепа не осталось, все сгорело. Остался только колодец с журавлем, который выкопал отец перед войной. Где жить, как искать пропитание? Соседи подсказали, что немцы расстреляли семью односельчанина Гриневича, его дом теперь пустой.

Этот дом стал нашим первым пристанищем после войны в родной деревне. А вскоре пришли Оля и Нина. Это была неопиcуемая радость для всех нас. Они рассказали о своих мытарствах. Их беды, наши скитания — все это, к счастью, было уже в прошлом...

Мы строили планы на новую жизнь. Однако не тут-то было. Вскоре все заболели тифом. У мамы уже давно, после Черного болота, болели ноги, они были в незаживающих ранах. А кругом голод, продуктов нет, лекарств тоже. И мама, выбившись из сил и от ощущения безысходности, больная, ушла из дома в лес, решив умереть, чтобы не видеть, в каком страшном положении оказались ее дети... Полежав в лесу на земле, почувствовала себя легче и, собравшись с духом и силами, решила вернуться. Годы спустя она сама об этом рассказала. Это был первый и последний случай, когда мама проявила слабость и неуверенность. Так она считала, предъявляя самый жесткий счет к себе...

Бороться за жизнь приходилось еще долго. Через некоторое время нас выселили из дома, где мы собирались хоть некоторое время пожить. Строение было большое, и оно понадобилось для детского дома, который открывался в деревне. Я и Аня тоже хотели попасть в детдом, но нас не приняли, туда направляли лишь круглых сирот.

В сентябре в соседней деревне Филипповке, в полутора километрах от нашей, открылась школа, и мы с сестрой Аней пошли учиться. Мне еще не было и шести

лет, но, чтобы не оставаться дома одному, решил тоже, по примеру старших, идти в школу. Однако духу хватило всего на неделю. Я опять заболел, так что учебу пришлось оставить еще почти на два года.

Но в стороне от школы я не остался, помогал сестре делать тетрадки из обрывков немецких бумажных мешков, чернила из лесных черных ягод и сажи, выстругивал из деревянных палочек ручки для письма. Учебников практически не было. Зато было большое желание детей учиться, а учителей — учить.

А тогда надо было выживать после опустошительной войны. Все разорено, мужчин в деревне практически нет. Всю работу, самую тяжелую, такую как пахота, косьба, выполняли женщины, подростки, а то и дети. Меня как-то летом попросили пасти колхозных овец. Их-то и было всего одиннадцать. Я пас каждый день, совсем голодный. Зато вечером мне давали поллитровую бутылку молока, которого доставалось всем понемножку. Это была моя посильная помощь семье.

Брат Иван, как единственный мужчина в деревне, несколько месяцев работал председателем колхоза. Через некоторое время его призвали в армию. На фронте он был ранен и, учитывая прежние ранения, комиссован. После лечения в госпитале в Бобруйске его отправили работать в Козловщинский район Барановичской области (теперь это Слонимский район), где он был избран председателем Вишевского сельского совета. Это западная Беларусь, люди были настроены к советской власти далеко не любезно. Уклад жизни там несколько отличался от нашего, и народ жил богаче. Колхозов еще не было, можно было работать у зажиточных хозяев и получать натурой зерно, картофель. В сельсовете 10 деревень, до района — 20 километров, для связи — телефон, для личной защиты — пистолет и карабин, с которыми нельзя расставаться ни днем, ни ночью. Милиционер-участковый, фельдшер и ветеринар — вот весь сельский актив. А в лесах и деревнях хозяйничали бандеровцы-националисты из недалекой отсюда Украины, да и местных среди них хватало. Безвинного народа на тот свет они отправили немало. И мама решила перебраться на жительство к сыну, чтобы, может, уберечь его, помочь выжить... Для меня Иван был не только старшим братом, но и фактически заменил отца.

В 1946 году я пошел в школу. Учеба мне давалась легко. В деревенской хате

Петя Чаус с мамой и сестрой Анной. 1952 г.

занимались с одним учителем одновременно два класса: первый — 9 учеников, и третий — 5. Учитель, Иван Ефимович Тагиль, делал все, чтобы дать нам начальные знания. Через два года в деревне была открыта семилетняя школа. В ней я проучился семь лет и в 1953 году ее успешно окончил.

В 1952 году мама решила вместе со мной поехать на нашу малую родину, в деревню Старица нынешнего Петриковского района, и в августе мы отправились в родные края. В лесу в том году было много ягод, грибов, особенно белых. Мама показала места, где она когда-то собирала их с отцом. Посетили родственников. Дед Кирилл в свои 84 года еще работал лесником. Он просил нас остаться на зиму, мы так и порешили. Дед Кирилл был уважаемый, авторитетный в деревне человек. Он прожил сто лет, а в молодые годы служил в царской армии в Слониме, в тех краях, где потом жила моя семья. Во время войны погибли два его сына, Иван и Авраам. В 1993 году, вернувшись в родные места, я нашел могилу деда Кирилла и установил памятник. Внуки и правнуки теперь ухаживают за его могилой.

Три четверти 7-го класса я ходил с ребятами из Старицы за 5 километров в Кашевическую семилетнюю школу. Жутковато было идти по лесу зимой, когда еще совсем темно. Мы собирались в конце деревни и шли все вместе, и никогда не опаздывали. Принципиальной разницы в учебе в разных школах не было. Я быстро освоился с новым классом и учителями, успевал хорошо. Было интересно — много родственников, в том числе и среди школьников. О некоторых я знал лишь из семейных воспоминаний. Скажем, Валентин Романовский, Николай Цегельник — двоюродные братья. Были среди родственников и девочки. К сожалению, многие из них уже забылись...

В марте 1953 года мы вернулись в западную Белоруссию, и седьмой класс я оканчивал с хорошими и отличными оценками в Вишевской школе. Не скоро мне довелось посетить ее вновь. Но старый учитель А.С. Жуковский, в прошлом завуч школы, помнил меня. В 1992 году мы встретились с ним, уже заслуженным работником культуры Республики Беларусь.

По окончании школы встал вопрос: куда пойти учиться? По этому поводу собрался наш женский семейный совет: мама, Оля, Нина и Аня. Они уговорили меня идти по медицинской линии, мол, в нашем роду докторов не было. Учитывалось и то, что в военное училище мне еще рано было поступать, хотя я, как и большинство детей войны, только об этом и мечтал. Поэтому, учитывая мнение совета, я собрал необходимые документы и отправил их по почте в Барановичский фельдшерско-акушерский техникум.

Вскоре приехал Иван и буквально ошарашил меня новостью: в Минске открывается суворовское военное училище, и есть одно место в райвоенкомате для желающих поступить туда. Я от радости запрыгал. Но ведь документы уже ушли в медицинский техникум. Что делать? Мы посоветовались и сделали дубликаты отправленных в Барановичи документов. По ним служивший в Козловщинском райвоенкомате лейтенант Торчик оформил мне направление в Барановичский областного военкомат. Он сказал, чтобы я нашел там подполковника Жукова и отдал ему документы.

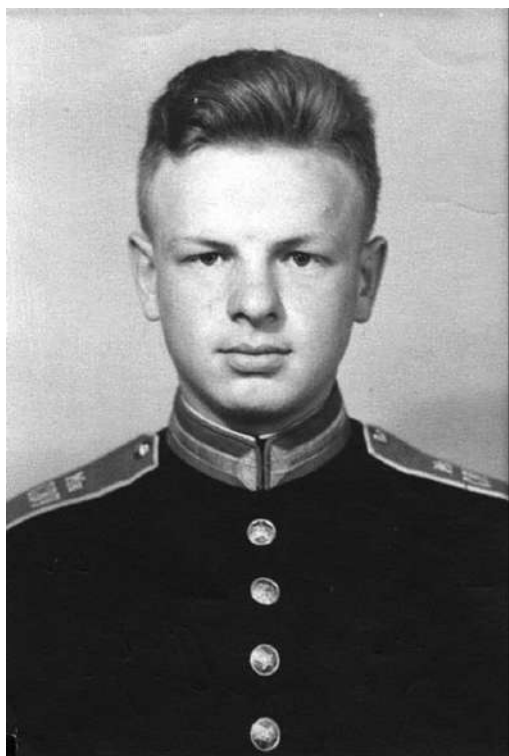
В Барановичах я отыскал военкомат, во дворе которого и вокруг перемещалось туда-сюда большое количество людей в гражданской и военной одежде. Посмотрел я на это людское море и подумал: куда мне, крестьянскому сыну, лезть... Напала какая-то робость, и в подавленном настроении я ушел оттуда. Но через некоторое время вспомнил, что надо найти подполковника Жукова и отдать документы, что я и сделал. На самом деле Александр Петрович оказался майором. Он забрал документы и отправил меня в барак, сказав ждать, пока вызовут.

В бараке было много детей, особенно шустрых детдомовских. Они тотчас проверили мой чемоданчик и по-свойски сказали: «Держись нас, деревня! Не пропадешь». После обеда начала работать медкомиссия, наши ряды начали помалу таять. Детдомовцы были дружными, и если один из их команды комиссию не проходил, все они в знак солидарности сразу уходили. Так уехали трое ребят из Слонимского детдома.

Я уверенно прошел все испытания, и сразу после медкомиссии нас, тринадцать семиклассников, повели в здание школы. Нам предстояло написать диктант по русскому языку. Можно представить мое волнение: ведь я уверенно мог написать диктант на родном, белорусском языке, а тут русский. Сел на первую парту и думаю: «Будь что будет!» Диктант был по рассказу В.Г. Короленко

Генерал-майор Д.К. Мальков в Острошицком городке. Стоят слева направо: полковник П.Г. Ребров, генерал-майор А.И. Крючков, полковник Ф.А. Асмолов

Суворовец П. Чаус. 1955 г.

«Огоньки». Этот текст я помню до сих пор: «Плывем, плывем, а огоньки все так же близки, и — далеки...»

Экзаменаторы собрали наши «творения», мы за дверями в тревоге ждали результата. Прошел слух, что из 13 человек, писавших диктант, у троих «тройки», у остальных «двойки». Я поначалу тоже предполагал худшее, не думал, что попаду в число «троечников». И вот вызывают меня в класс, учительница, которая диктовала текст, раскрыла листок, и я увидел оценку — три балла. Конечно, обрадовался... Она попросила, чтобы я объяснил, почему у меня такие ошибки в диктанте. Я сказал, что учился в белорусской школе, мне трудно сразу перейти на русский язык, и в знаменателе под «тройкой» появилась «четверка».

Я воспрял духом, но тут меня вызывают в другой класс — сдавать экзамен по физике. Учительница задает вопросы на русском языке, а я отвечаю по-белорус-

ски, хотя и прекрасно ее понимаю. В общем, взаимопонимания было немного. Она спросила, что я получил по русскому диктанту, и уверенно поставила три балла. На другой день я успешно сдал химию и немецкий язык, и меня вместе с другими ребятами объявили принятыми в Минское суворовское военное училище. Сказали вернуться домой и ждать вызова. И в двадцатых числах навсегда врезавшегося в память августа 1953 года мама благословила меня на избранный мною путь, которым я и иду всю свою жизнь...

Моя дорогая мама!.. Сколько ей пришлось пережить на своем веку! Маме было отпущено немногим более 75 лет жизни, и все они прошли в труде и заботах. Много она вынесла горя, и мало выпало на ее долю хороших дней. Но вырастила одна, без погибшего в годы войны мужа, пятерых детей, достойных граждан страны, защитив их своей любовью, молитвами от жизненных невзгод.

Безмерная вера мамы во Всевышнего не могла не оставить своего следа и в моей душе. Конечно, реалии того времени, нелегкие военные будни притупляли ее, не оставляли времени хоть изредка пойти в церковь.

Но в трудные моменты, особенно в боевой обстановке, нередко приходилось обращаться к Богу, как и к светлой памяти мамы, и эта вера, и ее светлый образ спасали от бед и невзгод.

Низкий поклон тебе, родная...

2. Алые погоны суворовца

11 марта 1953 года командующий Белорусским военным округом Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко получил директиву: «В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 21 июля 1952 года военный Министр приказал:

Сформировать в г. Минске суворовское военное училище численностью переменного состава 550 воспитанников... Училище именовать «Минское суворовское военное училище». Формирование училища начать с 1 мая, начало занятий с 1 сентября 1953 года».

В 20-х числах августа 1953 года я прибыл в Минск в суворовское военное училище. На вокзале нас, прибывших из Барановичского облвоенкомата, встретили офицеры СВУ. Посадили в машины, провезли через заново отстраивающийся город и доставили в казармы военного городка Уручье. Здесь мне вместе с другими принятыми в училище суворовцами с первых дней пришлось познакомиться с азами воинской дисциплины и жизни: ранний подъем, физзарядка, уборка постелей, построение на утренний осмотр, занятия и множество других мероприятий, характеризовавших в определенной мере нашу будущую военную службу.

Погода стояла очень жаркая, а мы были обмундированы в черную шерстяную суворовскую форму с алыми погонами на плечах и такого же цвета лампасами на

У сохранившегося памятника В.И. Сталину
в г. Куляб Таджикской ССР. 1983 г.

брюках. Нам, без преувеличения, «небо казалось с овчинку». Друзей нет, вокруг — командиры, сплошные построения. А что делать, куда бежать, толком еще не знаешь... Всю неделю занятия были в основном на улице, в жаре, в поту, а отдыха почти никакого. После первой недели в Уручье несколько «слабаков» не выдержали, убежали, или их забрали родители. Честно говоря, глядя на них, и у меня возникало иногда такое желание: романтика нередко пасует перед прозой военной жизни. Кто знает, как бы все было дальше, ведь мы были детьми, если бы в последних числах августа нас, наконец, не отправили на автомашинах из Уручья в неизвестный мне Минск.

Нас привезли на площадь Парижской Коммуны. На торжественном построении у Большого театра оперы и балета, что рядом с училищем, первый набор Минского СВУ встречал оркестр, ко многим суворовцам пришли родственники с цветами. Настроение было уже другое,

приподнятое. К нам обратился с теплыми напутственными словами первый начальник училища Герой Советского Союза генерал-майор Дмитрий Кузьмич Мальков. А потом мы строим вошли в красивое, пахнущее свежей краской, величественное здание на улице Горького. Все вокруг блестело и сверкало, манило новизной. Такой красоты мы не видели, восторг и удивление были неописуемыми. Нам сразу же захотелось остаться в этом прекрасном дворце.

Начало курсантской жизни. Слева направо:
А. Жоров, П. Чаус, второй ряд справа А. Бабич

На следующий день юных суворовцев собрали в актовом зале училища, равных которому в Минске по красоте и классическому архитектурному стилю, пожалуй, и сейчас немного. С торжественного собрания в нем начался первый учебный год Суворовского училища. Потом в этом актовом зале в течение трех лет каждую субботу и воскресенье нам показывали художественные и документальные фильмы. Здесь проходили встречи с государственными деятелями и героями, артистами, проводились вечера танцев, организовывались концерты.

Особое впечатление произвела столовая: столы на четыре человека, накрытые белыми скатертями. Отличное четырехразовое питание. И все это для детей войны, большинство из которых до этого редко были сыты. В первое время все съестное в мгновение ока сметалось со столов, и лишь потом стали оставаться хлеб и другая пища.

Личный состав училища состоял из шести рот по 75–80 человек в каждой. Наша рота была старшей по возрасту и именовалась первой. И вышло, что я попал в первое отделение первого взвода первой же роты. Так с той поры и приходилось по жизни часто быть первым... Командиром роты был подполковник А.Л. Орлов, офицером-воспитателем первого взвода — знакомый мне по военкомату майор А.П. Жуков, второго — старший лейтенант В.Е. Аниканов, третьего — капитан Н.В. Белов.

Мы пришли в училище после седьмого класса, нам к тому времени исполнилось 14–15 лет. Вместе с нашим был набор и в другие, младшие роты со сроком обучения от пяти до семи лет. Имелся и так называемый подготовительный класс. Эти ребята отучились в общей сложности девять лет.

В военной форме одежды суворовцев просматривалась преемственность традиций кадетских корпусов — сочетание черного цвета с алыми погонами, такого

Вся семья П.Г. Чауса в сборе. 2012 г.

Руководство Международной ассоциации «Кадетское братство» у начальника Генерального штаба ВС РФ. Справа налево: Е. Шишков, В. Герасимов, П. Чаус и С. Есин. 2013 г.

же цвета тульей на фуражке и белыми кантами на них. Парадный китель, в отличие от гимнастерки, надевавшейся через голову, был однобортный, приталенный, с восемью пуговицами и жестким стоячим воротничком, на петлицах красного цвета — золотистые шевроны. Летом использовалась фуражка со светло-серым чехлом на тулье. На красных с белым кантом погонах имелся золотистый буквенный шифр «МнСВУ» (у каждого суворовского училища свой). Такая форма одежды просуществовала до 1997 года. Ныне сочетание черного цвета с красным, только без белого канта, сохранилось в парадно-выходной форме одежды питомцев Минского СВУ. Повседневная форма суворовцев — камуфляжная.

Суворовцев в Минское СВУ набирали в 1953 году в основном из семей простого народа, родители которых погибли в годы войны. Много было среди нас детдомовцев, сирот, и только лишь один — сын подполковника, военкома Столинского района, Володя Линевиц.

Памятно первое увольнение в город. Минск был еще в руинах и развалинах, пространство от Оперного театра до Дома офицеров просматривалось насквозь. Не было ни парков, ни скверов, ни Дворца профсоюзов, ни музея истории Великой Отечественной войны, ни домов вдоль проспекта им. Сталина (потом Ленинский, Ф. Скорины, ныне — Независимости, а еще раньше — Захарьевская улица). Там, где сейчас находится Дворец Республики, стоял памятник Сталину, который снесли в

1961 году после XX съезда КПСС. Это произошло спустя пять лет после нашего выпуска из стен училища.

6 ноября 1953 года в торжественной обстановке на той же площади Парижской Коммуны заместитель командующего БВО генерал-полковник Н.Е. Чибисов вручил Минскому суворовскому училищу Красное Знамя — символ воинской чести, доблести и славы. Этот день стал ежегодным праздником Минского

С сыном Олегом и внуком Романом
в Московском СВУ. 2006 г.

П.Г. Чауса поздравляют с праздником Победы. 2010 г.

СВУ. А 7 ноября все роты училища впервые торжественно и красочно обозначились в парадном расчете войск Минского гарнизона. Сегодня в Минске никто не представляет себе военный парад без суворовцев, а тогда это было впервые, как и первая благодарность училищу от командующего войсками Белорусского военного округа Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко.

Ежегодный полторамесячный летний лагерный сбор многие годы являлся памятной строкой в истории Минского СВУ, будучи также характерной традицией прежних кадетских корпусов. Это было абсолютно правильно. Известная суворовская заповедь: «Солдат должен держать голову в холоде, живот — в голоде, а ноги в тепле» отрабатывалась нами на практике уже во время первого лагерного сбора, проходившего в Острошицком городке под Минском. Он включал в себя занятия по тактической, огневой, инженерной, физической, автомобильной подготовке (задействовались уцелевшие трофейные «Опель-кадеты», предшественники советских «Москвичей»), и все это сочеталось с отдыхом на природе. Там для суворовцев — не по их названию, а по истинному духу — все было интересно. Азы своей будущей профессии они постигали на практике. Вспоминалось в нашей первой «полевой академии» и известное изречение А.В. Суворова: «В кабинете врут, а в поле бьют!»

Вспоминая наше суворовское детство, считаю необходимым сегодня вспомнить наших известных всем первосуворовцев: генерал-полковника Евгения Кузнецова, ставшего первым суворовцем – генералом, генерал-полковника Александра Ковтунова – первого командующего армейским корпусом, генерал-полковника Федора Кузмина, который от имени Вооруженных сил СССР приветствовал XXVI съезд КПСС и стал первым председателем Международного Кадетско-суворовского братства. Все они, к сожалению, уже ушли в мир иной, но светлую память о них сохраняют суворовцы и нахимовцы.

Бывшие министры обороны России генералы армии И. Сергеев, И. Родионов и Беларуси генерал-полковники П. Чаус и А. Чумаков с однокурсниками. 2000 г.

ПРОКОПЧИК ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (08.03.1938 г.)

Родился я в поселке Тименские Симоновичского сельского совета Глусского района Полесской области в крестьянской семье. Кстати, за семь десятилетий в результате территориальных уточнений область преобразовывалась неоднократно. Мне и моим родственникам пришлось пожить в Полесской, Минской, Бобруйской, а ныне Могилевской областях. Неоднократно менялись и районы, и сельские советы.

В поселке Тименские я прожил примерно полгода. Уже к концу 1939 года семья переехала в деревню Горное, что в полутора километрах от места рождения. Это было связано с тем, что к этому времени в Белоруссии завершалась ликвидация хуторской системы. Жителям поселка Тименские для обустройства и постоянного места жительства было предложено на выбор два места: деревни Симоновичи и Горное, находящиеся на одинаковом расстоянии от прежнего места жительства.

И хотя мой отец, Прокопчик Владимир Павлович, 1910 года рождения, и мама, Шило Антонина Николаевна, 1911 года рождения, родились в деревне Симоновичи, предпочтение было отдано деревне Горное.

К концу 1939 года был построен сруб дома. И тут, неожиданно, отец получил повестку о направлении на советско-финляндскую войну 1939-1940 годов. Что называется, по тревоге, буквально за несколько дней, с помощью родственников, были вставлены окна, и семья переехала в недостроенный дом. Отец убыл воевать, а мама с двумя маленькими детьми на руках (мне меньше года, сестре чуть больше двух лет) стала выживать, как могла.

К счастью, к середине 1940 года отец возвратился домой живым и здоровым. Жизнь начала налаживаться, входить в нормальное русло. Дом стал достраиваться, усадьба осваиваться. Отец начал работать в подсобном хозяйстве, заниматься скотоводством. Семья начала жить счастливой жизнью.

Однако это продолжалось недолго, так как внезапно 22 июля 1941 года началась Великая Отечественная война. Фашисты даже без боя, без сопротивления прошли по старой шоссейной дороге Москва-Брест колоннами на Бобруйск. Немцы начали повсеместно устанавливать свои порядки, оставляли своих представителей, назначали так называемых старост, которые руководили полицейскими и

Генерал-лейтенант Г.В. Прокопчик

выполняли требования немцев по грабежу населения. Несколько мужчин по доброй воле стали полицейскими и «работали» на немцев. Другие, в том числе и мой отец, ушли в лес и стали помогать создававшимся партизанским отрядам — обеспечивали их по ночам разведданными и материальными средствами. Ведь все мужское население оказалось на оккупированной территории и не призывалось в действующую армию.

Полицейские под руководством немцев заставляли население вырубать лес вдоль шоссейной дороги. Поскольку деревья примыкали к дороге, немцы опасались нападения со стороны партизан. Лес был густой, и деревьев было много, из-за этого работа была тяжелой, изнурительной и продолжалась с рассвета до полной темноты.

В этот период многие люди семьями ушли в лес, вырыли землянки и как могли, налаживали жизнь. В землянках было холодно, особенно зимой. Для согрева взрослые из подсобных материалов делали подобие «буржук», топили. Тем и спасались. Некоторые, не найдя ничего, на период топки раздвигали в землянках крыши, изготовленные из веток сосны и елового лапника. Посередине землянки разводили костер. Дым не задерживался и выходил наружу. Затем крыши восстанавливались. Так согревались дети.

В лес с собой забирали и оставшуюся живность. Некоторые использовали не разрушенные в ходе переселения находившиеся в лесу хуторские дома. Нашу семью из нового довольно-таки большого по размерам дома немцы тоже выгнали. В нем два немца устроили свое житье-бытье, а также оборудовали кухню для приготовления пищи. Мы же сначала жили в землянке, а затем переселились к знакомым на опушку леса, куда немцы боялись показываться, так как там была так называемая явка партизан. Они часто приходили по ночам за разведданными, подкормиться и забрать приготовленные материальные средства.

Через пару лет я с соседским мальчиком, моим одноклассником, опасаясь идти по лесу и попасть в немилость к полицейским, пройдя около двух километров, приходил к немцам, оккупировавшим наш дом. Там рыжий длинный немец иногда кормил нас и угощал по одной конфетке — круглой плоской ириске коричневого цвета. Как же мы этому радовались! А с другой стороны, боялись потом возвращаться по лесу домой. Немцы в тот период, видимо, для приготовления пищи и отопления, сожгли забор вокруг нашего дома, и не только. Была сожжена и недостроенная из досок веранда.

Хорошо помню, как в 1944 году немцы и венгры отступали под натиском Красной Армии. Крупных операций в нашем районе не проводилось, были отдельные мелкие перестрелки. Правда, авиация наносила удары по отходившим немецким колоннам. В результате страдали не только фашисты, но и мирные жители и их дома.

После освобождения нашего Глусского района все мужское население было призвано в Красную Армию. Из каждого дома воевать ушло от одного до трех человек. Были призваны даже некоторые полицейские, скрывавшие свою принадлежность к работе на немцев, дабы искупить свою вину. К большому сожалению, в каждой семье нашей деревеньки из 50 домов 1-2 человека были убиты или вернулись калеками.

Горе не обошло стороной и нашу семью. В январе 1944 года отца призвали и направили воевать в 50-ю стрелковую дивизию. Воевал недолго. Погиб 20 августа 1944 года под Варшавой.

Выживание, воспитание детей, их учеба и вообще решение всех жизненных вопросов легли на плечи мамы. Надеяться на постороннюю помощь было нечего. И, забегая вперед, скажу, что она со своей задачей справилась более чем успешно. Поэтому рано, в возрасте 74 лет, ушла из жизни.

По неизвестной причине в извещении о гибели отца ошибочно была указана фамилия — не Прокопчик, а Прокопович. Из-за этого потребовалось несколько лет, чтобы добиться маленького пособия на детей за погибшего отца. И только после многолетней переписки, уже будучи офицером, мною было получено сообщение польского Красного Креста, что на советском воинском кладбище в городе Варшаве захоронен Прокопчик (а не Прокопович) Владимир Павлович, т. е. мой отец. Это выяснилось после перезахоронения в конце 50-х годов. А я получил известие в начале двухтысячных.

После освобождения Белоруссии долгие годы пришлось не жить, а выживать. Правда, не только нашей семье, а всем. Часто приходилось ложиться спать, что называется, голодным и холодным. Положительной стороной было возвращение в наш основательно разграбленный дом. Обзавелись коровой, начали засеивать участок. Но часто, особенно перед весной, голодали. Хлеб выпекался из небольшого количества муки с примесью перемолотых желудей и шкурок картофельных пышек, добываемых на прошлогодних полях.

С нетерпением ждали прихода весны. Первые побеги крапивы, дикого щавеля и другой зелени использовались для приготовления пищи. В то время опухшие от голода люди, еле переставлявшие ноги, часто ходили по деревням с просьбой хоть чем-нибудь помочь им выжить. И местное население делилось последним куском хлеба. В летнее время спасало молоко. Естественно, ни сметаны, ни масла, ни сыра мы не видели. Все шло на рынок, чтобы купить хлеб, кильку, расплатиться с налогами и купить что-нибудь из одежды. Хотя многое шилось вручную из домотканого полотна, которое тоже было дефицитом.

Школы в деревне не было. В жилом доме, по согласию хозяев, в углу отводилось место для лавок, где под руководством одной учительницы занимались вместе первый, второй и третий классы — дети в возрасте от шести до двенадцати лет.

Мне было чуть больше пяти лет, но чтобы не оставаться дома одному, я тоже посещал школу. Приходил, садился на скамейку рядом с двенадцатилетней двоюродной сестрой и молча слушал учительницу, даже не вникая в то, что она говорит. Просто сидел и слушал. Она не обращала внимания на мое присутствие, ведь я не мешал ей проводить занятия. И только спустя два года я поступил в первый класс. Тетрадей не было. Их делали из бумажных мешков, а чернила — из сажи, свеклы, различных ягод. Учебников тоже практически не было, усваивать все приходилось со слов учительницы.

Так продолжалось три года. В четвертый класс уже надо было ходить за 5 километрами в соседнюю деревню. Там в то время тоже не было школы. Но поскольку

ку деревня большая, около 300 дворов, для администрации школы (так называемой «учительской») был использован дом, освободившийся после смерти хозяев. Учащиеся 1-7 классов проходили обучение в частных домах, причем классы были разбросаны по всей деревне. Учителям — предметникам приходилось тратить много времени для перехода пешком от одного класса к другому. Тем более что на всю школу был один предметник. Классных руководителей как таковых не было.

Люди жили очень бедно, никакой школьной формы не было, ходили в том, что имелось, в том числе широко использовалось домотканое полотно. С ранней весны (после того, как таял снег) и до поздней осени (до заморозков) школу посещали босиком.

Все с нетерпением ждали, когда кончится зима. Несмотря на увеличивавшуюся физическую нагрузку на колхозных полях, появлялась возможность широко использовать детский труд. Дети в основном трудились на приусадебных грядках, а также собирали «подножный корм».

Взрослые работали в колхозе с утра до ночи почти бесплатно (100 гр. ржи на один трудодень). Поскольку в колхозе было всего две-три лошади (клячи), то нередко несколько человек впрягались в упряжку и тащили плуг как бурлаки на Волге. Делалась попытка использовать коров для обработки земель. Правда, последние такой дрессировке не очень поддавались, хотя и приносили народу небольшое облегчение. В то же время это отрицательно сказывалось на удое коров-кормилиц.

Как только в лесах начинали созревать ягоды, появляться грибы, все дети трудовую повинность отрабатывали в лесах, максимально используя дары природы. Уходили с рассветом (около 5 утра) и возвращались домой к обеду. Шли буквально ватагами, руководила ребятами 80-летняя бабуля Бобариха, так как мы углублялись в лес до 5 километров и могли заблудиться. Кстати, бабуля во время войны отправила на фронт мужа и трех сыновей. Муж и один сын погибли на территории Польши.

Так же, как и в школу, в лес ходили в основном босиком или используя лапти, сплетенные из лута (липы) или молодой вербы. Но это не все умели делать. Я ходил всегда босиком, отшучивался, что так легче идти. Хотя на пеньках часто видел греющихся гадюк, которые, испугавшись, прятались в траве. Мы их не боялись, но было несколько случаев укусов змей. Врачей не было, поэтому лечились «заговорами» бабки Екатерины, растиранием опухоли самогонкой, а в основном — соблюдением тишины и покоя. Опасаться приходилось не только змей. Нередко были случаи ранения ног о различные пеньки, палки, сучья, незаметно спрятавшиеся в траве. Лечились исключительно народными средствами.

Собранный урожай ягод и грибов использовался рационально — частично сразу, а оставшиеся ягоды сушили, чтобы потом использовать для приготовления киселя без сахара, которого просто не было, компота и т.д. Грибы сушили, а часто за бесценок сдавались в заготовительные пункты. Благо, что ягоды, в основном черника, собирались ведрами, а грибы, в основном боровики, корзинами. Большая часть грибов и ягод, и свежесобранных, и сушеных, возилась на рынок в г. Бобруйск, чтобы на вырученные деньги купить «кусоч хлеба». Причем до рынка было «всего-то» 45 километров. Автобусы не ходили, поэтому приходилось часами ждать

попутного транспорта. Естественно, за плату тряслись примерно полтора часа в открытом кузове, сидя на его дне. На вырученные после торгов деньги старались купить хлеба и хамсы (как называли, «сто голов на килограмм»). За хлебом выстраивалась очередь по 80-100 человек. Иногда хлеб заканчивался перед самым носом. Всегда находились несколько человек, которые, используя силу, без очереди, проталкивались в булочную и брали хлеб. Часто доходило до драки. Пострадавшие уходили с различными растяжениями, серьезными ушибами. Исключительно редко удавалось приобрести булочку ли буханку белого хлеба «калacha». Родители, как могли, заботились о детях. Оставаясь голодными сами, все, что было, отдавали малышне. Кто не знает голода, как говорится, дай бог, чтобы никогда его и не знал. Я равнодушно на хлеб не могу смотреть и сегодня.

Чаще всего хлеб выпекался в домашних условиях. В двух домах на всю деревню имелись ручные жернова. На них мололась ржаная мука. Позже, когда появились злаки, после определенной регулировки, на них же изготавливалась крупа из пшеницы, ячменя, проса. Как правило, этим занимались мы вместе с сестрой, т. к. эти камни одному крутить было тяжело. Для размельчения семян льна до состояния муки использовалась ступа, а полученное вещество добавлялось в картофельное пюре для повышения калорийности и вкуса. В народе это блюдо почему-то называлось «камы».

На мне, десятилетнем «мужчине в доме», лежала ответственность сходить в лес, принести вязанку хвороста или сушняка, порубить его и приготовить к топке в русской печи, в которой и зимой, и летом готовилась пища не только для нас, но и для различной живности. Использовалась печь и для сушки грибов и ягод.

Зимой дрова добывались и доставлялись легче, чем летом. Использовались деревянные санки, специально приспособленные для перевозки грузов. Но не все их имели. Я всегда брал их у соседа. Вместе с мамой и более взрослыми ребятами направлялись в лес. Поскольку валежник был завален снегом, приходилось вырубать растущие тонкие (на толстые не было сил) деревья. Выбирали березу или ясень, которые даже в сыром виде хорошо горели и давали много тепла. В 25-30-градусные морозы выходили с замерзшими руками. Возвращались из леса мокрыми. Пот валил градом.

Поход в лес не всегда был благополучным. Иногда маленькая кавалькада натыкалась на лесников. «Ездоки» врассыпную от них убегали. При этом страдали санки, которые разбивались. Один раз под порчу попали и мои. Благо, соседу удалось их восстановить. И он с пониманием по-прежнему откликался на мою просьбу.

Поскольку электрического света не было, для освещения, наряду с керосинками, использовались фитили и так называемые «смоляки» — корни хвойных деревьев, которые десятилетиями находились в земле после порубки. Внешние слои древесины превращались в труху, а в стержне с годами сосредотачивалась вся смола. Некоторые из них находились на большой глубине. А, кроме того, нередко корни уходили по сторонам (вширь), поэтому их добыча представляла собой нелегкий труд. Затем эти корни рубились, сушились и использовались для создания света в домах. При горящих «смоляках» и керосиновых лампах готовились уроки.

Детвора, как праздник, наряду с Первомаям, Пасхой, другими праздниками считала день выборов, хотя ее не интересовали порядок выбора руководящих органов власти и кандидатуры, претендовавшие на депутатские места. Дело все в том, что в день выборов на избирательном участке в сельсовете развешивался буфет, где можно было приобрести хлеб, «хвост» селедки, немного сахара и какой-нибудь крупы, самых дешевых конфет — подушечек или драже. Взрослые собирались к 5 часам утра, пройдя 6 км, быть в сельсовете, чтобы произвести покупку товаров. Заодно, так как в 6 часов утра начиналось голосование, в числе первых выполнить свой долг по выборам. Дети, естественно, с нетерпением ждали возвращения родных и близких с гостинцами.

Моя мама сразу после войны начала работать на колхозной ферме то телятницей, то свинаркой, то гусятницей, мне же в летнее время приходилось заниматься выпасом этой живности. Молодежи, как и мне, ставилась задача, чтобы за период летних каникул она сама заработала на школьный наряд. Когда мне исполнилось двенадцать лет, я начал зарабатывать в летнее время на выпасе стада коров, подменяя «очередников». Выпас проводился на удалении 3-5 километров, в том числе по лесам и болотам. Побаивался, потому что по тем временам в лесах жили «лесные братья», стаями ходили волки. Приятного было мало, но я был вынужден заниматься этой работой.

Естественно, что в условиях такой жизни учебе уделялось мало времени. Поэтому в 1953 году я закончил 7 классов в основном с удовлетворительными результатами. Встал вопрос, чем заниматься дальше. Работать в колхозе в 14 лет рановато. Сделал попытку оказаться по набору в ФЗУ (фабрично-заводском училище), сказали, что не подхожу по возрасту. Попытался поступить в ремесленное училище — не подхожу по образованию (надо было иметь 8 классов). Идти в девятый класс? Школа находится в 12 км, проходить в день 24 километра и учиться было не по силам. Автобусы не ходили, велосипеда не было. Жить на съемной квартире средств тоже не было, как и на приобретение велосипеда. А как быть зимой — в пургу и тридцатиградусные морозы?

В таких раздумьях у меня, как говорят, началась «белая» полоса. Охраняя свое стадо, я ежедневно встречался на дороге с фронтовиком, председателем сельского совета, который на велосипеде ездил на работу. Однажды, июньским днем 1953 года тот предложил мне (поскольку по возрасту и образованию конкурентов в деревне не было) попытаться поступить по прибывшей разнарядке на учебу в Минское суворовское военное училище.

По деревне слухи распространяются очень быстро. Уже на другой день пошли разговоры, что мне предложили поступить в военное училище. Особое внимание люди обращали на то, что по окончании училища придется служить в армии «аж двадцать пять лет». В то же время, никто из окружающих не знал, что нужно делать для поступления в это училище. Тем более этого не знал мальчишка, которому все это предстояло совершить. Говорили, мол, в военкомате все расскажут.

Начались терзания — что делать? Вроде тяга к знаниям есть, а вот возможностей продолжать учебу дома не просматривается. Самому мне до сих пор трудно

понять, что послужило мотивом к попытке поступления в суворовское училище: то ли продолжение образования, то ли избавление от тяжелого крестьянского труда, то ли стремление к манящему за собой новому и неизвестному.

Для начала все-таки предстояло преодолеть пешком двадцать километров по проселочным и лесным дорогам, мимо пастбищ и погостов и попасть в районный центр, город Глусск (само название говорит за себя), а там уже найти райвоенкомат. Поверьте мне, это совсем не просто даже для юноши, имеющего с десятилетнего возраста привычку к тяжелым физическим нагрузкам. Сегодня самому не верится, что тогда, после походов в школу (десять километров туда и обратно) на меня была возложена ежедневная обязанность — принести из леса дрова, нарубить их, истопить печку, согреться самому и согреть мать, возвращавшуюся с колхозной фермы, где она трудилась с раннего утра до позднего вечера.

Однако недаром существует поговорка — «язык до Киева доведет». Я с помощью этого правила дошел-таки до цели. Всю жизнь с благодарностью вспоминаю работников военкомата, которые искренне позаботились обо мне. Главным организатором был дежурный по РВК. Он накормил, предложил прилечь на скрипучий кожаный диван и погасил свет. Каково было деревенскому пареньку впервые очутиться в неизвестной обстановке? Страх был больше, чем пришлось натерпеться впоследствии, при прохождении медицинской комиссии, поскольку даже не догадывался, что там собирались со мною делать. Ведь врачей видел впервые в жизни.

Более серьезные испытания меня ожидали в областном военкомате города Бобруйска. Там помимо медкомиссии, предстояло выдержать еще и экзамены. Я по-доброму завидовал ребятам-детдомовцам, так как их сопровождали воспитатели, которые помогали им проходить кабинеты врачей, решать возникшие вопросы, готовиться к экзаменам. Одним словом, они контролировали каждый шаг своих воспитанников. Другим помогали родители или родственники. А тут, как назло, некому даже дельный совет тебе дать.

Но не зря говорят, что мир не без добрых людей. При сдаче экзаменов я познакомился с Мишей Швецом, который был подготовлен значительно лучше меня и поэтому чувствовал себя гораздо уверенней. Нас объединяло то, что, как и мне, Мише приходилось решать повседневные проблемы, полагаясь только на самого себя. Тем не менее, у него нашлось время и желание помочь мне. Он прежде всего успокоил меня, предложил сесть за одну парту на письменном экзамене по русскому языку и оказал посильную помощь при проверке ошибок. Вскоре к нему на «усиление» приехал брат, курсант третьего курса мореходки. Только благодаря его помощи я успешно преодолел письменный экзамен по математике. С большим трудом справился и с устным экзаменом. Я до сих пор вспоминаю все эти испытания и полагаю, что заслуга в моем поступлении в СВУ во многом принадлежала братьям Швецам.

Дальше произошло следующее. То ли жалкий вид паренька, одетого в домотканые полотняные штанишки, то ли мой рост 136 сантиметров и вес 36 килограммов, а скорее все вместе взятое, похоже, вызвали ко мне обыкновенную человеческую жалость и привлекли внимание представителя училища майора Ю.А. Сурова и других членов мандатной комиссии. Так или иначе, мне объявили,

что можно ехать домой и ждать вызова в училище! Как ни странно, но после всех треволнений я уже не мог испытывать чрезмерной радости от того, что буду учиться в Суворовском училище.

Так завершился мой сельский период жизни, и началась работа по освоению военной профессии. Деревенская закалка, воспитанные трудом терпение и выдержка помогли в дальнейшем справляться со многими трудностями, связанными с армейской жизнью.

Насыщенная событиями и в то же время обыденная и где-то рутинная жизнь суворовцев способствовала воспитанию характера, учила преодолевать трудности и постоянно работать над собой. Уникальный коллектив командиров, преподавателей, воспитателей, рабочих и служащих, в том числе врачей, медсестер и уборщиц, трудился денно и ночно, чтобы превратить нас, босоногих и неумелых мальчишек, в достойных членов общества, на которых предстояло возложить сложные задачи защитников Отечества.

Конечно, всем нам нравилась красивая форма суворовцев, тщательно подогнанные, увешанные орденами и медалями мундиры окружавших нас офицеров и сержантов. Многие из них уже успели приобрести богатый опыт работы в других суворовских училищах Советского Союза — в Туле, Тамбове, Курске, Свердловске, Воронеже, Саратове и других городах. Прошедшие горнило войны, имевшие высшее образование и, самое главное, призвание педагога и желание работать над получением суворовцами глубоких знаний, они стали для нас образцом для подражания.

Часто вспоминаю нашего первого начальника училища Героя Советского Союза, генерал-майора Малькова Дмитрия Кузьмича. Это под его руководством 56

Генерал-майор Д.К. Мальков

лет назад закладывались основы и славные традиции училища. Под его руководством осуществлялся и наш первый набор суворовцев. Запомнилось также, когда он, будучи уже генерал-лейтенантом, начальником Управления военно-учебных заведений Сухопутных войск, в 1956 году прибыл в Острошицкий городок (первый лагерь училища), где выпускники проходили курс молодого бойца. После принятия ими военной присяги он обратился уже к первым курсантам училища с поздравлениями и добрыми напутственными словами.

А разве можно забыть, как пестовал суворовцев майор Ф.Я. Головкин, преподаватель русского языка и литературы. Это он, войдя в учебный класс, прежде чем приступить к занятиям, просил всех закрыть глаза и только после этого включал свет, чтобы не портилось зрение. Только преподава-

тель-новатор, досконально знавший свой предмет и влюбленный в своих учеников, используя особую методику, способен был в короткие сроки «избавить» от многочисленных ошибок (а в самом простом диктанте их насчитывалось не меньше двадцати - тридцати) и вывести подопечных в число «отличников» и «хорошистов». Вспоминаются его знаменитые почти ежедневные «диктанты-пятиминутки», где в нескольких предложениях было собрано большое количество грамматических сложностей. Многим ребятам он помог овладеть «пером». До сих пор осталось в памяти его четверостишие, если можно его назвать таковым. «А в этой ямке жестянки, банки, склянки, бутылки, пузырьки, окурки, чурки, шкурки, веревки и шнурки».

На этом примере он показывал суворовцам, как не надо писать стихи.

Математик капитан (позже майор) Ю.С. Серебрянская дни и вечера проводила в классах, занимаясь и индивидуально, и с небольшими группами отстающих ребят. Терпеливо, но настойчиво она добивалась усвоения материала. Не забывала и больных суворовцев, находившихся в санчасти, чтобы не допустить отставания по программе. Именно такие занятия многих, в том числе и меня, вытащили с уровня «слабачков» и довели до уровня хорошо успевающих суворовцев.

А как не вспомнить майора Л.И. Чистовского, который при слабых ответах говорил: «Суворовец Прокончик, сегодня я вам ставлю маленькую «кропку» (точку). Потом, при последующих ответах, она может превратиться или в высокую положительную оценку, или в жирную двойку. Кстати, и он часто использовал «пятиминутки» для решения задач по физике.

Подполковник (позже полковник) И.С. Солдатенков, преподаватель химии, «от звонка до звонка» прошел всю Великую Отечественную войну в саперных частях, на передовой. Но несмотря на это, в душе сохранил самые высокие качества педагога. Охотно передавал свои знания и умения подрастающему поколению. Один из самых заслуженных офицеров училища, за различные подвиги в ходе войны он награжден тремя орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды. В последующем Иван Сергеевич стал заслуженным учителем Белоруссии. Он также издал две книги стихов о довоенной, военной и послевоенной службе и жизни, в том числе и о суворовцах.

Многое сделали не только по учебе, но и для воспитания у суворовцев высоких моральных качеств, честности, преданности, дисциплинированности, по формированию у них чувства верности конституционному и воинскому долгу, гордости и ответственности за принадлежность к Вооруженным Силам СССР, любви к военной службе такие люди, как: подполковник И.М. Мурзов, подполковник Т.С. Ромашко, подполковник Н.Т. Железкин, подполковник А.И. Шинкаренко, майор М.И. Ливенцев, майор В.З. Шилин, капитан В.Г. Ковалев и многие другие преподаватели и воспитатели. Все перечисленные мною офицеры были величайшими профессионалами, знаатоками своего дела. Не случайно почти все они впоследствии стали заслуженными учителями Белоруссии. В ходе службы они успешно совмещали преподавательскую работу с должностями командиров рот и офицеров-воспитателей.

Большая воспитательная работа проводилась командиром роты подполковником Орловым А.Л., офицером-воспитателем капитаном В.Е. Аникановым и его

И.С. Солдатенков получает поздравления с 90-летием со дня рождения от своего ученика, выпускника 1956 г. генерал-полковника П.Г. Чауса

*Встреча Учителя и учеников в день празднования 30-летия училища.
Справа налево: генерал-лейтенант Г.В. Прокопчик, В.З. Шилин,
генерал-майор В.А. Денисенко, А.П. Кожевников (выпуск 1963 г.). 1993 г.*

помощником старшиной Л. Хоменко. Они были не только строгими, но и заботливыми и командирами, и педагогами-воспитателями, способными зажечь людей инициативой и своим примером.

С утра до ночи находились со своими подопечными, осуществляли контроль над соблюдением распорядка дня, установленного точно так же, как и для любой воинской части, правда, с небольшими послаблениями. Ими проводились занятия по строевой подготовке, осуществлялась подготовка к парадам, контролировалась самостоятельная подготовка.

Суворовцам нравилось под руководством всего командования в сопровождении оркестра совершать прогулки по центральным улицам города Минска, посещать цирк, филармонию, другие культурно-массовые центры. К этим шествиям с большим интересом тянулись все жители столицы, а мальчишки не сводили глаз и провожали прямо до ворот училища. Конечно же, такие мероприятия прививали любовь и уважение к армии.

На командовании роты и преподавателе физкультуры капитане В.Ф. Друшляке лежала ответственность за подготовку физически крепких, выносливых, способных переносить трудности будущих Защитников Родины. Поэтому, кроме гимнастики, много внимания уделялось летом легкой атлетике, а зимой — лыжным кроссам.

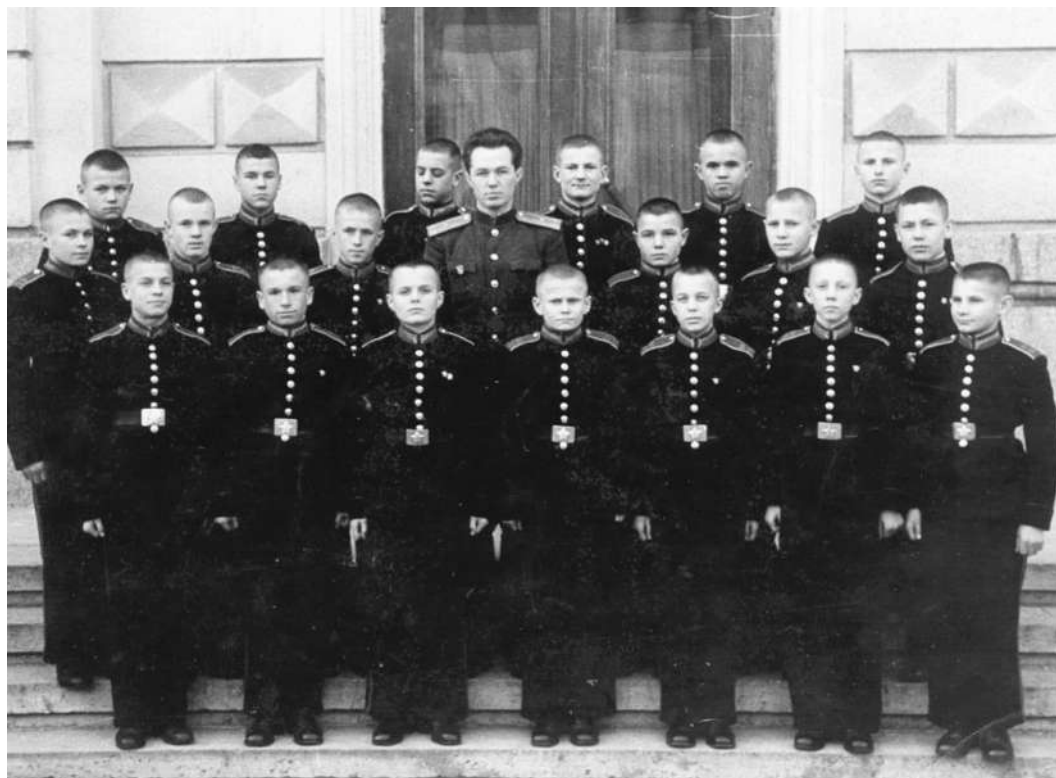

Офицер-воспитатель В.Е. Аниканов

Суворовец Г. Прокопчик

Отдельно хочется сказать несколько слов об офицере-воспитателе капитане В.Е. Аниканове. Он сам в 1943 году с большим желанием поступил в Свердловское СВУ, блестяще, с серебряной медалью, закончил его в числе первых выпускников, а уже в 1950 году стал офицером. Получил хорошую практику в войсках и уже зрелым офицером в 1953 году прибыл на должность офицера-воспитателя моего второго взвода. Пройдя школу суворовского училища (кстати, учился вместе с сыновьями полков, прошедшими Великую Отечественную войну и награжденными орденами и медалями), он не -понаслышке знал цену дружбе, товариществу, взаимовыруч-

Суворовцы офицера-воспитателя В.Е. Аниканова в начале своего служебного пути. 1953 г.

ке и взаимопомощи. Поэтому много работал над формированием этих качеств у ребят. Всесторонне развитый, обладающий глубокими знаниями школьной программы, в часы самостоятельной подготовки он оказывал помощь по любому предмету всем суворовцам. Особенно это проявилось в 1956 году, когда сам Владимир Емельянович приступил к подготовке к поступлению в академию химзащиты, а его воспитанники — к выпуску из училища. Он был с нами и на работах по вывозу остатков стройматериалов после разборки складских помещений, находившихся во дворе училища, благоустройстве территории, при посадке деревьев, кустарников, работах на колхозных полях (летом). Вместе со всем коллективом руководства, преподавателями, постоянным составом принимал самое активное участие в создании комсомольской организации роты, привитии любви к книгам, культуре, художественной самодеятельности, спорту.

Много внимания уделял правилам поведения в общественных местах, в том числе и за обеденным столом, умению общаться со старшими и младшими, в том числе и в женском коллективе. Не было равных ему и в танцевальном зале. Одним словом, очень многие, если не все, стремились стать похожими на красавца-офицера Аниканова, потому что трудно было найти то, чего он не умел делать. Мне повезло по жизни и службе, так как я, уже будучи офицером, периодически встре-

чался со своим Учителем. После увольнения в запас по его инициативе в 1988 году был создан Московский суворовско-нахимовский клуб. Он же был избран и его первым Председателем. О том, что Владимиру Емельяновичу удалось создать в училище хороший коллектив воспитанников, говорят результаты его труда. Из 25 выпускников училище с золотой медалью закончил Володя Окунев. Суворовцы Игорь Защеринский, Ульян Самусенко, Миша Теленченко, Валерий Филатенков, Миша Швец награждены серебряной медалью. Все остальные получили свидетельства об образовании только с «хорошими» и «отличными» оценками. И на нередкие юбилейные встречи в родном училище в наши дни больше всего собирается бывших суворовцев

Редкий снимок: 4 генерала из одного, 1956 года выпуска.
Слева направо: Г.В. Прокопчик, П.Г. Чаус (сидят),
В.А. Денисенко, Я.А. Гулько (стоят)

именно второго взвода — воспитанников В.Е. Аниканова. Среди них Коля Карпишин, Володя Монич, Володя Окунев, Миша Теленченко, Игорь Хлебородов, Анатолий Черногоров, Миша Швец. Частенько с ребятами встречаюсь и я. Постоянным участником этих встреч до 2007 года был безвременно ушедший из жизни Ульян Самусенко.

Завершить свои воспоминания о руководстве, преподавателях и воспитателях хочу ставшими «немодными», но, на мой взгляд, справедливыми, верными словами: отличное знание дела, государственная ответственность, умение сплотить коллектив, чуткость и командирская забота этих самоотверженных людей о подчиненных — вот составляющие успеха училища и нас, его воспитанников.

Поговорка «Что посеешь, то и пожнешь» оправдала себя на сто процентов. Кропотливый труд многочисленного коллектива дал не только хорошие «всходы», но и богатый «урожай». Завершился успехом в том плане, что все без исключения суворовцы пожелали продолжить свое образование в военных училищах.

В этом и проявилась любовь к армии. Правда, к великому сожалению, несколько человек по состоянию здоровья не прошли медицинскую комиссию и вынуждены были уйти на «гражданку». Большинство — из-за зрения. Недаром наш духовный отец Ф.Я. Головкин, предвидя это, заставлял закрывать глаза перед включением и выключением электричества. Сказалось на детском организме и недоедание в годы войны.

В нашем втором взводе не повезло вице-сержанту Мише Теленченко. Но глубокие знания, полученные в училище, позволили ему без труда поступить и окончить Белорусский политехнический институт. Конечно, пришлось преодолеть немало, особенно материальных трудностей. Мише это удалось. Достойно он пронес по жизни высокое звание суворовца, хорошо трудился на различных должностях, защитил кандидатскую диссертацию, получил ученое звание доцента, воспитал не одно поколение студентов.

Не сложилась военная служба у Жени Дударева и Володи Васюкевича, с которыми я для продолжения учебы был направлен в Свердловское суворовское офицерское училище. В середине обучения на первом курсе по состоянию здоровья они были комиссованы и отчислены из училища. Мне особенно тяжело было с ними расставаться, потому что чувствовали они себя неважно, а ехать было некуда. Оба они приняли решение вернуться в детские дома, откуда поступали в Минское СВУ, пожить там до поступления в гражданские учебные заведения и определения по жизни. Что произошло с ними дальше, я не знаю.

Все остальные ребята успешно закончили различные военные и гражданские ВУЗы, многие даже имеют за плечами несколько высших образований. Причем, получив глубокие знания в «альма-матер», поступали в них легко, без всяких затруднений.

Генерал-лейтенант
Г.В. Прокопчик

Полковник Игорь Защеринский прошел нелегкий войсковой служебный путь и путь военного дипломата в капстранах. Трудился в Генеральном штабе, закончил два высших учебных заведения. На завершающем этапе получил ученую степень кандидата военных наук и ученое звание доцента. К большому сожалению, уже давно, более пятнадцати лет, его нет среди нас. Похоронен в Москве. Мне посчастливилось несколько раз с ним встречаться, когда он проходил службу в одной из военных академий.

Коля Карпишин, подполковник медицинской службы, пожалуй, единственный общевоинский, который закончил Военно-медицинскую академию и стал военным врачом-подводником. Кстати, он первым из наших выпускников награжден орденом Красной Звезды. После продолжительной службы на Северном флоте воз-

вернулся на постоянное жительство в Минск, где продолжил трудовую деятельность на медицинском поприще.

Пожалуй, просторы Советского Союза лучше всех изучил самый юный суворовец первого выпуска Володя Мониц, которому в 1956 году едва перевалило за шестнадцать. Только перечисление военных округов, где проходила его служба, говорит о многом. Среди них Закавказский, Киевский, Ленинградский, Белорусский, Дальневосточный. Несколько раз менял свою военную специальность, по мере получения очередного военного образования. Полковника Моница, как и многих других, после завершения службы потянуло в Минск.

Непросто складывалась служба у Володи Окунева. Он досконально освоил профессию ракетчика на полигонах в степях Казахстана. Завершил службу подполковником на должности начальника лаборатории Научно-исследовательского центра. Конечно, после Казахстана Минск ему показался раем. Поэтому не случайно именно столицу Белоруссии он избрал для дальнейшего проживания после увольнения в запас.

Полковник запаса Игорь Хлебородов имеет за плечами три высших образования, свободно владеет двумя иностранными языками. Как говорится, проехал полсвета, и не в туристических поездках, а находился в длительных и не очень

Выпускники Минского СВУ на 70-летнем юбилее Г.В. Прокопчика.
Слева направо: В.К. Ефремов, П.А. Клемантович, О.В. Катлинский, сын Владимир,
Г.В. Прокопчик, А.Г. Черногоров, И.М. Хлебородов, А.Я. Гулько, Н.З. Кунц. 2009 г.

командировках в капстранах и исполнял непростые обязанности. До сих пор трудится в Генеральном штабе ВС РФ и проживает в Москве.

Полковник в отставке Анатолий Черногоров, наш первый офицер Минского СВУ. Уже в 1958 году он надел погоны лейтенанта. Он же первый мастер спорта по гимнастике. Всю свою службу посвятил финансовым делам. Исколесил многие регионы СССР, периодически повышая уровень своей подготовки в различных учебных заведениях. Сейчас проживает в Подмоскowie и продолжает работать.

Борис Нехимчук после окончания военной академии имени М.В. Фрунзе вырос по службе до начальника штаба дивизии в Средней Азии (кстати, академию закончил первым из наших выпускников). В дальнейшем связь с ним прекратилась.

Коля Кастунов начинал службу вместе со мной в Одесском военном круге на должности командира стрелкового взвода. Затем переквалифицировался и согласился перейти на должность командира взвода бронетранспортеров. По всей вероятности, продолжил свой рост на технических должностях.

Один раз мой путь пересекся с Толей Ботяновским, когда тот учился в академии имени М.В. Фрунзе. Позже его встречали в Белорусском военном округе, когда он командовал полком. Больше я о нем ничего не слышал.

Празднование 65-летия СВУ в Екатерининском парке Культурного центра Вооруженных Сил РФ. Слева направо: капитан 1-го ранга О.В. Катлинский, генерал-полковник П.Г. Чаус, генерал-майор Б.С. Степанов (Ставропольское СВУ), генерал-лейтенант Г.В. Прокопчик. 21 августа 2008 г.

Известно, что Гриша Концевой пошел по пути своих учителей-наставников и долгое время преподавал в Новочеркасском училище связи.

Самому мне, после завершения обучения в академиях М.В. Фрунзе и Генерального штаба ВС СССР имени К.Е. Ворошилова пришлось чередовать командные и штабные должности. Но около пятнадцати последних лет я прослужил в Генеральном штабе Вооруженных Сил ССР и Российской Федерации. Неоднократно командировался в различные регионы, в том числе и в Афганистан, и на четвертый блок Чернобыльской АЭС.

Как высокую награду воспринимаю то, что мне посчастливилось плечом к плечу поработать с людьми, которые вошли в историю страны и Вооруженных Сил, — маршалами Советского Союза С. Соколовым, С. Ахромеевым, В. Петровым, В. Куликовым, Н. Огарковым и другими видными военачальниками.

Завершил службу на должности начальника основного факультета Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации в 1994 году в воинском звании «генерал-лейтенант».

К великому сожалению, о других наших братьях — суворовцах второго взвода мне ничего не известно.

В завершение своих коротких воспоминаний хотелось бы сказать, что с кем бы из моих друзей ни встречался, с кем бы ни общался, с кем бы ни беседовал, все единодушно и с большой теплотой отзывались о годах, проведенных в стенах Минского суворовского военного училища. Постоянно вспоминают своих учителей, которые дали путевку в жизнь. Все с гордостью несут высокое и почетное звание суворовца.

А я, выйдя в отставку и оглядываясь на пройденный почти сорокалетний армейский путь, искренне благодарю Советскую Армию и ее Минское суворовское военное училище за то, что они одарили меня, дитя войны, такой интересной и счастливой судьбой.

ЛАГУТИН

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

(23.06.1938 г.)

Полковник В.М. Лагутин

Полковник, кандидат технических наук, доцент, автор более 40 печатных трудов, член совета Белорусского союза суворовцев и кадет, почетный суворовец Минского СВУ. В 1994–2002 гг. был председателем Совета Минского суворовского клуба.

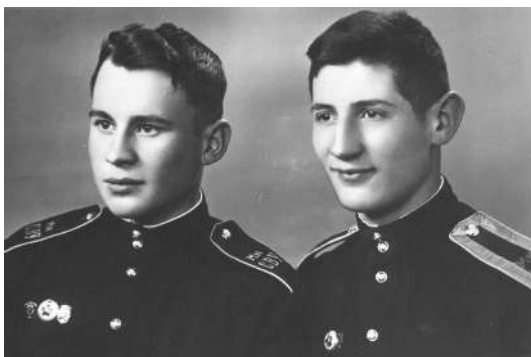
Родился в г. Быхов Могилевской области. Окончил Минское ВИРТУ, где в последующем (с 1965 г.) многие годы был на педагогической работе (преподаватель, старший преподаватель кафедры материальной части и эксплуатации специальных радиоэлектронных устройств). Служил инженером-испытателем, начальником группы ГНИИП-10 (Государственный научно-исследовательский испытательный полигон МО) (1961-1965 гг.). В настоящее время работает в Военной академии Республики Беларусь (доцент, профессор, старший преподаватель кафедры автоматики). Участвовал в боевых действиях в Республике Вьетнам в качестве преподавателя-инструктора по подготовке боевых расчетов зенитно-ракетных войск (1972–1973 гг.) и в Ливии (1978-1981 гг.). Призер спартакиады суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ 1956 г. Вырастил троих детей, имеет троих внуков. Сын и внук окончили Минское СВУ и служат офицерами в Вооруженных Силах Республики Беларусь. СВУ окончил с золотой медалью.

О моем военном детстве

Когда началась война, мне было немногим более 3 лет, а моему братишке — и того меньше, всего полтора года. Жили мы тогда в деревне Барколобово Быховского района. Отца, кадрового военного, командира роты, еще до июня 41-го перевели в г. Слуцк, но семья вслед за отцом переехать не успела — война внесла свои коррективы.

За 70 послевоенных лет многое из того периода позабылось, но отдельные события остались в моей памяти и по сей день. Очевидно, они были самыми яркими и впечатляющими, затронувшими не только мое сознание, но и эмоциональную сферу.

Первым запомнившимся событием военного времени был заезд немецких мотоциклистов в нашу деревню, в шлемах и пылезащитных очках. Они начали обходить дома, искать красноармейцев и партизан. В нашем дворе им на встречу выскочил с лаем пес Баян. Последовала короткая автоматная очередь, и Баян остался лежать на траве. Уже в этот момент пришло осознание, что на нашу землю пришли враги, со своими корыстными целями, для достижения которых они никого не пощадят.

Вице-сержант В. Лагутин (справа)
и суворовец В. Денисенко,
будущий генерал-лейтенант

Во время оккупации немецкие солдаты были расквартированы и у нас, занимая лучшие комнаты, и по домам односельчан. Зловещие лица врагов приходилось видеть практически ежедневно. Немецкая военная форма, их чужая гортанная речь, стук кованых сапог по деревянному полу вызывали у меня самые омерзительные чувства.

Однажды немец, который жил в нашем доме, принес корзину яиц, отнятых у наших сельчан, и заставил бабушку их сварить. Потом подошли другие немцы и ели эти яйца из тазика как картошку. А мы, измученные и голодные, смотрели. Ни у кого из них не мелькнуло ни жалости, ни сочувствия к нам. Одно животное желание набить свои животы.

В период оккупации нам всегда хотелось кушать. Мы с нетерпением ждали весны, чтобы на лугах появились первый щавель, дикий лук и другие продукты. Люди перекапывали поля, находили в земле картошку и готовили из нее лепешки. Эти лепешки все называли «тошнотиками». Очень вкусной пищей была картошка с рассолом из-под соленых огурцов. Коров в деревне почти не было — немцы угнали всех в Германию.

На какой-то период немцев в нашей деревне сменил литовский батальон. Для жителей деревни это были самые трудные времена — грабежи, насилие, убийства. Мне до сих пор не понятно, откуда у этого народа было столько зверства, столько ненависти к нашему народу. Тогда мне казалось, что среди них нет нормальных людей, одни преступники и убийцы.

Жители нашей деревни жили очень дружно — иногда в одном уцелевшем доме проживали по несколько семей. Я не помню случаев предательства с их стороны. Когда пришли партизаны и оставили у нас своего раненого товарища, его выхаживали и прятали всем селом.

С нуждой и голодом боролись всем селом. Все, что у кого было, выставляли на общий стол. Так и выжили, помогая и поддерживая друг друга. Жили и верили в то, что скоро придет Красная Армия и нас освободит.

В памяти сохранились и пугающие раскаты артиллерийской канонады приближающегося фронта, и посветлевшее лицо мамы. Немцев, находившихся на по-

стое в деревне, как ветром сдуло. Как черти ладана, они боялись даже не столько отправки на фронт, сколько наших глухих белорусских лесов и любых упоминаний о лесных братьях.

Фронт быстро откатился на запад. Наши войска пошли дальше добивать фашистов в их логове, а мы остались налаживать мирную жизнь. Но мы постоянно и очень серьезно прислушивались к сводкам информбюро и радовались успехам наших войск.

Отец с войны так и не вернулся. Но мы всегда с братом чувствовали его присутствие и всегда верили, что он обязательно вернется. Кому-то везло, возвращались чьи-то сыновья, мужья или отцы и в 45-м, и в 47-м... Еще долгие годы тетюшка Ульяна Степановна, отчитывая нас за какую-либо мальчишескую провинность, исчерпав все свои воспитательные меры, которые как-то не сильно и влияли на нас, всегда добавляла: «Прыйдзе бацька — погляжу, што вы яму скажыце!» Действовало безотказно, как ушат студеной воды! И вовсе не потому, что боялись отцовского наказания. Стыдно было совершать поступки, недостойные детей отца-фронтовика!

И только через четверть века, получив доступ к архивным данным, я узнал, что наш отец, командир полка, гвардии подполковник Лагутин Михаил Александрович, геройски погиб под Будапештом в конце войны.

Видели мы, как тяжело было нашей маме, Прасковье Степановне, медсестре с довоенной практикой врачевания по всем направлениям медицины в сельском фельдшерско-акушерском пункте, и нашей тете Ульяне поднимать нас, послевоенных сорванцов. Конечно же, и мама, и тетя очень хотели, чтобы мы выросли достойными людьми.

Пережив суровые тяготы военного лихолетья, мальчишки моего поколения, чтобы больше ни одна гадина не ступила на нашу землю, все как один мечтали быстрее вырасти и взять в руки оружие. Все стремились быть и сильными, и мужественными, и правдивыми! Чтобы как-то развиваться физически, во дворе с помощью вкопанного столба, растущей березы и найденной полтора метра стальной трубы, мы соорудили турник и часто со сверстниками устраивали соревнования по количеству подтягиваний. Слабаки среди нас не котировались. А «пантовые» парни, которые пытались подчеркнуть свою значимость с помощью свернутой из газеты самокрутки, и вовсе презирались. Прийти с улицы с сиянием под глазом — обычное дело! Не пример для подражания, но что греха таить? Иногда приходилось отстаивать каждому свою правду и таким образом.

Взрослели мы тоже быстро. Всегда старались во всем подражать взрослым и очень гордились собой, если удавалось хоть чем-то помочь им. Если что-то не получалось или во время работы что-либо случайно выпадало из рук — тут же можно было услышать: «И что за солдат из тебя вырастет? Только винтовку будешь держать?». И уже совсем как приговор звучало: «Если ничему толковому не научишься — тебя и в армию не возьмут!».

Как ни старалась для нас наша мама, нужда повсюду преследовала нас. Работой за гроши в сельском фельдшерско-акушерском пункте, который трещал по

всем швам, семью не прокормишь. И детвору к школе, не говоря уже о себе, не оденешь. Это понимали все. Другой работы, за счет которой можно было выжить, на селе не было. Давняя подруга матери, сокурсница по медицинскому училищу, давно приглашала на работу в город Сморгонь, куда сама еще до войны поступила в городскую больницу по распределению. Но как быть с нами? На семейном совете решили: мама едет и обустраивается в Сморгони, а за нами присматривает наша тетушка. Мы были переполнены оказанным нам доверием.

Мужских рук явно не хватало. Но разве мы, пусть нам всего по семь и десять лет, не мужики? Натаскать воды из колодца, нарубить в печку дрова, вскопать грядки и т. д. — нам не нужно было напоминать об этом. Не обошло нас с братишкой и занятие «мелким семейным бизнесом». Наши барколабовские сады издревле славились не только щедрым урожаем яблок и груш к середине осени, но и изобилием янтарных слив к концу лета. На рынке в Быхове они пользовались большим спросом. Но от деревни до города с добрый десяток километров, а транспорт — лишь собственные ноги! Кто-то использовал самодельные тележки или коромысла, а мы с братом таскали свой «товар» вручную — так и руки крепче, и осанка стройнее. Вырученных денег едва хватало на незначительные приобретения к школе да на уплату непосильных по тем временам для селян налогов.

К гордости тетушки наши родственники и соседи часто приводили нас с братом в пример своим детям.

Занятия в сельской школе нам давались легко. И всегда в нас жила потребность узнать еще больше. Радио и телевидения на селе тогда еще не было. Тетушка иногда приносила печатные издания районного масштаба. И хоть новости были давно уже не первой свежести, нам всем очень нравилось по вечерам устраивать громкие читки и обсуждения событий как мирового уровня, так и местного значения. А еще искать ответы на наши вечные вопросы: «Что? Как? И почему?». На помощь приходила состоящая из двух книжных полок личная отцовская библиотека. Познание чего-то нового хоть как-то расширяло наш кругозор, и наши пытливые детские умы все явственнее представляли, что границами нашего села или нашего района мир не заканчивается, а только начинается.

Перед сном мы всегда обсуждали уже сделанные дела, строили планы на завтрашний день, но всегда разговоры заканчивались о матери: как ей там? Перечитывали мамины весточки и сами писали ей письма. И никак не могли понять смысла тетушкиных причитаний: «Только б уяе па вас не парвалася сэрца!» Из маминых писем мы знали, что у нее вроде бы все складывается, слава Богу, нормально. У нас тоже все хорошо (ну как хорошо, по крайней мере, не хуже чем у остальных). О чем это плачет тетя Ульяна?

В послевоенной Сморгони было много по разным причинам пустующих пригодных для жилья частных хатенок, которые можно было выкупить у государства. Стоили они недешево, но это еще не все условия приобретения жилища. Необходимо было представить служебную характеристику, ходатайство с места работы и справку о безупречном исполнении гражданского долга и функциональных обязанностей за период не менее одного года, открепление с военкомата по прежнему

месту работы (наверное, во все времена медицинские работники находились на строгом военном учете). Также необходимо было собрать множество справок из милиции, сельского совета с указанием, где проживал и чем занимался во времена оккупации и многое другое.

Молодую вдову, мать двоих детей, на работе ценили за трудолюбие, образцовое выполнение обязанностей медсестры, чуткое отношение к больным. Платили в те времена немного, и чтобы собрать хоть какую-нибудь сумму на любую хатенку, пришлось взять на себя множество подработок: ночные дежурства, ассистирование на операциях, уборка служебных помещений и проч.

Через год с небольшим, собрав все необходимые справки и документы, продав корову и кое-что из мелкой живности, сложив заработанные Прасковьей Степановной деньги и копеечную тетушкину пенсию, семья фронтовика переехала в Сморгонь. Тетушка Ульяна так и не смогла уехать из родного села, где родилась и выросла, где прошли пусть тяжелые, но лучшие годы ее жизни. Долгие годы, каждую ночь мне снилась родная хата, глухие леса, среди которых утонуло их небольшое село, величаво несущий свои воды Днепр — гордость и излюбленное место сельчан, соседская ребятня и натруженные руки тетушки.

Постепенно быт и жизнь нашей семьи в новом городе стали налаживаться. Мама, как всегда, с утра и до позднего вечера, а иногда и до следующего утра работала в районной больнице. Мы с младшим братом пошли в школу. Мы так и не оставили детскую мечту — стать военными. Каждое утро начинали с разминки и пробежки по спящим улицам поселка, после школы всегда находили время позаниматься на турнике или «отжаться» (так всегда упрощенно называли гимнастическое упражнение сгибания и разгибания рук в упоре лежа) от стоящей у забора скамейки.

В конце 40-х годов мама несколько раз пыталась оформить меня кандидатом для поступления в одно из суворовских военных училищ, но дальше разговора в военкомате дело не доходило. Училищ тогда было всего несколько на огромную страну, отбор по здоровью и успеваемости проводился достаточно строго и попасть туда из маленького районного центра Беларуси было трудно. Время шло, и к 1953-му году я оказался переростком и перестал мечтать об алых погонах и красных суворовских лампахах.

А тем временем в Минске заканчивалось строительство здания для нового суворовского военного училища. Оно создавалось по многочисленным просьбам ветеранов Великой Отечественной войны, пожеланиям трудящихся масс белорусского народа, по ходатайству генералов и офицеров Белорусского военного округа.

Однажды мать принесла неожиданную новость: в Минске открывается суворовское военное училище. Оно должно было приютить детей, не вернувшихся с фронта военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной Армии и партизан Великой Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецко-фашистских оккупантов. Причем в первый год обучения мальчиков планировалось набирать сразу в шесть классов — от 3-го до 8-го. Поскольку я перешел в 9-й класс, то опять оказался «за бортом». А моего брата, который

окончил только 7 классов, включили в состав кандидатов. Документы собрали быстро, я помог брату подготовиться к вступительным экзаменам и мы стали ждать вызова.

В конце июня из районного военкомата сообщили: срочно выехать в Вилейку для сдачи экзаменов и прохождения медкомиссии. Тогда наша Сморгонь входила в состав Молодечненской области, а в Вилейке располагался областной отдел здравоохранения, и медкомиссию абитуриентов удобнее было проводить в этом райцентре. До вступительных экзаменов мой брат не дошел — врачи обнаружили у него порок сердца. Как показало время — скорее всего это были проблемы подросткового возраста. После окончания средней школы Валентин без проблем прошел медицинскую комиссию. Поступил в Минское артиллерийско-минометное училище и в воинском звании подполковника закончил военную службу в восьмидесятих годах.

Когда маме возвращали документы, она расплакалась. Нас подростков двое, помощи никакой. Как поднимать нас дальше? Наверное, это было более чем убедительно — маму выслушал представитель училища Жуков Александр Петрович. Он задал несколько уточняющих вопросов, выяснил, что второй сын (это я) учусь неплохо, но он уже окончил 8 классов, т. е. «перерос» и по условиям приема не подходит в училище. Тогда майор Жуков, чтобы как-то успокоить маму, предложил ей: «Вы нам покажите сына, может быть, он подойдет по успеваемости, а вопрос с возрастными нормами мы попытаемся уладить».

Такой вариант, что я снова иду в восьмой класс и теряю год, маму не смутил. Вечером она привезла моего брата домой, а утром мы с ней через весь город шли на вокзал, чтобы успеть к шестичасовому поезду на Вилейку. Город спал, я как-то еще не успел осознать, куда я еду и как буду сдавать экзамены без подготовки. Ведь лето было на исходе. Мне казалось, что я позабыл даже то, что знал. Мама меня подбадривала: «А ты представь, что все сложится хорошо и когда-нибудь, через несколько лет, ты будешь идти ко мне этой улицей, в полковничьей или даже в генеральской форме».

Это звучало как в сказке, но мама верила в меня и на меньшее не рассчитывала. Эти мамины слова я вспомнил через 3 года, когда вез ей из Минска золотую медаль, полученную по окончании училища. Теперь путь к большим звездам уже не казался мне таким утопическим.

В Вилейке экзамены подходили к концу. С младшими классами все определилось, остались только два подростка, сдавшие за 8-й класс — я и мальчик из деревни Красное, что под Молодечно, Витя Ефремов. У него были такие же проблемы, как и у меня. И вообще, в наших судьбах было очень много общего — отцы до войны командовали ротами, оба погибли, его мама, как и моя, была медсестрой, правда, у него была старшая сестра, а у меня — младший брат. Наши служебные и житейские пути в дальнейшем были удивительно схожи.

Нам с Витей предстояло сдавать три экзамена — русский и иностранный языки, математику. За математику я не очень опасался. Наша школьная учительница математики Мария Григорьевна не выделяла меня из среды других учеников, но когда

в 7-м классе я тяжело заболел и был освобожден от экзамена, она посочувствовала классу: «Кто же вам теперь даст списать, если Лагутина на экзамене не будет?».

Эта неосторожно сказанная фраза меня как-то окрылила, я почувствовал себя более уверенно и в 8-м классе старался оправдать высокое доверие преподавателя. Поэтому в Вилейке поспешил заверить своего напарника, что с математикой мы разберемся. В свою очередь, Витя был сильнее меня в языке, так что первые два экзамена, помогая друг другу, мы сдали успешно. По немецкому языку нас экзаменовал сам Александр Петрович Жуков. Мы с Витей прошли через оккупацию, с трехлетнего возраста часто слышали немецкую речь и считали себя непревзойденными специалистами в иностранных языках. Я не помню, как проходил сам экзамен, но думаю, что Александр Петрович нас, а может быть, больше наших мам просто по-человечески пожалел. Нашим мамам он неопределенно сказал: «Езжайте домой, ждите решения. Я думаю, что из них что-то получится».

Ждать пришлось недолго. Дней через десять из военкомата сообщили: 15 августа быть в Минске. На вокзале в Минске нас ожидали грузовые автомобили. Кроме нашей группы приехали представители Брестской и Барановичской областей. Колонна из нескольких грузовиков, оборудованных для перевозки людей, отправилась через весь Минск по проспекту Сталина (позже он был переименован в Ленинский проспект, а потом в проспект Франциска Скорины) в Уручье, в казармы танкового полка, где проходило формирование первого набора в Минское СВУ.

В Минске я оказался впервые. Поразили развалины. После недавней войны в городе оставались нетронутыми лишь несколько больших зданий: вокзал, Дом Правительств, Дом офицеров, Театр оперы и балета... Фашисты заминировали их, но не успели взорвать при отступлении. По проспекту ходил трамвай, его конечная остановка находилась в районе парка Челюскинцев. Дальше вдоль Московского шоссе шли деревни с красивыми названиями — Слепня, Уручье, Жуков Луг, Королев Стан...

Конечно же, такой день, полный тревог и неожиданностей запомнился мне и моим друзьям на всю жизнь. Все вокруг было новым и непривычным. А самое главное — сбылась моя давняя мечта! Скоро меня научат воевать, и пусть только кто-нибудь снова осмелится ступить на нашу землю — по приказу Родины я и мои товарищи возьмем в руки оружие и немедленно выступим на защиту своей страны! И тогда, вот кто бы сомневался, не жалея своей жизни и до последней капли крови...

В военном городке колонна остановилась около трехэтажной казармы. Нас построили, пересчитали, кто-то предложил сфотографироваться. Эта фотография и по сей день хранится в моем личном альбоме, как самая дорогая реликвия.

На первом этапе предстоящего большого пути у нас были парикмахерская и баня. Удивило, что на выходе из душа качество помывки проверяла медсестра — некоторых после осмотра она возвращала в душ. Потом было свежее белье и необычная форма одежды. Старшины подбирали каждому черные брюки с лампасами, гимнастерку с погонами, ботинки, фуражку. Было непривычно смотреть друг на друга, не верилось, что мы вдруг оказались совершенно в другом мире.

Уже через час я, растерянный, зачисленный в штат и поставленный на все виды довольствия, но уже без своей шикарной шевелюры и роскошных, недавно куплен-

ных мамой на местном рынке шаровар переминался с ноги на ногу в непривычных кожаных ботинках. Смущенно вертя в руках фуражку, рассматривал на себе и товарищах тщательно подогнанную по размеру новенькую суворовскую военную форму. В отмытых, постриженных и переодетых воспитанниках трудно было узнать тех пацанов, с которыми только что на грузовых авто лихо «рассекали» по главному проспекту Минска.

Конечно же, больше всего нам понравилась столовая. Нас усадили за длинные столы по десять человек, на столах уже стояли большие тарелки с нарезанным и пахучим до умопомрачения хлебом. Я сразу прикинул — по два ломтика черного и по одному белого на каждого. Исходящие паром горячие щи разливали из больших алюминиевых котелков. А какие вкусные! При раздаче каждому досталось и по кусочку мяса. Здорово! Едва воспитанники забарабанили ложками по мискам, заметил, как переглянулись с командиром стоящие рядом в белых куртках женщины-повара, как брызнули из их глаз слезы. И сам майор А. П. Жуков резко развернулся и стал рассматривать что-то наверху позади себя.

К нашему приятному удивлению мы узнали: то, что мы съели, называется первым блюдом и сейчас с пылу с жару должны принести второе. Когда я увидел перед собой тарелку с перловой кашей, на которой разместилась плоская, как ладонь, котлета, а с краю тарелки — как копенка желтой соломы — горка квашеной капусты, я вспомнил о маме и братишке: «Чем же сегодня расстаралась мать?» Скорее всего, как всегда — по стакану молока, купленного у соседки, и по ломтику черствого хлеба, буханку которого принесли с рынка еще в воскресенье. Я бы мог с ними поделиться. Хоть весь хлеб со стола «ушел» вместе со щами, через минуту тарелки были уже пусты. А теперь представьте, с какими изумленными лицами мы встретили новость, что сейчас нам подадут еще и третье блюдо. Хотя это было всего лишь по кружке мутно-желтого компота с плавающими на дне сухофруктами. Но сладкого-пресладкого. И вкусного-превкусного. Правда, белый хлеб к нему, как мы уже знаем, давно исчез вместе со щами.

Обездоленным войной детям впервые предстояло увидеть огромные здания и учебные корпуса, просторные классы, спать на чистых постелях, полноценно питаться. Это были собранные со всех уголков Беларуси сироты, чье опаленное войной детство нуждалось в срочной реабилитации, а их дальнейшая судьба — в определении четких жизненных ориентиров. Наверное, в жизни каждого из нас это были самые трудные и самые интересные годы.

Началась новая жизнь — жизнь в погонах. Для большинства из нас она продолжалась 25 — 35 лет, до ухода в запас. В будущем некоторые по разным причинам

Суворовец-выпускник
В. Лазутин. 1956 г.

выбрали профессии, не связанные с трудной армейской жизнью, однако практически все, получив суворовскую закалку, нашли свое достойное место в этой жизни. Они окончили гражданские учебные заведения, стали инженерами, врачами, учеными и с благодарностью вспоминают годы, проведенные в Минском суворовском военном училище.

Нас распределили по взводам (классам), учили азам военной науки — правильно заправлять кровать, отличать воинские звания, ходить в строю, подчиняться командирам и т. д. Руководил всей этой работой мой старый знакомый майор А.П. Жуков. Первые впечатления от общения с этим человеком у большинства из нас сохранились на всю жизнь. С первых и до последних дней своего пребывания в училище все помнят майора А. П. Жукова всегда рядом с собой. Суворовцы вскакивают по команде «Подъем!» — офицер уже стоит посреди расположения казармы, посматривает на свои трофейные карманные часы, отсчитывает секунды до построения. Целый день командир вместе со своими воспитанниками. После команды «Отбой» он придирчиво осматривает заправку обмундирования. Засыпали суворовцы под его инструктаж несения службы суточному наряду в ночное время.

И так изо дня в день, включая выходные и праздничные дни, вплоть до окончания учебы. Это был исключительно грамотный, порядочный, душевный воспитатель и настоящий военный. Я счастлив, что моим первым офицером-воспитателем был именно Александр Петрович. Во время самоподготовки он помог нам гото-

Актив белорусского суворовско-нахимовского союза в день награждения медалями в честь 60-летия освобождения Беларуси. 2004 г.

вить уроки, подолгу беседовал с нами на любые темы, для каждого был не только воспитателем, но и отцом. У большинства из нас родные отцы не вернулись с войны, и это общение для нас очень многое значило. Где бы ни были и чем бы ни занимались — мы всегда были в поле его зрения, и всегда это чувствовали. Но что бы ни случилось — мы со своими проблемами, маленькими или большими, бежали к нему.

А тем временем наша новая жизнь продолжалась своим чередом. За несколько дней до начала нового учебного года нас отвезли в Минск. Выгрузились мы на площади около Оперного театра, построились по ротам и под оркестр прошли с парадного входа в великолепное здание нашего училища.

Более красивого здания я не видел. Это был настоящий дворец. Просторный вестибюль, широкая лестница, ведущая на второй этаж к актовому залу, в центре которого возвышалась скульптура А.В. Суворова, расписные балконы — все выполнено в стиле военной тематики, все сверкало и создавало впечатление какой-то сказки.

«Делегация» неуклюжих посетителей вошла в просторное помещение с большими окнами и высокими потолками, обставленное ровными рядами новеньких, свежевыкрашенных парт. Большая классная доска (не каждый суворовец дотянется до ее края), красивый голубой шар с желто-коричневыми разводами, закрепленный на круглой черной подставке и легко вращающийся на полукруглой скобе, и многие другие реквизиты учебного класса произвели невообразимое впечатление на детей, до сегодняшних дней многие из которых не видели многоэтажных домов.

Так началось знакомство Минского суворовского военного училища с его первым набором воспитанников. Все вокруг было необычным и интересным. Но вся жизнедеятельность в стенах училища подчинялась строгому воинскому распорядку. И вскоре мальчишки на себе это почувствовали. Но ни один из новоиспеченных кадет, как и их отцы на фронте, не сделали ни шагу назад, все как один твердо шли к намеченной цели — стать офицерами.

ИВАНОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (29.01.1941 г.)

Генерал-полковник В. А. Иванов. 1995 г.

Генерал-полковник, кандидат военных наук, профессор, член-корреспондент Академии военных наук. Окончил Минское высшее инженерное радиотехническое училище войск ПВО страны в 1965 г. и получил назначение в 11 отдельную армию ПВО (Дальний Восток). Службу проходил на командно-инженерных должностях. После окончания Военной академии Советской Армии в 1971 г. служил в Главном управлении Генерального штаба ВС СССР и РФ в должностях от офицера направления до заместителя начальника Главного управления Генерального штаба, начальника Военной академии Министерства обороны РФ. Был в трех длительных зарубежных командировках и многократно в краткосрочных, был представителем Министерства обороны РФ в Южно-Африканской Республике.

Уволился из рядов Вооруженных Сил Российской Федерации в 2002 году.

Награжден орденами «За военные заслуги» и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями.

Из воспоминаний Валерия Александровича Иванова

У меня практически все родные либо погибли в период Великой Отечественной войны, либо, как бабушка по линии отца и ее дочь (моя тетя), провели большую часть времени в ссылке на урановых рудниках в Средней Азии. В связи с этим я могу в своих воспоминаниях опираться только на собственную детскую память. У меня после войны не осталось никого в живых, кто мог бы прояснить больше.

Помню, начиная с осени 1941 года, жуткий голод и страшные бомбежки в г. Пскове, которые мы переживали в подвале церкви на берегу реки Великой. И то, как я все время молил у матери достать мне кусочек «хулилки» — кусочек сухаря, чтобы утолить постоянное чувство голода.

Помню также, как нас с матерью и другими жителями Пскова в 1942 году немцы грузили в товарные вагоны для отправки в концентрационный лагерь на территории Литвы. И опять там нас сопровождали дикий голод и постоянные болез-

ни взрослых и детей. Мать и меня, наряду с другими узниками и их детьми, ежедневно вывозили на работу в различные места Литвы для рабского труда взрослых в пользу литовских кулаков, активно сотрудничавших с немцами. Дети оставались там в хозяйственных постройках литовцев на произвол судьбы без питания фактически на целый день. Мне удалось познакомиться с литовскими детьми в одном из хозяйств, куда мы были прикреплены и куда вы-

Родители В.А. Иванова: отец Иванов Александр Иванович, мать Цветкова Анастасия Павловна

возились для работ в течение около 2 лет. Постепенно мы познакомились с хозяйскими детьми, стали играть друг с другом и все свободнее общаться на литовском языке. К концу нашего нахождения в концлагере моя мать стала опасаться, что я не смогу говорить на русском языке, поскольку практически все время с литовскими детьми говорил только на литовском. Установившиеся постепенно дружеские связи с литовским детьми, несмотря на строгий запрет хозяев на их общение с русскими детьми, позволили несколько подправить мое питание. Дети украдкой стали приносить кусочек хлеба, иногда вместе с чем-нибудь еще (картошкой, маленьким кусочком свинины, морковкой и т. д). Все это позволяло мне не умереть от голода

из-за отсутствия питания без матери. Взрослых литовцы кормили по минимуму, чтобы они могли работать и не умереть от голода. Тем не менее, в результате непосильного рабского труда и недостатка пищи моя мать, как и многие другие работники из концентрационного лагеря, достигла высшей степени истощения и оказалась на грани гибели.

В августе 1944 года наши войска освободили

В. Иванов (в центре) среди окружавших его детей. Рига, 1942 г.

ту часть Литвы, где располагался концентрационный лагерь, но прошли стороной от него. Когда немцы из охраны лагеря ушли, в лагере разнесся слух, что советский санитарный самолет приземлился в нескольких километрах от лагеря. Все узники, которые могли еще двигаться, вместе с детьми побежали посмотреть на советских летчиков и поблагодарить их за освобождение. Мы с матерью вместе с другими быстрым шагом на огромном энтузиазме добрались до самолета. У меня до сих пор стоит в глазах картинка — на широком зеленом поле стоит покрашенный в зеленый цвет с красным крестом на борту «кукурузник». На лесенке, ведущей к открытой двери, стоит летчик в форме Красной Армии и с широкой довольной улыбкой принимает приветствия, объятия, поцелуи, слезы... от безумно радующихся людей, освобожденных из концентрационного лагеря.

Обратно в лагерь возвращались холодной августовской ночью. На следующее утро маме стало плохо и она слегла. Спустя некоторое время к нам в лагерь прибыли официальные советские представители и врачи. Врачи обследовали и поставили диагноз моей матери — туберкулез. Больше она не вставала с постели.

Прошло некоторое время, были уточнены списки узников, проведены необходимы проверки и поздней осенью 1944 года в теплушках нас привезли обратно в г. Псков. Матери, несмотря на лекарства, становилось все хуже и хуже — сказывалось дополнительно глубокое истощение, полученное в результате рабского труда, плохого питания во время нахождения в концентрационном лагере. Да и во Пскове, где нас поселили в комнате полуразрушенного 2 этажного здания, построенного еще в царское время, на метраже в 9 м² вместе с еще одной семьей старой женщины и ее взрослой дочери, питаться было практически нечем. Не было света — жгли лучину, с дровами для топки небольшой печи — тоже проблема, воду носили за 400 м из колонки, возможности иметь стабильную работу в городе были весьма ограничены. И множество других похожих проблем и бед, которые свалились на головы большинства советских людей после освобождения от немецкого ига.

Но мы как-то жили. Прасковья Васильевна — старая женщина вела наше общее нехитрое хозяйство, а ее дочь Клавдия Алексеевна — вдова сержанта, погибшего на войне с Финляндией, которая была по профессии портнихой, зарабатывала на всех деньги пошивом различных видов одежды по заказам покупателей. Так мы жили до тех пор, пока официально не была подтверждена гибель отца в 1942 году на фронте под Ленинградом. До войны он был директором Военторга в г. Пскове, а в действующей армии — начальником небольшого госпиталю. Согласно официальному извещению из военкомата («похоронки»), он умер от истощения. После этого была оформлена соответствующая пенсия, которая помогала переносить тяготы того времени.

В январе 1945 года умерла мать. Хорошо помню, как перед смертью она говорила со мной последний раз. Сказала, что вскоре она покинет меня навсегда. Просила во всем слушаться Клавдию Алексеевну, которая согласилась по ее просьбе заменить мне мать. Посоветовала впредь называть ее мамой. Я обещал своей матери полностью выполнить ее просьбу и действительно на протяжении всего последующего времени следовал ее пожеланиям.

Через день моя мать покинула нас всех навсегда. Началась жизнь в новой семье. Клавдии Алексеевне приходилось нести трудное бремя — воспитывать чужого ребенка в ущерб собственным планам. Ей в то время было 29 лет. Она хотела выйти вновь замуж, завести собственную семью, растить собственных детей. Но это, когда огромная часть мужчин погибла на фронтах Великой Отечественной войны, с чужим ребенком на шее было просто практически недостижимо. Конечно, все более отчетливое осознание этой объективности отрицательно сказывалось на ее общем и психологическом состоянии. И хотя она всячески старалась не показывать мне этого, но я подсознательно чувствовал, как я ей мешаю устроить свою собственную жизнь. В то же время я постоянно чувствовал любовь и полную заботу со стороны ее матери — Прасковьи Васильевны, которую я по-настоящему любил и искренне называл своей бабушкой. Она делала все возможное, чтобы я чувствовал семейную ласку и заботу. Как следствие нахождения в концентрационном лагере, я был сильно истощен, очень часто и много болел. К слову сказать, только воспалением легких болел 3 раза, включая двухстороннее воспаление легких, и, конечно, переболел всеми возможными детскими болезнями типа коклюш, корь, скарлатина, свинка и т.п. Позднее были и малярия, и дизентерия и пр.

Близкий друг отца еще с довоенных пор Петр Исправников после войны оказался в г. Риге. В связи с угрозой гибели во время оккупации немцами г. Пскова он со своей семьей тайно перебрался в Латвию и прятался несколько лет на дальнем хуторе у родных жены. После освобождения Латвии Красной Армией перебрался с семьей в г. Ригу, где жил на довоенной квартире семьи жены (где она родилась и росла до замужества). Во время оккупации немцами все ее родные были либо вывезены в Германию и там пропали, либо умерли в гетто.

Петр Исправников сразу после войны начал поиски своего друга и его семьи. Ему удалось выяснить, что из всех живых остался только я на воспитании у Клавдии Алексеевны в г. Пскове. Он списался с ней и многократно просил ее привезти меня в Ригу к нему отдохнуть, хотя у него была большая своя семья, а также какой-то ее близкий родственник. Клавдия Алексеевна привезла меня в Ригу и оставила у них на месяц. Но я там прожил все лето. В этот период Петр Исправ-

В. Иванов (на самокате) с дочерью лучшего друга отца Петра Исправникова Ниной и родственницей мамы тоже Ниной (примерно конец 1942 г.)

В. Иванов среди членов семьи П. Исправникова
во время пребывания в гостях в Риге. 1948 г.

ников всячески уговаривал меня остаться с его семьей навсегда и относился ко мне по-настоящему как к сыну. Семья жила достаточно обеспеченно по тем временам. Петр Исправников был хорошим сапожником и имел очень много заказов, что позволяло семье иметь в бюджете семьи не только деньги, а самое главное в то время — продукты многие, особенно из окраин Риги и близлежащих сельских населенных пунктов, расплачивались за

его работу продуктами собственного производства. Честно говоря, учитывая очень хорошее отношение ко мне со стороны Петра Исправникова, да и благожелательное отношение со стороны остальных членов семьи, я начал подумывать, что, может быть, стоит принять его предложение.

Но к этому времени Клавдия Алексеевна поняла, что, наверное, не просто так меня там так долго не отпускают домой, и решила приехать забрать меня. Когда Исправниковы получили письмо, извещавшее о ее приезде, между мужем и женой произошел откровенный разговор — что делать со мной, чему я стал невольным свидетелем. Квартира была на первом этаже, окна были раскрыты, и я случайно достаточно отчетливо слышал их разговор. Петр Исправников настаивал, чтобы я остался в их семье, поскольку, по его словам, он не может оставить без помощи сироту его лучшего друга. Его же жена осторожно говорила ему, что у них есть своя семья и им необходимо «поднимать» своих детей, что относительно благополучное для его работы время может кончиться, и как они смогут тогда жить такой большой семьей. Позднее, когда у меня уже была полная семья, я понял, что она была очень умная и трезвомыслящая женщина. Но в тот момент мне было очень обидно, что я, оказывается, «отрезанный ломоть» в ее понимании, несмотря на внешне весьма благожелательное отношение ко мне. И я, естественно, сразу же принял решение вернуться в г. Псков. Но об этом я ничего никому не сказал. Как я потом понял, они договорились, что пусть выберу я сам, где мне дальше жить.

Вскоре приехала Клавдия Алексеевна и потребовала от Исправникова, чтобы я уехал с ней. Для нее было важно, чтобы я поехал с ней, поскольку как опекуние круглого сироты погибшего в Великой Отечественной войне офицера ей предоставлялись дополнительные льготы, включая бесплатный детский сад, офицерская пенсия, право на первоочередное медобслуживание и т.д. К тому же, она к тому времени потеряла надежды устроить свою личную жизнь и привязалась ко мне как к своему ребенку.

Поэтому, когда взрослые попросили меня сказать, где бы я хотел жить дальше, я, не колеблясь, выбрал семью Клавдии Алексеевны и с радостью вернулся в г. Псков,

где меня с нетерпением ждала ее мать Прасковья Васильевна.

Через несколько лет, когда Клавдия Алексеевна окончательно поняла, что ей, несмотря на свою привлекательность, все же не удастся образовать свою семью, она стала все больше и больше привязываться ко мне, и наша жизнь по мере улучшения жизни в послевоенной стране стала также становиться комфортнее и счастливее. К этому времени я пошел в школу. Учился хорошо и получал «Похвальные грамоты», много читал. Однажды, когда я учился в пятом классе средней школы, мне попалась книга «Алые погоны», которую я прочитал в захлеб. С этого момента мною овладела навязчивая идея — поступить на учебу в суворовское училище и посвятить свою жизнь служению в рядах Вооруженных Сил для защиты Отечества. Я стал гораздо больше читать военную литературу и особенно

Вице-сержант В. Иванов. 1960 г.

воспоминания наших прославленных полководцев о войне. Одновременно пытался узнать, что необходимо сделать, чтобы поступить в суворовское училище. С этой целью добился приема у военкома г. Пскова, где настоятельно попросил помочь мне в этом. Офицер долго со мной беседовал, уточнял искренность моих намерений, все о моих родителях и родственниках и попросил меня вновь прибыть на беседу через какое-то указанное время. Я с нетерпением ждал вызова. Прошло около месяца, и я по повестке прибыл на беседу, во время которой другой офицер сообщил мне, что открывается новое суворовское училище, и если я не изменил своих намерений, то мне можно будет поступать в Минское СВУ. Получив мое радостное согласие, он разъяснил, какие документы мне необходимо представить и к каким экзаменам готовиться. Пришла очередь поставить в известность Клавдию Алексеевну, которая восприняла мое желание крайне отрицательно. Но увидев, что, несмотря на уговоры, я не изменю своего решения, она вынуждена была уступить и начала готовить в сборе документов.

В конце августа по утвержденным спискам по Псковской области 25 абитуриентов, отобранных после прохождения предварительных экзаменов, направились в столицу Белоруссии г. Минск. После дополнительной подготовки и прохождения экзаменов мы, поступившие в СВУ суворовцы, 5 ноября из расположения в местечке Уручье под Минском торжественно, в колонне автомашин прибыли в толькочто капитально перестроенное здание Минского суворовского военного училища, где прошли последующие 7 лет напряженной учебы и подготовки для дальнейшей службы в ВС СССР. Для нашей подготовки по просьбе руководства Советской Белоруссии были отобраны лучшие преподаватели и воспитатели, которые, не щадя своих сил и времени, постарались вырастить из нас, детей Великой Отечественной войны, будущих достойных офицеров Советской Армии и Военно-морского флота.

*Генерал-полковник В.А. Иванов —
начальник Военной академии
Министерства обороны РФ. Январь 1996 г.*

После окончания Минского СВУ поступил и окончил Минское высшее инженерное радиотехническое училище войск ПВО страны, служил на Дальнем Востоке в 11 Отдельной армии ПВО. После окончания Военной академии проходил службу в Генеральном штабе Вооруженных Сил, трижды направлялся на дипломатическую работу за рубеж, возглавлял Военную академию Министерства обороны Российской Федерации. Уволился из рядов Вооруженных Сил РФ в 2002 году в воинском звании «генерал-полковник».

*Офицер-воспитатель старший
лейтенант Л. Гаврукович
с суворовцами А. Дроздовым (слева)
и В. Ивановым (справа). 1953 г.*

*Генерал-полковник В.А. Иванов в день празднования
70-летнего юбилея генерал-лейтенанта А.Я. Гулько
делится впечатлениями о встречах
и работе с юбиляром. Май 2008 г.*

*Из книги «Минское СВУ
и кадетское братство»//
Авт. колл. Кунц Н. З.,
Смирнов Н. И. при участии
Белозерова В. И. —
М. ; Мн., 4-й филиал
Воениздата, 2004. — С. 97.*

*Взвод майора Л.В. Гавруковича перед выездом на учения.
Во втором ряду крайний слева В. Иванов. Март 1959 г.*

...Бывший в те годы офицером-воспитателем Л.В. Гаврукович, вспоминая роль В. Иванова в спортивных успехах училища, написал: «В течение первых полутора лет Валерий не выделялся среди суворовцев взвода ни ростом, ни комплекцией. Активный рост его на двадцать сантиметров — это был рекорд взвода. Учитывая рост, Иванову посоветовали записаться в спортивную секцию баскетбола. Он охотно согласился и вскоре появились хорошие игровые результаты в спорте. Преподавателем физической подготовки была создана баскетбольная команда училища, в которую вошли такие рослые суворовцы, как Валерий Иванов, Лев Колос, Владимир Такленок и др. Игра команды из года в год совершенствовалась и на встречах со школьными командами г. Минска часто завершалась победой суворовцев. Лучшим «бомбардиром» заброса мячей в корзину считался Валерий, счет заброшенных мячей у него всегда был выше, чем у других членов команды.

...Команда Иванова наводила «страх» на юношеские баскетбольные команды города, ей не было равных в победах. Она принимала участие в официальных соревнованиях Минска и республики, спартакиаде суворовских военных училищ Советского Союза и возвращалась в МСВУ с хорошими результатами. Училищная баскетбольная команда Иванова входила в сборную команду Белорусского военного округа и Белоруссии по баскетболу, Иванов имел первый спортивный разряд. Даже когда девятнадцатилетний Валерий, окончив МнСВУ в 1960 году, поступил в ВИЗРУ, там он и Лев Колос стали баскетбольными игроками в сборной команде высшего училища, и уже играя с мужскими командами города и республики, команда ВИЗРУ ряд лет являлась наиболее сильной, и с ней приходилось считаться.

*Команда Минского ВИЗРУ (1961 г.).
Второй слева Л. Колос, второй справа В. Иванов*

*Ветераны войны и Минского СВУ на торжественном собрании, посвященном Дню Победы. Справа
налево: Л.В. Гаврукович, Н.В. Белов, Л.С. Завгороднев, В.М. Бузаев, А.Г. Саламатов, Ф.А. Кульбаков*

КОРАБЛИКОВ ИЛЬЯ МАКАРОВИЧ (15.02.1941 г.)

Подполковник И.М.Корабликов

Родился в 1941 году в городе Вильнюсе. В 1953 году поступил в Минское суворовское военное училище, а после его окончания в 1960 году учился в Коломенском артиллерийском училище.

Его офицерская служба началась в Прибалтийском военном округе с должности начальника огневого отделения ракетной бригады. Офицер Корабликов неоднократно участвовал в испытаниях оперативно-тактических ракет на полигоне Капустин Яр, за что ему досрочно было присвоено воинское звание «старший лейтенант».

С 1966 года проходил службу в Группе советских войск в Германии, а в 1967 году поступил в Ленинградскую артиллерийскую академию им. М.И. Калинина. Далее проходил службу военным представителем

на Вильнюсском промышленном объединении, разрабатывавшем и выпускавшем радиоизмерительное оборудование для Министерства обороны СССР.

По окончании военной службы в 1989 году работал на Вильнюсском заводе радиоизмерительных приборов в должности заместителя директора по внешнеэкономическим связям. В 1991 году он активно участвовал в защите Советской власти и русскоязычного населения от лангесбистов в Литве.

С 1993 года проживает в городе Минске и активно работает в Белорусском союзе суворовцев и кадет.

Из воспоминаний Ильи Макаровича Корабликова

Еще и Холокост

Многие мои сверстники знают о своих родителях только по рассказам родственников и очевидцев либо по материалам документов. Мне было только полгода, когда погибла моя мама. Отец был зверски замучен в вильнюсском гестапо в феврале 1944 года.

О них я много узнал от своей бабушки Евдокии Харлампиевны Корабликовой. «Они были красивой парой и очень любили друг друга. А как они радовались твоему появлению!» — говорила мне бабушка. Но их счастье было недолгим. Началась Ве-

Илья в саду дома. 1943 год

ликая Отечественная война, и уже в июле немцы оккупировали Вильнюс, на окраине которого в деревянном доме Корабликовых жили мои родители.

Мой отец Макар (Макарий) Корабликов был из русской семьи староверов, а мать Блюма была еврейкой. Сразу же после оккупации Вильнюса фашисты начали массово истреблять евреев. Согласно документам, хранящимся в Вильнюсском еврейском музее, только за несколько дней середины июля 1941 года в Вильнюсе были зверски уничтожены 49 тысяч евреев. Эти времена Холокоста погибла вся семья моей матери, я же чудом остался жив. А дело было так.

В один из декабрьских дней 1941 года я, шестимесячный малыш, с мамой и папой находился в доме Корабликовых. До наступления комендантского часа маме следовало вернуться к своим родителям,

где она, как еврейка, была зарегистрирована — немцы установили в городе жесткий порядок. Папа уговаривал маму остаться, но она ушла, боясь за своих отца и мать, которые могли быть строго наказаны за отсутствие в доме их дочери. А потом... Свидетели рассказывали, что днем она увидела на улице большую группу евреев, которых немцы куда-то гнали. Блюма Корабликова поняла, что всех ведут в Понары на расстрел. Заметив в этой группе своих родителей, она встала в колонне рядом с ними и погибла.

Меня, грудного ребенка, выходили моя бабушка Евдокия и тетушка Фетиния. Я не могу себе представить, как могли две женщины вынести трудности, которые на них обрушились во время той жестокой войны. Даже в благополучное время растить «грудника» без матери — большая трудность. В те годы почти невозможно было купить молоко, а о молочных смесях никто даже и не знал. Искать же кормилицу было смертельно опасно, потому что я был от еврейской матери и крещен в синагоге.

Бабушка была из крестьянской семьи староверов. В деревне, где она родилась в 1880 году, еще сохранялись крепостнические устои. Детей рожали даже в поле во время полевых работ. Поэтому она была привыкшей к любым трудностям и всегда находила выход из самых безвыходных ситуаций. Вот тогда-то в доме и появилась коза. Благодаря ее молоку я, пожалуй, и остался жив. Этот опыт моим спасительницам пригодился и несколько позже, так как не прошло и двух лет со дня моего рождения, как у меня появился братик Сережа.

Отец был одним из руководителей вильнюсского подполья, а в городе были развешаны листовки с фотографиями коммунистов, городских и районных руко-

водителей подполья. Немцы и литовские полицаи выискивали этих людей и отправляли их в гестапо. Поэтому в целях конспирации и мне дали подпольную кличку — Алексей.

Жизнь продолжалась, но даже во время жестоких испытаний жизненные чувства порой обостряются. Отец часто бывал в вильнюсском гетто, где организовывал побеги евреев. Там он сблизился с Басей Коварской, с которой был знаком по подпольной работе еще во времена польской власти.

Сестра отца Фетиния была старше своего брата Макара на 10 лет. Она принимала активное участие в воспитании младшего братика, во многом помогала и выручала его. Так было и тогда, когда Бася забеременела от Макара, но скрывала это от окружающих. Фетиния же напротив, будучи замужем, напоказ искусно имитировала все признаки беременности.

Бася подвергала себя и ребенка смертельной опасности, потому что согласно приказу начальника гетто роженица должна быть уничтожена вместе с ребенком. Несмотря на это, она, находясь в вильнюсском гетто, в декабре 1942 года родила сына. Но самым трудным было сохранить малыша. Ребенка спасли узники гетто, которые связали простыни и, усыпив бдительность полицаев, со второго этажа в хозяйственной корзине передали двухнедельного малыша Басе. Вот так и появился у меня братик Сережа.

Наша тетя Фетиния заменила нам мать. Мы не знали этого, как не знали и своих матерей. И только после смерти Фетинии нам стало ясно, что моей мамой была Блюма Корабликова, Сережиной — Бася Коварская, а нашим отцом — Макар Корабликов. И никого из них уже не было в живых.

Мы, дети войны, не участвовали в боях, но являемся современниками и очевидцами многих событий Великой Отечественной войны, перенесли тяготы и лишения того ужасного времени. Я по малолетству не мог многого помнить из прожитого в военные годы, так что почти все мои размышления основаны на рассказах бабушки. Но кое-какие отрывочные воспоминания всплывают в памяти.

Наш дом находился между аэропортом и железнодорожной станцией — стратегически важными объектами, поэтому здесь шли ожесточенные бои. Жители нашего района спасались от бомб и мин в подвалах или как-то обустро-

Илья (слева) и Сергей с бабушкой
на летних каникулах. Август 1954 года

1953 г. Первая фотография в суворовской форме.
И. Корабликов (справа) и будущий доктор
технических наук, профессор О. Николаев

Братья Корабликовы: Сергей (слева) —
суворовец Тульского СВУ и Илья —
курсант Коломенского высшего
артиллерийского командного училища

енных ими убежищах. При воспоминании о «схронах», так люди называли те самодельные убежища, я до сих пор ощущаю их запах. В нашем саду в двадцати метрах от дома была вырыта крошечная землянка, внутрь которой мы, дети, могли проникнуть только ползком. В основном же, как я помню, мы спасались от бомбежек и обстрелов в погребе у соседей. На нашей улице только в нескольких домах были погреба.

Самым же надежным местом, в котором меня прятали во время облав, была русская печь. Ту печь я хорошо помню. Она была такой большой, что занимала почти три четверти кухни. На ней была огромная лежанка — любимое наше место, где мы долгими зимними вечерами слушали рассказы о далекой и нелегкой бабушкиной жизни. А внизу печки был подпечек, в котором среди ухватов, кочерг и сушившихся поленьев меня прятали от немцев и полицейев.

Запомнился мне и такой эпизод: на нашем картофельном поле в глубоком окопе стоял танк. Возле него на кухне немецкие солдаты жрали колбасу и весело болтали. Мне так хотелось кушать, что я до сих пор помню запах той колбасы. Мне тогда было 3 года.

А еще я помню бабушкин рассказ о том, как на ее глазах немец вырвал из рук еврейской женщины ребенка и, схватив его за ножку, с размаху размоzzил ему голову. Потом он хладнокровно выстрелил в голову матери. У меня даже сохранилось ощущение, что после своего рассказа бабушка судорожно пыталась укрыть, спрятать меня.

Но тяжелые годы были не только во время войны. Много испытаний выпало на нашу долю и после освобождения Вильнюса от фашистов. Мы жили очень бедно, старый дом был ветхим, зимы холод-

ными, а ночи долгими и голодными. Для экономии денег мы даже выключали электричество, а для освещения комнаты жгли лучины.

Бабушка долгими вечерами молилась и надеялась, что вернется мой отец. Но к нам с обыском постоянно приезжали работники НКВД и «черные воронки». Искали отца, который, по навету, якобы не выдержал гестаповских пыток и предал товарищей. Так продолжалось до 1948 года, когда обнародовали документы гестапо. Из тех документов стало ясно, что Макар Корабликов был жестоко замучен. Он был представлен к награждению орденом Ленина посмертно.

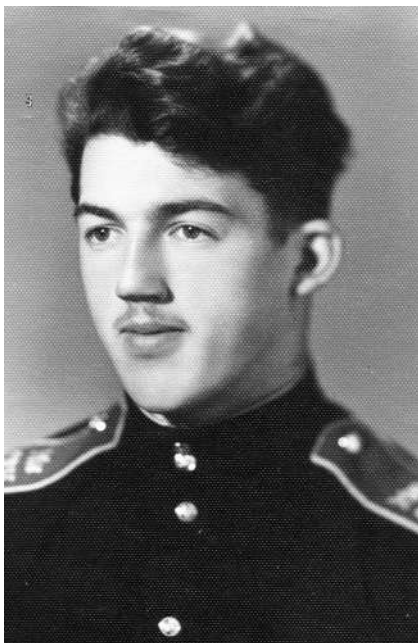
Послевоенные игры «детей войны» были только военные. Нашими любимыми игрушками были игрушечные автоматы и пистолеты, которые мы делали сами. А еще мы искали патроны, потом бросали их в костер и из укрытия наблюдали за «фейерверком». Большим удовольствием для нас были игры в подбитых танках, которые стояли вокруг вильнюсского аэропорта. Мы считали, что находимся на поле боя и уничтожаем фашистов.

Но опасность военных игр преследовала нас на каждом шагу, очень часто случались трагедии. Однажды один из наших товарищей, который был постарше, предложил разобрать гранату. Вокруг него собрались дети, в том числе и мы с братом. Только все уселось, как сзади нас появилась бабушка. Она строго приказала мне и Сереже немедленно идти домой. Соседки на лавочке упрекали бабушку в том, что она очень строго держит нас и не дает свободы детям. Но та будто предчувствовала несчастье. Только мы подошли к калитке нашего двора, как на том месте, где сидели дети, прогремел взрыв. Двое погибли, остальные были покалечены и остались инвалидами.

Я и мой брат Сергей безмерно благодарны своим спасительницам Евдокии и Фетинии. Их имена навечно записаны на аллее Праведников Мира Национального мемориала Катастрофы и Героизма (Яд ва-Шем) в Иерусалиме. В этом же мемориале в списке жертв вильнюсского гетто есть имена моего дедушки Иосифа и бабушки Тamar Троцких, моей матери Блюмы Корабликовой (Троцкой).

В 1953 году я поступил в Минское суворовское военное училище, а Сергей через год в — Тульское суворовское военное училище.

Могу честно признаться, что если бы я не поступил в суворовское училище, в лучшем случае был бы неплохим сантехником с незаконченным средним образованием. Оставшись без мамы Фети, неграмотная бабушка не могла нас содержать. Я окончил Минское суворовское военное училище в 1960 году, затем поступил и окончил Коломенское артиллерийское училище и Ленинградскую артиллерийскую академию.

Суворовец И. Корабликов.
1960 г.

כאילו קיים עולם מלא * * * כל המקיים נפש אחת

כל המקיים נפש אחת * * * כל המקיים נפש אחת

תעודת כבוד

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Сим утверждается, что на заседании комиссии по присвоению звания Праведника народов мира, созданной при национальном институте памяти катастрофы и героизма Яд-Вашем, от 28-IX-2005 на основе представленных свидетельств решено удостоить

זאת לתעודה שבישיבתה פיוס כד אלול תשס"ה החליטה הועדה לציון חסידי אומות העולם שליד רשות הזיכרון ושם על יסוד עדויות שהובאו לפניה, לתת כבוד ויקר ל

**Евдокию Корабликову
и её дочь Фетинию**

которые в годы фашистской оккупации рисковали своей жизнью ради спасения преследуемых евреев, звания Праведников мира и наградить медалью Праведника народов мира. Их имена будут высечены на Стене почта в Аллее праведников Яд-Вашем.

על אשר בשנות השואה באירופה שמו נפשו בכפן להצלת יהודים נרדפים ישרי רודפיהם ולהעניק להן את המדליה לחסידי אומות העולם. שמו יונצח לעד על לוח-כבוד בקן חסידי אומות העולם ביד ושם.

Иерусалим, Израиль

24 · XI · 2005

אברהם שאלו

אברהם שאלו
בשם רשות הזיכרון יד-והשם
ОТ ИМЕНИ ИНСТИТУТА ЯД ВАШЕМ

ניתן היום בירושלים
כב חשוון תשס"ו

יעקב טורקל
יעקב טורקל
בשם הוועדה לציון חסידי אומות העולם
ОТ КОМИССИИ ПО ПРИСВОЕНИЮ ЗВАНИЯ ПРАВЕДНИК НАРОДОВ МИРА

КОРАБЛИКОВ-КОВАРСКИЙ СЕРГЕЙ МАКАРОВИЧ (10.04.1943 г.)

Родился в 1942 году в еврейском гетто города Вильнюса. В 1953 году был принят в Тульское суворовское военное училище.

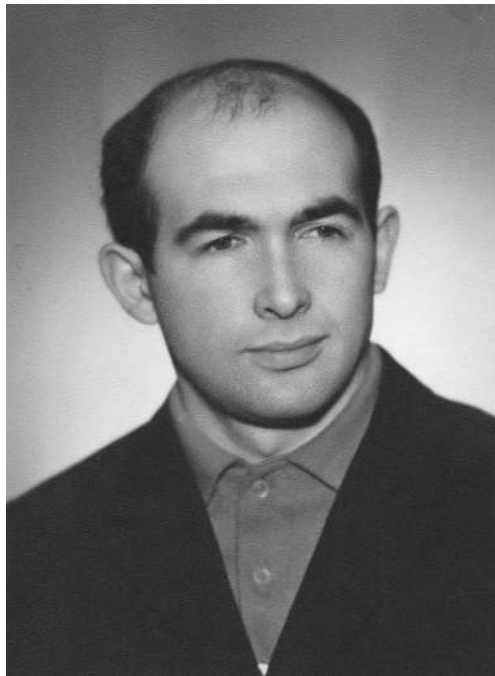
По окончании суворовского училища вначале была учеба в Военно-медицинской академии, потом, после разочарования в военной службе, — учеба в Ленинградском медицинском институте, на медицинском факультете Вильнюсского университета.

Трудовая деятельность началась с работы фельдшером в бригаде «скорой помощи».

Вскоре работал уже врачом в отделении кардиологии университетской клиники в Вильнюсе, заместителем главного врача этой клиники, одним из ведущих организаторов здравоохранения Литвы.

Потом были годы работы за рубежом — в Южном Йемене, Индии, Израиле. Став в 1991 году гражданином Израиля, он работал врачом в местной больнице на станции «скорой помощи».

Сергей Макарович — писатель и поэт, член Союза писателей Израиля.

С.М. Корабликов-Коварский

Из воспоминаний Сергея Макаровича Корабликова-Коварского

Окраина Вильнюса. Деревянные одноэтажные домики. Небольшие палисадники с живописными кустами сирени, желто-оранжевыми пятнами настурций и маргариток, рядами тюльпанов, кустами пышных неонов. И здесь же рядом — огороды со зреющими на грядках помидорами, огурцами, укропом, редиской и бог весть чем еще, по вкусам и разумению одиноких хозяек. Мужчин мало, да и те, кто остались после войны, — больше инвалиды либо пьяницы. И для нас, детей, это наши маленькие, закрытые для других и только нам принадлежащие мирки. А самые запovedные места в них — сады, пусть и небольшие, до десятка фруктовых деревьев, но с укромными уголками, шалашами, каким-нибудь старым разбитым креслом

или скамейкой, где можно, усевшись, обхватить руками колени и уйти в мир детских грез.

Но есть в этих садах и еще один соблазн, который манит наши мальчишеские души. В каждом из таких садов, где-то на его окраине, у забора, всегда есть какое-нибудь высоченное дерево, забравшись на которое, можно вдруг увидеть с удивлением, что ты не одинок в этом затерянном мире, и за кособоком с водруженным на его

Сергей (слева) и Илья(справа) с мамой Фетей

гребне забором, где, казалось, заканчивается эта часть вселенной, стоят такие же домики с садами и палисадниками, разделенные картофельными огородами.

Таким высоким, как казалось мне тогда, деревом, — а высоким оно казалось еще и потому, что росло на самой макушке горки, на склоне которой уместился весь наш сад со старыми, еще задолго до нас посаженными деревьями, — таким высоким деревом была черемуха с

душистыми маленькими, но густо покрывавшими все ее ветви цветами. И мы... мы — это я с братом Ильей — были единовластными хозяевами этой «мачты пиратского корабля» с ее ароматным богатством, и только иногда, по случаю, важно выслушивали просьбу мамы Фети или бабушки Евдокии и гордо приносили в дом влажные букеты, наполняя его сладким и сильным ароматом. Впрочем, перед сном черемуху выносили из комнаты: уж очень душистым и возбуждающим становился ее запах к ночи.

В мае 1953 года наша мама Фетя, на которой, казалось, держалась не только наша детская жизнь, но и весь мир вокруг, и уж точно — этот наш маленький, отгороженный кособоками и заборами мирок... умерла.

Я держу в руках помятую любительскую фотографию.

Тесный дворик от деревянной потемневшей стены до проволочного забора заполнен родственниками и знакомыми — все с печальными, многие с заплаканными лицами. На переднем плане — гроб со снятой крышкой, и в нем — наша мама Фетя. Я — с левой, Илья — с правой стороны гроба. Еще накануне, узнав от бабушки, что мама умирает в больнице и надежды нет, мы, не сговариваясь, выбежали из дому, и в нашем тайном убежище возле черемухи, со слезами на глазах, захлебываясь, шептали нами выдуманную простенькую молитву: «Только не умирай! Только не умирай!» Но даже детские молитвы не могут ничего изменить в этом мире. И вот он — этот первый

удар по нашей наивной детской уверенности о надежности и неизменности нашего маленького и такого теплого мирка, который теперь немислим без мамы.

Наш маленький двор никогда еще не вмещал столько разных людей из другого мира. Польские, еврейские, литовские, русские лица — и среди них староверские, с окладистыми бородами и усами, со степенной и какой-то стародавней речью, и впереди всех и всех величественнее — батюшка из старообрядческой церкви, которого все зовут батюшка Пимен. Он сосредоточен и важен. Кажется, будто он единственный, кто понимает таинственность и значительность всего, что совершается в этот момент.

Самые знакомые для нас в этой толпе — Наум Троцкий, Вульф и Иосиф Коварские с их женами: Ривой и Нехамой. Это наши родственники, и они почему-то поделены между мной и Ильей. Наум Троцкий принадлежит Илье, а мне — все Коварские. Иногда они приносят подарки — обоим поровну — или забирают к себе домой одного из нас на несколько дней. Что делает нас родственниками — мы не знаем, но нас это и не интересует. До таких вопросов мы просто не доросли. Их присутствие на похоронах нам понятно. Но что привело сюда Вильджунаса, к которому и на прием-то не попадешь в доме правительства; а с ним и Генрикаса Зиманаса — гостя еще более высокого и нам неизвестного ранга? Почему приехал из Минска вместе с женой Федор Марков — знаменитый командир виленского партизанского соединения, о котором написана не одна книга, собрались бывшие подпольщики из вильнюсского гетто — Борис Шершневицкий и другие незнакомые нам люди, — это нам понять не под силу.

Только спустя годы, собирая с Ильей материалы для очерка, мы узнаем, как много успела сделать наша мама для каждого из этих людей в годы войны, вместе с бабушкой укрывая их в своем неприметном домике на окраине Вильнюса, пряча и передавая в нужные руки оружие, гранаты и мины, документы, деньги... И — главное — пряча нас, еврейских детей, сыновей Блюмы Троцкой и Баси Коварской! Но сейчас мы не думаем обо всем этом, а в оцепенении прижимаемся к гробу, покрытому букетами сирени, как к последней временной опоре в этом внезапно рухнувшем мире.

После похорон бабушка больше недели лежала в постели, ничего не помня и не понимая. Она стала старой, чужой и страшной. Страшны были ее вопросы: «Где же Фетя? Когда же она наконец вернется с работы?» Мы боялись сказать бабушке, что Фети уже нет! Совсем нет!

Суворовец Тульского СВУ
С.М. Корабликов

Курсант С.М. Корабликов 1961 год

Через несколько месяцев нас отправили в суворовские училища. Илью — в Минское, меня — в Тульское. Помогли бывшие партизаны, товарищи отца — Ионас Вильджунас и Генрикас Зиманас. Наши с братом пути разошлись.

Суворовское училище — это красивые погоны и лампасы, здоровая пища, спорт, библиотека с множеством книг, строевая подготовка. Это — разборка и сборка оружия и утренние пробежки обнаженными по пояс даже в пятнадцатиградусный мороз; радиодело, вождение автомобиля, уроки бальных танцев, кино раз в неделю и... бесконечное одиночество.

Вся жизнь кадета, так мы называли себя сами, подчинена строгим правилам. После вечерней поверки и подготовки к следующему дню — чистки медных пуговиц, подшивки чистых подворотников и туалета — отбой. Все — по своим постелям. Свет выключен. Дневальный, стоя у тумбочки у входа в просторную общую спальную, одну на весь взвод, следит за порядком. Старшина, а порой и

офицер-воспитатель следят за дневальными и, опять же, — за порядком. Но если тебе пятнадцать лет, и ты ждешь этих минут освобождения от жестких рамок военного быта, а в душе шевелятся нежные ростки рифмованных строчек, которым нужны только тишина и одиночество, то ты найдешь выход для себя и для них. Выждав для приличия и для убедительности полчаса, ты встанешь с постели, под недовольное бормотанье напарника по громоздкой скрипящей двухъярусной койке: «Опять этому щелкоперу не спится!..» — и, проскользнув мимо дневального к лестнице, поднимешься на второй этаж в свой учебный класс, тихо затворишь за собой дверь, включишь свет...

И вот она, твоя свобода! Ты один. В парте томик Пушкина. Твой голос не услышит ни дневальный, ни старшина. А офицер-воспитатель, майор Комиссаров, сменивший должность преподавателя литературы на майорское звание офицера-воспитателя, и сам, небось, кайфует с томиком своего любимого Блока.

«Прощай свободная стихия, в последний раз передо мной...» В голос, напевно читаю я свои любимые пушкинские строки. Потом по памяти — есенинские: «Вы помните... вы все, конечно помните...», «Дай, Джим на счастье лапу мне...». Пушкин, Есенин, Лермонтов, Блок — всех их я пропускал через свои голосовые связки. Порой мне казалось, что звучание слов и даже слогов и уж, конечно, осо-

бое, чередующееся перекликанье рифм — вся эта музыка стихотворной строки, с ее подъемами и спусками, неожиданными всплесками, вся магия звучащего, особым образом организованного стихотворного ансамбля интереснее пресного прозаического смысла самих слов, подобно тому, как цветовая гамма импрессионистов живет своей особой жизнью, лишь случайно сопряженной с прозой предметов и пейзажа, на которую она наложена художником.

Когда мною была исписана первая, потом вторая общая тетрадь, и я окончательно убедился, что ни тема, ни композиция стихотворения меня не волнуют, а волнуют пласты слов, их музыкальность и сочетаемость, — мне стало ясно, что я — стихоплет, и надо, как сказал один менее любимый мною поэт, которого я оценил только позже, стать на горло собственной песне... Общие тетради были порваны и выброшены. Ночное бдение в пустом классе приобрело новое содержание: «Диалектика природы» Энгельса, «Этюды оптимизма» и «Этюды о природе человека» Мечникова, и прочая, и прочая.

Но одиночество не проходило. И вот однажды...

Мне шел уже шестнадцатый год, когда в Тулу, в суворовское училище — к черту на кулички, специально для того, чтобы встретиться со мной — приехала Анна Наумовна Кинкулькина. Она представилась как товарищ моего отца по комсомолу и бывшая подруга моей матери Баси Коварской. После смерти мамы Фети за моей спиной был какой-то суд, на котором, как мне казалось тогда, попытались украсть у меня эту единственную для меня, пусть и умершую, ценность — маму. Как-то вскользь — то ли словами, то ли намеками — было сообщено, что мама Фетя — вовсе не мама, а у настоящей мамы, которой я не видел и о которой ничего не знал, другое, чужое для меня имя — Бася.

Хлопоты, связанные с поступлением в суворовское училище, ломка всего уклада моей жизни заслонили и почти вычеркнули из памяти это неожиданное открытие. А потом пришло одиночество. Чужие люди вокруг, которым нет никакого дела до того, что творится в моей душе. Чужой и враждебный мир. Даже мама Фетя... и она как будто в чем-то изменила мне. Помню, я выбросил или порвал почти все, что напоминало мне о прежней жизни, кроме...

Кроме фотографии отца. Это была единственная, много раз переснятая и поэтому не очень четкая фотография с желтыми пятнами по краям и на лице. Но это была святыня! С ней можно было говорить или просто молчать, зная, что рядом — он.

И вот эта встреча с Анной Наумовной. Я не помню, о чем мы говорили, даже не помню теперь ее лица. Помню, что она не очень располагала к себе своей внешностью и разговором и неуклюже прихрамывала. Но подарок, который она привезла с собой, был бесценен. Эта была девическая фотография Баси. Образ ее впервые наполнился реальным чувственным содержанием, она перестала быть абстракцией, врагом, пытающимся вытеснить из моей памяти маму Фетю. Более того — то очевидное сходство, которое было в наших лицах, как-то сразу сроднило нас.

Анна Наумовна через день или два уехала и исчезла из моей жизни, как будто некий фантастический режиссер убрал ее со сцены, когда роль с одним выходом

и короткой репликой, перевернувшей мою жизнь, была выполнена. Но сам этот могущественный режиссер все еще продолжал свой мистический спектакль. Это я почувствовал в ближайшие две недели, когда подряд один за другим в кинозале училища были показаны два тяжелейших фильма о Холокосте: «Звезды» и «Девятый круг». Как будто этим таинственным режиссером все было задумано так, чтобы направленной взрывной волной разрушить ту стену, которую воздвигала жизнь между неизвестным мне прошлым и моей тоскующей от одиночества мальчишечьей душой. Красивая молодая женщина по имени Бася из чужого для меня еврейского круга, и рвущие душу военные судьбы в этих двух фильмах с такими же красивыми, смелыми и несчастными героинями, любящими, страдающими и погибающими от рук фашистов, — все это слилось вместе, ожило, стало моей собственной судьбой. Я почувствовал себя загнанным еврейским мальчишкой, за которым гонятся, захлебываясь свирепым лаем, фашистские овчарки. Тем, кого разыскивают среди завалов гетто полицейские, кого, измученного и избитого, ведут, подгоняя штыками, на расстрел в Понары, и кого до последнего мига, до последней автоматной очереди провожают страдающие и любящие глаза мамы Фети и мамы Баси. Так в моем сердце появилось место для двух матерей и вместе с этим — для горькой гордости быть евреем.

Май 2007 года. Минск. Мы с Ильей сидим в президиуме в зале Еврейского центра рядом с послом и консулом Израиля в Белоруссии, членами правительства республики, представителями мемориального комплекса Яд-ва-Шем, другими родственниками награждаемых. Посол вручает почетные грамоты праведников среди народов мира семьям тех, кто в годы войны спасал от рук фашистов еврейских детей или целые еврейские семьи. Среди награждаемых имена Евдокии и Фетинии Корабликовых — наших спасительниц. Это вручение перенесено в Минск по моей просьбе — там после выхода на пенсию живет мой брат Илья, полковник в отставке. А я уже с 1991 года — гражданин Израиля и вместе с женой и младшим сыном живу в Твери, в старинном городе почти с двухтысячелетней историей, расположенном рядом с такими библейскими местами, как озеро Кинерет, в Библии именуемое Генисаретским, и вытекающей из него рекой Иордан. Я уже пятнадцать лет работаю врачом в местной больнице и на станции «скорой помощи». Закончены многолетние поиски документов, устных свидетельств, встречи и споры с членами комиссии, борьба за истину. Руководство отдела праведников музея Яд-Вашем наконец-то приняло это очень важное для меня решение — наградить наших спасительниц почетным званием праведников среди народов мира, и мы с Ильей сидим в президиуме и взволнованы этой предстоящей нам встречей с Прошлым.

Позади годы учебы в суворовском училище. Первые стихи в стенгазете. Почетная грамота чемпиона по спортивной гимнастике среди суворовских училищ, Военно-медицинская академия в Ленинграде и разочарование в военной службе. Учеба вначале в Ленинградском медицинском институте, потом — на медфаке Вильнюсского университета. Работа фельдшером на «скорой помощи», потом — врачом в отделении кардиологии университетской клиники в Вильнюсе, успешная карьера: от заместителя главного врача этой клиники до одного из ведущих орга-

низаторов здравоохранения республики. Годы работы за рубежом — в Южном Йемене, Индии. Назначение в Уганду, сорванное войной с Танзанией. И, наконец, первый визит в Израиль, подготовленный неожиданной встречей с доктором Ицхаком Арадом, как выяснилось, моим родственником, а в то время — директором музея Яд-Вашем, на учредительном съезде еврейской общины Литвы в 1989 году.

Все эти события, набирая скорость и разрастаясь, как снежный ком, а в последние годы в Литве — превратившись в лавину, сломали все, что было сделано и достигнуто в прежней жизни, и выбросили меня с семьей в тихий заштатный городок на берегу библейского озера, который в этот бурный и беспокойный век перестал быть библейским и тихим. Невдалеке за Голанами проходит граница с Сирией и Ливаном, оттуда порой раздаются залпы «катюш» или ракет иранского производства, пробираются террористы, и эта часть Израиля живет той же беспокойной, вечно прифронтовой жизнью, как и вся страна, хороня молодых ребят в военной форме, наших сыновей. Порой стихи, посвященные той большой Второй мировой, без переделки подходят для драм нашего, уже двадцать первого века.

По какой-то непонятной прихоти памяти мысли возвращаются к событиям, предшествовавшим моему отъезду в Минск... Сегодня я на суточном дежурстве в кардиологической бригаде «скорой помощи» в Твери.

Кроме работы в больнице, приходится набирать себе довольно много таких подработок — до десяти в месяц, а то и больше. В свои шестьдесят с гаком надо успеть построить дом, посадить дерево — ведь мы, репатрианты, все начинаем с нуля. А без дома и дерева, посаженного тобой для себя и детей, которых ты сдернул с насиженного места в прежней жизни, без своего клочка земли, своих стен — нет родины... Мысли прерывает голос диспетчера: «Натан, на вызов!». «Натан» — так называется кардиологическая выездная бригада «скорой помощи». На выезд из двора даются считанные минуты. Время получения и передачи вызова регистрируются автоматически и проверяются в режиме реального времени с центральной станции в Тель-Авиве. На карте жизнь людей, попавших в опасность: будь то автомобильная авария на улице, сердечный приступ на дому или террористический акт в любом месте и в любое время. Сегодня сравнительно редкий, но оттого не менее тягостный повод для вызова врача «скорой». Сегодня я сопровождаю группу военных, начальников подразделения и сослуживцев, направляющихся к родителям погибшего в пограничном бою солдата. Его джип подорвали при обычном патрулировании вдоль ливанской границы. После недолгой поездки вслед за военными я выхожу из «амбуланса» и вместе с группой военных приближаюсь к одному из домов Менахмии, поселка в десяти километрах от Твери. На веранде женщина лет сорока пяти, увидев нас, говорит стоящему с ней ребенку, и мы в вечерней тишине слышим каждое ее слово: «Смотри, Ави, видишь, военные идут к кому-то...» Но с каждым словом голос и взгляд ее становятся тревожнее — она видит, что процессия, слишком официальная для такого часа, слишком многочисленная, проходя мимо соседних домов, приближается к ее веранде. И я, уже в двух шагах от веранды, вижу и чувствую физически ее страх и одновременно — слабую надежду, которая звучит и в неуверенном

ее вопросе: «Вы ведь не к нам, кого вы ищете?» Возглавляющий процессию офицер, имеющий опыт в этом непростом деле, не отвечает на ее вопрос. Еще минута надежды и незнания — единственный подарок, который он может дать этой женщине, матери, потерявшей своего сына и еще не знающей об этом. Вслед за хозяйкой, которая своим чутким материнским сердцем уже заподозрила беду, — не в первый раз появляются на этой улице в Менахами военные в сопровождении врача, — мы входим в небольшую, но аккуратно обустроенную гостиную. Через распахнутую дверь комнаты ее сына-солдата видны его детские и юношеские фотографии на стене, и на них еще продолжают жить его веселые озорные глаза, руки, обнимающие девушку, треплющие собаку. Тяжелая пауза перед словами командира, которые должны сломать судьбу этой матери, маленького Ави, его брата, всей его семьи. «О, мамы, вас первыми ранят всегда!..»

Вспоминаю внезапно фотографию своего отца, Макара, которая висела на оклеенной выцветшими обоями стене над кроватью в нашей комнате, и я порой разговаривал с отцом молча, одними глазами, как с живым. Мы оба с братом были словно заражены неустойчивой верой бабушки в то, что отец жив, вздрагивая от каждого неурочного стука в дверь, не веря ни словам его товарищей, ни гербовым печатям документов. Макар! Ему было двадцать семь лет, а значит, он был на семь лет старше этого погибшего солдата Армии обороны Израиля, когда в последний раз ночью тайком проскользнул в дверь своего дома на ул. Тизенхаузенно на окраине Вильнюса. Почти все руководители подполья уже были схвачены гестаповцами — Витас, Пшевальский, Модейскерите. Теперь шла охота за ним — командиром боевых пятерок и троек вильнюсского подполья, и ощущение опасности, почти неотвратимой, преследовало его все последние недели. В их рядах был предатель — это было уже ясно, и счет шел на дни. Дети, мать и сестра — вот что было для него самым важным, перед тем, как и он, вслед за товарищами, попадет в гестапо. Успеть попрощаться с ними, увидеть их в последний раз!

Бабушка Евдокия не раз сквозь слезы возвращалась к рассказу о том, как он появился внезапно ночью, уставший, похудевший, но, как всегда, собранный и улыбающийся. Удивительно, но Илья, которому шел тогда третий год, помнит, как отец взял его на руки и долго держал, прижав к груди. Мне не было и года, и, конечно, такого подарка судьбы, как воспоминания об отце, у меня не осталось. Как выяснилось позже, после смерти мамы Фети, даже и в метрике моей, датированной 10 апреля 1943 года, стояла запись «отец неизвестен». Да и как можно было записать имя Макара, если он был братом Фети, и именно он настоял на том, чтобы сестра пошла на фиктивный брак с Павлом Чернецовым, надежным человеком из соседей, и, вынеся меня из гетто, записала своим сыном. Тогда Ян Пшевальский, отвечавший за подпольную печать, не был еще схвачен гестапо. Вместе со своей женой, Юзефой Пшевальской, они записались как свидетели этого брака и моего рождения в семье Чернецовых.

Отец был умелым конспиратором, недаром с шестнадцатилетнего возраста он занимался политикой, вначале в комсомоле, запрещенном правительством Пилсудского, а позже в КПЗБ — секретарем подпольного Новосветского райкома партии.

Полгода, проведенные им в Кармуз-Березе, польском концлагере для политических, довершили его университеты. По его настоянию Фетя больше месяца имитировала беременность, готовя соседей к этой легенде, прежде чем была предпринята попытка вынести меня из гетто, где я появился на свет предположительно 26 декабря 1942 года. Я родился, не зная, что на мое появление уже с конца лета этого года наложено вето категорическим требованием из Берлина, запрещающим беременность и роды во всех гетто Европы. Фашисты были очень логичны в этом циркуляре — ведь уже вовсю работали фабрики смерти, и новорожденные только добавили бы им работы. Но что значит святая материнская любовь, любовь ближних, и те христианские, а по-моему, просто человеческие заповеди, которые нередко бывают сильнее самых жестоких и могущественных сил зла!

Уже работая в аппарате правительства Литвы, я случайно встретился — и в этом я тоже вижу теперь всесильную и мудрую руку Режиссера — с пожилой женщиной, Марией Ивановной Шаткевич. Впрочем, положив руку на сердце, не могу сказать, что эта встреча была такой уж случайной. Женщина искала помощи. Больная, одинокая, она нуждалась в лекарствах и больнице, то есть в том, что я как координатор в вопросах здравоохранения курировал в довольно высоких сферах. Такие встречи были частью моей работы, но Мария Ивановна рассказала мне нечто особенное. Она в довоенные годы и в войну была... подружкой Фети! И именно она сопровождала ее в тот день, когда по договоренности с Макаром, Басей и дальним родственником Баси — Рахмилом Шпизом — меня, трех- или четырехмесячного младенца, спустили через чердачное окно здания прежней Еврейской больницы на примыкающую к больнице улицу. Улица, как и положено всему, что находится рядом с больницей, называлась Шпитальной, то есть Больничной, если перевести с польского. В задачу Марии Ивановны входило наблюдение за случайными прохожими — риск был огромен, смертелен. И она справилась со своей задачей — с ее стороны прохожих не было.

Опасность появилась неожиданно и совсем не с той стороны, откуда ее можно было ожидать. В тот момент, когда Фетя приняла в руки корзину с младенцем, спущенную на веревке из чердачного окна больницы, отворилась входная дверь из дома напротив, и из нее вышел ксендз в черной сутане. Мария Ивановна, католичка, до сих пор, по ее словам, молится за этого человека. Он молча смотрел на происходящее, как будто в сомнении, как поступить. Строгий немецкий порядок оккупационного режима требовал немедленно сообщить обо всем в полицию. А это было равнозначно приговору двум женщинам, младенцу и еще их пособнику в гетто. Не сообщить — это риск для самого себя, если есть еще один свидетель происходящего, с менее щепетильной совестью.

Никто не узнает, что происходило в душе священника. Мария Ивановна была живой свидетельницей этого еще одного моего безымянного спасителя, который, незаметным движением перекрестив маму Фетю с ребенком в руках, молча удалился в темноту улицы Шпитальной. Картину с этим сюжетом подарил мне известный литовский художник и поэт Леонардас Гутаускас.

Эту историю о Еврейской больнице и улице Больничной рассказала мне Мария Шаткевич — еще одна участница моего спасения, не дожившая до наших дней.

Нужно ли удивляться, что, преодолевая в своей жизни все препятствия, а их было немало, я стал врачом и всю свою жизнь работаю в больницах: в Литве, Южном Йемене, Индии и теперь — в Израиле. И, наверно, совсем не случайно завершаю эту свою миссию в Назарете, в итальянской больнице, названной больницей Святого семейства.

Святое семейство — как по-другому можно назвать мою родную тетю Фетинию — мою маму Фетю, мою родную бабушку — мать Макара и Фети. Кланяюсь им до земли за их любовь к Макару и к нам — его детям, и за их готовность принести себя в жертву этой любви.

И здесь, на этой опаленной горем и жертвами Земле Израиля, я вижу продолжение вечного боя Света и Тьмы, где больше всего горя выпадает на долю матерей, рождающих в муках, чтобы потом терять в еще больших страданиях.

Вот и эта несчастная мать из поселка Менахамия, которой мы вручили свою безжалостную весть, будет теперь ждать своего сына, не веря, не впуская в сердце все то, что мы говорим ей сейчас. И для нее, уже потерявшей мужа, останутся от всех прежних надежд только фотографии ее сына на стене — «с живыми говорящими глазами».

Как смыкается наше прошлое с настоящим этого, казалось, ушедшего от той страшной войны еврейского мира. Какой страшной ценой надо платить моему народу за простое и дарованное природой и Богом право на жизнь.

И опять в моей душе просыпается тот пятнадцатилетний мальчишка в военной форме, на цыпочках крадущийся мимо дневального в классную комнату на втором этаже, чтобы, закрыв осторожно дверь, остаться наедине с ручкой и белым листом бумаги.

Отец Ильи и Сергея Макара Корабликов.
Вильнюс, 1938 год

Сергей Корабликов-Коварский

Нет, то не детской памяти провалы!

Я в этом убежден наверняка...

Три месяца там солнце не вставало,
Где я был спрятан в сумрак чердака.

И это было проявлением чуда

И доброты отчаянных сердец —

Когда на землю спущенный оттуда

Я первый свет увидел наконец.

Но — все прошло... Растаяло, поблекло:

Свет утра прогоняет злые сны.

Я жил, не зная — из какого пекла

Мои и жизнь, и память спасены!

О благодать невидящего взгляда...

Спасительность не слышащих ушей!

Кто в гетто был — рассказывать не надо,

Как убивали даже малышей!..

Басе и Макару

На белой стене два портрета, как птицы, —
Одни среди снежных высот!
И память, хранящая даты и лица,
Вдруг схватит
 безжалостной хваткой орлицы
И в прошлое снова несет..
Вас горе свело, а война повенчала
Без тостов, колец и цветов.
И гетто молчало,
Но словно кричало —
Безмолвием сомкнутых ртов.

Далекие, милые, гордые птицы —
Вам вечно парить в вышине,
А здесь, на стене, ваши юные лица...

Война, ты меня не учила молиться,
Но крест свой оставила мне!

Макару

«Двадцать семь» — это время
 сжиганья мостов,
Время поиска, время разлук..
Но молю — подожди,
 я еще не готов
Принять факел из дрогнувших рук!

«Двадцать семь» — это время
 любить и мечтать,
Это время растить сыновей..
Но тебе не ходить, но тебе не летать
Над зеленой отчизной твоей!

Я стою над тяжелой
 гранитной плитой,
Среди братских могил в тишине.
Луч по буквам скользит,
 как они, золотой..
Ты — во мне!

* * *

Здравствуй, Нарочь, я — сын твой!
Я связан с тобой
Тем родством, что подписано кровью!
Это время скрепило нас общей судьбой —
Тенью прошлого, болью, любовью...

Пролетело полвека, как клин журавлей,
Перья дней в твои воды роняя.
Ты как прежде лежишь
среди болот и полей,
Тайну в сердце своем сохраняя.
Долгий выдался путь, много минуло лет!
Только память вовек не стереть им,
Хоть травой зарос окровавленный след,
Что оставила мать в сорок третьем.

Зимним сторожем тайн опускались снега,
Заметая окопы и ямы,
Нет могил — ими стали твои берега.
К ним не раз я вернусь еще, мама!

*Мама Сергея Корабликова
Бася Коварская. Вильнюс. 1936 год*

Мы помним

То столетье прошло —
 так зачем беречь свои раны?
Пусть твердеют рубцы,
 отдаляется временем боль.
Но военный альбом
 беспокоит предчувствием странным,
Что мундиров с крестами
 еще не испортила моль...
Что коричневый цвет
 не поблек на фашистских рубашках,
И штандарты со свастикой
 ждут с нетерпением в чехлах.
А спортивным парням —
 сталь в глазах, воротник нараспашку —
Не хватает лишь зова:
 «зиг хайль», а возможно — «аллах!»

Но мы живы —
 младенцы,
 что чудом спаслись от расстрела,
От таких же бесстрастных,
 в коричневом...
 бравых парней.
Не осталось отцов —
 только боль,
 как от ран застарелых;
Отдалилась война,
 но мы помним,
 мы помним о ней!

АНДРИАНОВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (12.10.1943 г.)

Кандидат медицинских наук, капитан в отставке, ведущий эксперт по экспертизе качества оказания хирургической помощи в медучреждениях г. Москвы.

Родился в г. Белая Калитва Ростовской области во фронтовом (Сталинградский фронт) эвако-сортировочном госпитале, где мать была медицинской сестрой хирургического отделения. Учился 5 лет в Военно-медицинской академии, а закончил 1-й Ленинградский медицинский институт им. академика И.П. Павлова. Работал заведующим хирургическим отделением межрайонной больницы г. Тотьма Вологодской области (1969-1972 гг.), во Всесоюзном научно-исследовательском институте клинической и экспериментальной хирургии в отделении хирургии печени и желчных путей, где одновременно окончил ординатуру (1972-1975 гг.). В последующем работал в качестве хирурга, заведующего хирургическим отделением в 29-й (1975-1983 гг.) и 81-й (1987-1994 гг.) городских больницах г. Москвы, был научным сотрудником НИИ онкологии им. Н. Герцена (1984-1987 гг.), врачом-хирургом городской больницы № 36 г. Москвы, выезжал в длительные зарубежные командировки для оказания медицинской помощи населению. Награжден бронзовой медалью ВДНХ СССР за разработку новых методов операций на печени, лауреат нескольких Всесоюзных премий по хирургии. Во время ликвидации последствий Чернобыльской аварии был заведующим хирургическим отделением в зоне, подвергшейся заражению радиацией (г. Новозыбков Брянской области). Принимал участие в ликвидации последствий крупнейшего в мире землетрясения (погибло 150 тыс. человек) в Алжире в составе бригады московских врачей (1980 г.). Заведовал хирургическим отделением госпиталя Красного Креста в Эфиопии, в Индии, руководил группой врачей, осуществлявших медицинское обеспечение строительства крупной электростанции на Ганге (под Калькуттой).

Автор более 30 научных работ, участник многочисленных съездов хирургов внутри страны и за рубежом. Сделал более 15000 полостных операций.

Суворовец
Н. Андрянов. 1962 г.

Родом из детства

Все мы родом из детства. Мое детство — это наша Советская Родина и ее Вооруженные Силы. Им я обязан всем, что имею.

С Красной Армией я напрямую связан кровными узами, так как родился не в роддоме, а непосредственно на фронте — во время бомбардировки фашистской

авиацией армейского госпиталя 62-й гвардейской армии (командующий армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков), где моя мама служила старшей операционной медицинской сестрой хирургического отделения. Вместе с госпиталем моя мать с первого и до последнего дня участвовала в Сталинградской битве на Волге. Командующий неоднократно навещал госпиталь и всякий раз привозил раненым яблоки. Мама лично знала В.И. Чуйкова, который 2 раза на своем «Виллисе» подвозил ее до госпиталя. В связи с тяжелыми боями в госпитале консультировал и оперировал главный хирург Красной Армии генерал-полковник медицинской службы академик Н.Н. Бурденко. В качестве операционной медицинской сестры академик предпочитал мою мать, и она получила приглашение от него продолжить службу в Главном госпитале Красной Армии в Москве. Однако 12 октября 1943 г. госпиталь подвергся жестокой бомбардировке авиацией вермахта: была сброшена бомба высокой мощности — 500 кг тротила. Мать получила тяжелую контузию и стала инвалидом войны. А я родился на 7-м месяце беременности, т. к. от воздействия взрывной волны у нее начались преждевременные роды. Таким образом, я на самом деле являюсь непосредственной жертвой Второй мировой войны. И если вопрос о репарациях для стран-участниц был решен на Нюрнбергском процессе, то в отношении личностей, пострадавших от действий агрессора, таких решений до сих пор не принято. Но факт остается фактом: не считаясь с гуманитарными положениями Женевской конференции, фашисты бомбили медико-санитарные учреждения Красной Армии наравне с ее боевыми подразделениями. В результате варварства 3-го Рейха я лично пострадал, т. к. родился недоношенным и контуженным еще в утробе матери. И всю свою жизнь испытываю последствия этого, т. к. страдаю рядом болезней, вызванных изложенными выше обстоятельствами.

Мой отец, капитан артиллерии, погиб под Будапештом в феврале 1945 г. при освобождении Венгрии. Конечно же, никакой компенсации детям погибших бойцов за Венгрию тоже не выплачивалось. Разумеется, что подобные вопросы могут быть поставлены перед теми, кто сегодня забыл уроки Второй мировой войны и относится к советским солдатам как к агрессорам. Надеюсь, что когда-нибудь фраза «Все мы родом из детства» приобретет заложенный в нее смысл.

Дети моего поколения, рожденные в годы войны, испытывали на себе все тяготы военного времени. Они не могли и не имели нормального детства в силу тяжелых условий в стране как в годы войны, так и в послевоенное время. Я до сих пор помню вкус котлет из мороженной и гнилой картошки, которую собирали на полях, вскопанных артиллерийскими снарядами, или так называемой «затирки» — разведенной водой муки. А многие из нас лишились родителей и семей вообще и были вынуждены бедствовать во всех отношениях, становились беспризорниками. Советское государство все же не допустило массового бродяжничества детей подобно тому, которое наблюдалось в России после Первой мировой и гражданской войн. Важными среди принятых государством мер оказались развертывание в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» для детей воинов Красной Армии и партизан Великой

Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, сети суворовских военных училищ, специальных ремесленных училищ, специальных детских домов и детских приемников-распределителей. Нередко подростки зачислялись воспитанниками военных оркестров.

Все тяжести войны и послевоенного времени я испытал на себе и прошел путь от детского дома до Минского СВУ, Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

Встреча суворовцев с народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР (1941 г., 1951 г.) Б.А. Бабочкиным, сыгравшим роль главного героя — В.И. Чапаева в популярном в предвоенные и послевоенные годы одноименном фильме «Чапаев». Артист обнимает суворовца Н. Андрианова (внизу справа). Справа от Н. Андрианова — будущий чемпион мира по парашютному спорту В. Кунчукин, крайний слева — популярный среди суворовцев училища своим маленьким ростом суворовец В. Туз

Военная среда сделала нас государственниками, привила любовь к Родине. Мы получили хорошее образование, освоили иностранные языки. Нас приобщили к культуре — искусству, музыке. Любовь к спорту прошла через всю мою жизнь.

В суворовском училище я, в частности, увлекся музыкой и стал периодически замещать на танцах барабанщика в военном оркестре училища, а в Военно-медицинской академии играл на барабанах в джаз-оркестре академии, пользовавшемся успехом в Ленинграде. Нас приглашали выступать с концертами. Оркестр аккомпанировал и таким известным певцам, как Эдита Пьеха, Эдуард Хиль. Я и сейчас поддерживаю связь с оркестром джазовой музыки им. О.Л. Лундстрема, а дома имею студию для игры на ударной установке.

Пройдя испытание войной и послевоенными годами, наше поколение выжило благодаря коллективизму, сплоченности, добропорядочности, а также спра-

Н.Г. Андрианов в своей домашней студии

ведливости, которые культивировались среди нас. В нашей стране невозможно было представить, например, проявление так называемой дедовщины, которая сегодня наблюдается как в военной, так и в гражданской среде. Мы не знали такого термина, как «коррупция». Мы были честными как с собой, так и с окружающими. Сегодня эти качества пригодились мне в работе, когда меня назначили ведущим экспертом по экспертизе качества оказания хирургической помощи в медучреждениях г. Москвы, а к 40-летию моей хирургической деятельности Мосгордума наградила меня Почетной грамотой за персональный вклад в развитие здравоохранения в г. Москве.

Все мы вышли из детства. Что в нас заложили, то и получилось. Но в какой-то степени мы все еще дети, сохранив в себе и в памяти метки военного детства. Как ни странно, это помогает нам сегодня вести активный образ жизни и оставаться полезными людям.

БАУТКИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (10.02.1937 г.)

Полковник Н.А. Бауткин

Бауткин Николай Александрович родился 10 февраля 1937 года на хуторе Антоново Цимлянского района Ростовской области. Место достаточно глухое, потому что расположено в степной зоне Дона, до железной дороги около 80 км, до реки Дон — 20 км.

Н.А. Бауткин — выпускник Новочеркасского суворовского училища 1955 года. В этом же году поступил в Киевское высшее инженерное радиотехническое училище войск ПВО, которое успешно закончил в 1959 году в звании «инженер-лейтенант». По окончании КВИРТУ был направлен для продолжения службы на Научно-исследовательский и испытательный полигон Капустин Яр.

На этом полигоне Николай Александрович начинал службу с должности инженера-испытателя, прослужив 29 лет, дослужился до начальника спецотдела 02. Этот отдел выполнял задачи по доставке и передаче ЗРК зарубежным покупателям, а также по модификации этого вооружения. В основном эти поставки осуществлялись в страны, где велись боевые действия. За время службы посетил 16 стран.

Окончил службу в Советской Армии в звании «полковник», принимал участие в боевых действиях во Вьетнаме, в Египте и Сирии. Награжден орденом Красной Звезды, медалями СССР, а также медалями ГДР и Вьетнама.

Из воспоминаний Бауткина Николая Александровича

Детство мое было очень тяжелым, можно сказать, необычным: через полгода после моего рождения отца арестовали, потом началась война, в 1943 году он погиб на фронте в районе города Орел. Так что отца своего я, естественно, не помню.

Моя мать, Анна Ивановна, в 1937 году осталась одна с тремя малолетними детьми. А тут началась война... До наших мест война докатилась только летом 1942 года, немцы шли к Волге на Сталинград. Мне было уже пять лет, поэтому я помню кое-что о первых днях вступления немцев, а с ними и румын, на наш хутор. Много домов было охвачено пожаром: горели постройки совхозного животноводческого комплекса, стоял ужасный рев животных, плакали женщины и дети. В совхозе было два больших фруктовых сада. В сад ворвались румыны и начали рубить фруктовые деревья и жечь сначала деревья, а потом и жилые дома. Когда пришла зима, стало совсем плохо: не было топлива и продуктов питания. ДЕРЕ-

венские жители голодали и замерзали. Был праздник, если удавалось добыть кусок павшей конины.

Настоящие ужасы войны мы увидели зимой 1943 года, когда немцы отступали. Мне в то время уже было шесть, зима была очень холодной, немецкие солдаты просто замерзали, помню горы трупов как немцев, так и наших бойцов, а также итальянцев. Немцев изгнали из нашего хутора, но жизнь не улучшилась, потому что все вокруг было разрушено. Рабочих рук не хватало, в деревне остались только женщины. Мне приходилось выполнять самую тяжелую работу по хозяйству: вскапывать грядки, поливать, для полива носил воду в ведрах.

Моему старшему брату, Анатолию, было 12 лет, он считался взрослым, поэтому ему поручили пахать на быках, как тогда говорили, «крутить быкам хвосты». Без огородов невозможно было выжить.

В 1944 году я пошел в школу, если ее можно было назвать школой. Для школы совхоз выделил одну комнату в конторе. В ней одна учительница, Александра Евстратьевна Ногина, проводила занятия одновременно с учениками с 1-го по 4-й классы. Детей на хуторе было очень мало. Учебников не было, в основном слушали учителя, не было и тетрадей. Писали на старых немецких газетах между печатных строк. Вместо ручек мы привязывали перья, которые каким-то образом появились, к палочкам, а чернила делали сами из золы. Позже приехали две выпускницы техникума, которые и сами-то не могли решать задачи по математике за четвертый класс.

Нищета была ужасная. Не хватало одежды, особенно было трудно с обувью. Помню, как в распутицу мой брат носил меня в школу на спине. Тем не менее, четвертый класс я окончил хорошо и получил похвальную грамоту и после четвертого класса в 1948 году успешно сдал вступительные экзамены в Новочеркасское суворовское училище.

Вспоминаются трудные 1946-1947 годы. Был неурожай, все выгорело. К счастью, в 1947 году была ранняя весна, поэтому раньше появилась зелень, что нас спасло от голодной смерти. Для того, чтобы выжить, мы ели буквально все: варили «черную» кашу из лебеды, правда, потом страдали запорами, ловили воробьев и сусликов. Шкурки сусликов и жир можно было сдать заготовителям и получить в обмен ткань или что-нибудь другое.

В феврале 1949 года умерла моя мама, и я остался круглой сиротой. Мне повезло, что мама устроила меня в суворовское училище, не могу представить, как сложилась бы моя судьба.

Суворовец
Коля Бауткин. 1944 г.

Вице-сержант
Николай Бауткин. 1955 г.

Встреча в Минске в доме дружбы с Чрезвычайным и Полномочным Послом СБР тов. До Ван Май и его супругой и Н.Бауткиным

В суворовском училище были созданы отличные условия для жизни и учебы, оставалось только учиться. Суворовское училище я закончил в 1955 году с серебряной медалью. Были успехи и в спорте: был чемпионом Ростовской области в различных возрастных группах по спортивной гимнастике, спартакиады суворовских училищ, Бакинского округа ПВО. Имел первый разряд по спортивной гимнастике.

В суворовском училище большое внимание уделялось физическому развитию и участию в спортив-

ных секциях. Я почти с первых месяцев после поступления в суворовское училище я стал заниматься спортивной гимнастикой. За время учебы в суворовском училище я был чемпионом г. Новочеркасска, участником двух спартакиад среди суворовских училищ: в 1951 гола в Киеве и в 1953 году в Воронеже.

Новочеркасское суворовское военное училище я закончил с серебряной медалью и имел право выбора военного училища. Я выбрал Киевское высшее инженерное радиотехническое училище. В военном училище я продолжал заниматься спортивной гимнастикой и был чемпионом КВИРТУ.

После окончания КВИРТУ почти весь выпуск был направлен для продолжение военной службы в зенитно-ракетные войска. В начале я служил в г. Сталинграде, а затем меня перевели на испытательный полигон Капустин Яр. На этом полигоне я прослужил с 1960 по 1984 годы от лейтенанта до полковника, от инженера-испытателя до начальника спецотдела.

Основной задачей части было проведение приемо-сдаточных испытаний зенитно-ракетных комплексов С-75 всех модификаций, С-125 и С-300. После испытаний комплексы отправлялись в войска, а также поставлялись за границу. Поставки за рубеж комплексов сопровождали офицеры части, а в стране назначения проводилась их сборка и сдача. Мне часто приходилось выполнять эти работы. За время службы посетил 13 стран, в некоторых был по два-три раза. Офицеры, сопровождавшие комплексы, постоянно подвергались смертельной опасности, потому что как правило поставки осуществлялись в воюющие страны: Вьетнам, Египет, Сирия, Куба, Ангола, Эфиопия и т.д.

Везде нас встречали радушно, но особенно тепло были встречи во Вьетнаме. Народ помнит ту огромную помощь Вьетнаму, которую оказал Советский Союз в войне с США. В благодарность за эту помощь уже несколько лет подряд Чрезвычайный и Полномочный Посол Социалистической Республики Вьетнам в Республики Беларусь в сентябре приглашает на дружескую встречу и устраивает банкет участникам боевых действий во Вьетнаме.

БУЛАВКИН ЛЕОНИД ТИХОНОВИЧ (22.10.1937 г.)

Полковник Л.Т. Булавкин

Полковник в отставке, председатель Совета ветеранов завода «Красная Звезда» (г. Кировоград), член Коммунистической партии Украины, член Союза советских офицеров.

Родился в г. Гомеле Белорусской ССР. В годы Великой Отечественной войны, скрываясь вместе с родителями от угона в Германию, находился на оккупированной территории. После войны до 7-го класса учился в школе, был секретарем комсомольской организации школы.

В 1953 г. поступил в Киевское артиллерийское подготовительное училище, а после его расформирования в 1955 г. вместе с другими учащимися в составе взвода был переведен в Минское СВУ. В 1959 г. окончил Одесское артиллерийское училище по профилю командира взвода артиллерии. В 1960 г. окончил Центральные артиллерийские офицер-

ские курсы переподготовки на ракетную технику.

Служил в Ракетных войсках Сухопутных войск в должностях от начальника стартового отделения до начальника штаба ракетной бригады в Белорусском, Забайкальском военных округах, Группе советских войск в Германии, Киевском военном округе. После 26 лет службы в Вооруженных Силах СССР уволился в запас, работал председателем комитета ДОСААФ.

Вырастил 2 сыновей, ставших офицерами.

Из воспоминаний Леонида Тихоновича Булавкина

Я родился пятым ребенком в семье Булавкина Тихона Григорьевича и Булавкиной (Барабановой) Марии Ивановны. Родители в то время жили в Гомеле, сами они были сельскими жителями. Дедушка и бабушка проживали в деревне в 70 км от Гомеля. Каждое лето мои родители отправляли нас, детей, в деревню. Так было и в июне 1941 года, когда немецкие войска напали на СССР.

Дедушка в первые же дни, как началась война, собрал, меня с сестрами Люсей и Нилой и отправил в Гомель на телеге в сопровождении колхозного конюха. На одном из участков дороги лошадь испугалась встречной машины и перевернулась. Вокруг слышались крики и слышны были разрывы снарядов. Так я впервые понял чувство страха, и для меня началась война.

До Гомеля мы добирались два-три дня. По дороге ночевали в попутных деревнях. Крестьяне встречали нас с сочувствием и делились всем, чем могли. Когда добрались до города, то увидели, что наш дом разбомблен. Маму удалось найти через знакомых, она поселилась в частном доме, в котором раньше жила еврейская семья. В этом доме жила еще одна семья из многоэтажки. Во дворе был построен сарай, в котором мама завела корову и кур, на краю двора была вырыта землянка, где жители еще двух соседних домов прятались от бомбежки. Папы дома не было. Мама сказала нам, что папа эвакуировался вместе с заводом. Однако через несколько дней он появился и, как сказали нам родители, он вернулся, чтобы вывезти нас в эвакуацию, но немцы уже заняли весь город и мы не смогли эвакуироваться.

Так началась наша жизнь «под немцами». Помню разговоры взрослых про комендантский час. По городу расхаживали люди в военной форме и гортанно говорили на непонятных языках. Они вели себя как хозяева: входили в дома, лазали по шкафам, тумбочкам, буфетам, забирали, что им понравилось. Вспоминается такой случай: у нас была дворняжка, мы ее очень любили, но однажды проезжал по дороге немец на мотоцикле и, увидев нашу Жучку, он остановился и, поймав ее, посадил в коляску и уехал, не обратив внимания на наши крики.

Вспоминаю непрерывные ночные бомбежки и сотрясение стенок землянки, где собиралось много народа, а наутро шли разговоры, где упала бомба, что разрушено.

Очень тяжело было с продуктами питания. То, что выращивали на огородах, как правило, забирали оккупанты для своих госпиталей и солдатских столовых. Для пропитания горожане пытались найти любые продукты, которые можно было бы использовать для пропитания. Как-то папа принес домой целое ведро жира с запахом гари — это был жир с гомельского жирзавода, который сгорел при бомбежке. Эта добыча нас очень выручила. Особенно трудно было с хлебом. Мама хлеб держала под замком и выдавала маленькими пайками. Запах хлеба помню и сейчас.

Моя старшая сестра Нила, которой было 16 лет, должна была работать в госпитале, она стирала белье. Там же работали и ее подруги. Немцы приглядывались к молоденьким девочкам и отбирали на работу в Германию. Чтобы не поехать в Германию, девушки царапали себе руки и мочили какой-то кислотой, руки опухали и девушек «браковали».

Вспоминаю тревожное время для немцев, когда началось наступление советских войск. Немцы вели себя очень беспокойно. Как-то зашел к нам немецкий патруль и, расчувствовавшись перед мамой, стал показывать фотографии своей семьи и бормотал «Гитлер капут».

Немцы, готовясь к отступлению, начали угонять население города на запад. Горожан сгоняли на площадь, им разрешалось забрать самое необходимое: про-

Суворовец
Л.Т. Булавкин. 1956 г.

дукты и кое-что из одежды. Родители погрузили на тачку сундук, который в деревнях дарят со свадебным приданным, погрузили в него продукты и к тачке привязали корову Бурку. Как они говорили: «Вперед на Германию». Колонна двинулась в путь, а в это время немцы в домах грабили все, что было ценного.

Таких походов на Германию было три или четыре, потому что по пути колонна останавливалась на ночлег в поле или в лесу, немцы, боясь партизан, уходили в казармы, а мы убегали, но нас снова находили и собирали в колонны. Мы все время стремились вернуться в Гомель, так как дошли слухи, что Красная Армия на подступах к городу и близко освобождение. Так, при одном из побегов мы обосновались в лесу, построили шалаши (мы называли их «курени»). Питались в общем котле. Мама доила корову Бурку и делилась с соседями молоком, кто-то делился картошкой, испеченной на костре.

Помню, я сильно обжег руки, доставая ее из костра. Так жили мы некоторое время, направляя разведчиков для того, чтобы выяснить, когда можно вернуться в город. Как мне казалось, в этом лагере мы жили почти до наступления холодов.

В то время пособники немцев, полицаи, старались выслужиться перед «хозяевами». Кто-то из них выследил наших разведчиков, и однажды утром мы услышали гул машин, лай собак и топот сапог. Наш лагерь окружили каратели и началась расправа. С нами был один еврей, его первым расстреляли на глазах у детей. Один из фашистов подбежал к нам и, направив автомат на мою сестру Нилу, закричал «юден», но мама бросилась на него с криком «найн». Нила была черноволосой, поэтому немец принял ее за еврейку. Затем стали расстреливать мужчин, моего отца тоже потащили на расстрел, но в этот момент подъехал немец, видимо, командир. Он приказал остановить расправу. Мама бросилась к ногам офицера и, показывая на нас, маленьких детей, умоляла не убивать отца. Не знаю, офицер пожалел ли нас или сыграло другое обстоятельство, но он приказал остановить расправу и собрать всех в колонну и следовать снова, но в этот раз уже в сторону Гомеля.

Город нас встретил разрухой, окна почти всех домов были разбиты. Наш дом тоже был разграблен. В городе еще были немцы, свирепствовали полицаи, которых боялись больше немцев. Яма, где родители спрятали необходимые вещи, была разрыта. Начались новые походы на запад и новые побег.

Вспоминаю, как однажды при очередном «походе на Германию» нас остановили на заброшенном торфозаводе. Мы разместились в двух полуразрушенных бараках. Невдалеке стоял небольшой домик, говорили, что там жил староста, но его никто не видел. Мужчины стали обустраивать бараки для жизни. Недалеко от заво-

да находилась деревня. Говорили, что в деревне одни женщины. Крестьяне дали нам постель и помогли с пропитанием, но есть все время очень хотелось. Как-то мой отец с другими мужиками притащили шкуру то ли быка, то ли коровы и, осмолив ее на костре, разрезали на кусочки и разделили на всех. Ох и вкусная была шкура! Но самое неприятное то, что появились вши. Приятно было прижавшись к маме, когда она гребешком вычесывала вшей, но уж очень они не давали покоя. Помню, как нас стригли коротко огромными ножницами.

Июнь 2006 г. Первая встреча через 50 лет после окончания училища В.М. Лагутина (слева) и Л.Т. Булавкина, впервые приехавшего на традиционную встречу выпускников училища в г. Минск

Взрослые по-прежнему были заняты добычей пропитания, разведкой обстановки в городе, а дети играли в войну, но в лесу было интереснее, а здесь кругом болото. Наконец-то дошли слухи, что в городе «красные». Мама со старшей сестрой пошли на разведку и вернулись с радостной вестью: в Гомеле наши. Вскоре я увидел советских солдат и на заводе, и какое было мое удивление, что они совсем не красные, а самые обыкновенные люди.

Наконец-то начался путь домой. Сундук был пуст, буренка похудела, но идти было тяжело, часто останавливались в деревнях. Крестьяне были очень добродушными и помогали, чем могли. Однажды я с местными ребятами катался на льду реки Уза и провалился под лед, но деревенские ребята смелые, они быстро легли на лед и вытащили меня из проруби, но один резиновый галош утонул. Так что ребята на руках донесли меня до их дома и обсушили. Я боялся идти домой, но мне все равно досталось от мамы.

Гомель был освобожден, но до Победы оставалось еще более года.

ГУСЕВ АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ (22.11.1942 г.)

Генерал-майор
А.С. Гусев. 1986 г.

Генерал-майор в отставке, участник ликвидации последствий Чернобыльской аварии.

В 1954 г. поступил в Тамбовское СВУ. В 1960 году в связи с расформированием училища переведен в Минское СВУ, окончил его в 1962 г. с золотой медалью. Проходил службу на командных должностях от командира взвода (ГСВГ) до командира дивизии (СибВО), начальника штаба общевойсковой армии (СABO, г. Семипалатинск). Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе в 1973 году, Военную академию Генерального штаба ВС СССР в 1981 году. Перед увольнением в запас (1990–1991 гг.) был заместителем начальника штаба Гражданской обороны РФ.

Воинские звания «майор» и «подполковник» присвоены досрочно. Награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями.

Вышли мы все из народа...

Родился я в селе Чернава Рязанской области, хотя во всех документах, не зная этого, до определенного момента указывал село Лошаки Чернавского района.

Отец, Гусев Степан Никитович, 1912 года рождения, родился и жил в селе Чернава Рязанской области. Отец отслужил четыре года в Красной Армии, после службы с 1936 по 1939 год работал в Чернавском райкоме ВКП(б). С февраля 1939 года и до начала войны был начальником районного военкомата. В 1942 году с началом эвакуации ушел на фронт. Согласно извещению, капитан Гусев Степан Никитович, старший инструктор политотдела, погиб 23 июля 1943 года и был похоронен у деревни Степь Маховского района Орловской области.

Мать, Гусева (Коновалова) Анна Петровна, 1919 года рождения, проживала в с. Лошаки Чернавского района до сентября 1937 года, когда была принята на должность учительницы в Чернавскую начальную школу №1, в которой и работала до начала эвакуации в ноябре 1941 года. Здесь она познакомилась с отцом и вышла за него замуж.

После ухода отца на фронт и начала эвакуации мать вернулась в село Лошаки к своей матери — моей бабушке, Коноваловой Татьяне Васильевне. Здесь, в Лошаках, селе на берегу Дона и впадающей в него речки Паника, название которой связано с временами проходившей недалеко от этих мест Куликовской битвы, сходят-

Толя Гусев (крайний слева)
с сельскими друзьями. 1952 г.

А. Гусев (в бескозырке во 2-м ряду в центре)
с бабушкой Татьяной Васильевной
и ее дочерью Марусей (справа).
В первом ряду — дядя Боря (бабушкин сын)
и сестра Дина. Сентябрь 1945 г.

ся границы с Липецкой и Тульской областями... В хорошую погоду с высокого места отсюда можно было видеть памятник на поле Куликовом...

После того, когда, уходя от наступавших немцев, заболела и умерла моя мать, мне было всего шесть месяцев, бабушка заменила мне ее. Так я и рос, не помня своей матери, считая, что и родился я в Лошаках, о чем и писал во всех документах и автобиографиях. Кроме меня бабушка воспитывала мою старшую сестру Дину 1939 года рождения, а также своих четверех детей: троих сыновей и дочь. Два старших сына бабушки, Николай Петрович и Дмитрий Петрович, к началу войны уже служили в армии, поэтому увидел их я намного позже: Николая Петровича в конце войны, когда он приезжал в краткосрочный отпуск... Хорошо помню, как он показывал свой пистолет, а потом за околицей в овраге стрелял из него по просьбе нас — мальчишек... А Дмитрия Петровича я увидел уже после войны, когда он вернулся после демобилизации из армии с Камчатки...

Вот в такой семье и проходило мое военное детство... Бабушка воспитывала нас одна, т.к. ее муж умер перед началом войны от заражения крови... Сама она с утра и до вечера работала в колхозе, редко имея возможность проверить: как мы и чем занимаемся? Поэтому основные заботы по воспитанию моей сестры и особенно меня ложились на старшую дочь бабушки — Машу (1930 года рождения) и отчасти на младшего сына Бориса (1935 года рождения), за которым и самим был нужен контроль! Так что тяжелее всех все эти годы приходилось моей тете

Маше... Когда подружки ее звали гулять, она должна была сидеть и следить прежде всего за мной... А я был очень беспокойным ребенком, добавляя ко всем тяготам и лишениям военного времени мои капризы. Мои крики могли часами оглашать все село, вызывая вопросы соседей и прохожих, но отвечать, кроме девочки Маши, было некому... Мне же за это доставалось дополнительно, поэтому крики мои только усиливались и продолжались пока, я не уставал окончательно... Так я и рос, развивая «командирский голос».

Жизнь была трудная, голодная: хорошо помню лепешки из конского щавеля — как деликатес... Правда, доставалось нам немного молока от нашей коровы («Малинка»), но все оно сдавалось в колхоз по налогу (как и многое другое — масло, яйца и т.д.). Хлеб все пекли сами из муки, которую бабушка получала на трудодни. Это всегда был маленький праздник. Так как время и жизнь были тяжелыми, приходилось все время думать о том, как прожить. С поздней осени и до весны мы сидели дома на печке, укрывшись всем, что было из теплых вещей... На улицу просто так не выходили, т.к. валенки были одни на всех: в них старшие ходили в школу, а уж потом можно было в них выйти кому-то другому.

Приход весны для меня был связан с началом ледохода на Дону. Наш дом стоял на первой линии от реки, примерно в двухстах метрах от берега Дона, поэтому были хорошо слышны треск ломающегося льда и шум воды, когда начинался ледоход, и все село высыпало на берег смотреть на эту незабываемую картину независимо от времени суток! Ледоход приносил в голодную жизнь возможность улучшить ее за счет рыбалки. В те годы вода в половодье поднималась на несколько метров, заливала все низины, куда попадало много самой разной рыбы, которую после спада воды мы ловили чем только можно... А рыбы в те годы было очень много! Но еще до спада воды мы с Борисом выходили на берег на рыбалку с большим сачком на шесте — у нас его называли «наметкой». Борис забрасывал ее с берега и тащил по дну к себе на берег, а я старался не мешать ему, готовый броситься на сетку с рыбой и не дать ей ускользнуть назад в реку. Ловили мы много: больших щук, окуней, плотву, голавлей, ершей... Рыба позволяла легче пережить голодную весну... С тех пор я и пристрастился к рыбалке с Борисом, а потом постепенно и самостоятельно, на всю оставшуюся жизнь...

Выловленная Толей в реке рыба
была хорошим подспорьем
в питании семьи. 1953 г.

Отличник учебы суворовец А. Гусев награжден начальником Тамбовского СВУ генерал-майором Г.И. Шолевым личной фотокарточкой у развернутого Знамени училища. 1956 г.

Все нехитрые рыбацкие снасти делал сам: леску плел из конского волоса (дергал из хвоста, что однажды закончилось ударом копыта в лоб и шрамом на всю жизнь), крючки — из проволоки, поплавков — из гусиного пера, удилище — из лозы. И все время, начиная с весны и до поздней осени, я пропадал с утра и до вечера на берегах Дона и Паники. Вечером приносил домой бабушке свой улов: это был мой маленький вклад в дело нашего выживания в то голодное время.

Приходилось в это время, когда подходила очередь нашего дома пасти общее стадо, быть с рассвета и до заката пастухом вместе с Борисом. Запомнилась также и послевоенная борьба за сохранение урожая зерна с грызунами — сусликами, норы которых мы — ребята — заливали водой, пока они не вылезали наружу и не становились нашей добычей... Шкурки сусликов мы сдавали, а на полученные деньги можно было купить немного конфет-подушечек или печенье: радости

не было предела! Так и проходило босоногое, в цыпках до крови, лето...

Пришло время идти в школу. Идти учиться я никак не хотел, и бабушке пришлось долго уговаривать меня всеми правдами и неправдами, чтобы я все же согласился пойти в школу. Мне сшили холщовую сумку, собрали букварь, дневник, тетрадку, ручку и за руку отвели в школу на торжественное построение 1 сентября 1950 года. Школа находилась за околлицей села рядом с церковью, в которой хранилось зерно, а на току здесь же работала моя бабушка... И вот тут-то не успел начаться первый урок, как оказалось, что у меня не хватает чернильницы! От такого позора я с диким визгом (голос мой знало все село) выбежал из школы, за мной — учительница, и помчался прочь от школы! Отлавливали меня долго и с трудом успокаивали под контролем бабушки и учительницы полсела, в основном женщины! Кое-как меня все же удалось общими усилиями успокоить и уговорить вернуться в школу, купив мне чернильницу. Этот мой первый школьный день запомнился надолго многим, а мне — на всю оставшуюся жизнь... Так начиналась моя школьная учеба. Правда, вскоре я с присущим мне упрямством и упорством втянулся в учебу и к моменту поступления в суворовское училище закончил четыре класса с похвальной грамотой, что помогло мне поступить в училище и учиться в нем довольно успешно.

*С бабушкой Татьяной Васильевной
после окончания Минского СВУ. 1962 г.*

А как же я в итоге оказался не сельским пастухом или в лучшем случае трактористом, как все мои сверстники по детским годам (в живых уже никого не осталось), а стал военным? Дело в том, что сразу после войны для восстановления народного хозяйства потребовалось привлечение рабочей силы из сельской местности, чем занимались вербовщики от предприятий. Для колхозников, не имевших паспортов, вербовка на работу была единственной возможностью уехать из деревни, чем они и пользовались). Так и у нас из села уехали очень многие на работу в Подмоскowie, были среди них и родственники моей бабушки. На новом месте жизнь тоже была нелегкой, поэтому на лето все, кто мог, отправляли в деревню своих детей и приезжали в отпуск сами. Приезжали и наши родственники, привозили и «московские» гостинцы: батоны белого хлеба, баранки, конфеты (я помню их до сих пор. Так, в один из приездов бабушкина сестра Софья Васильевна в 1945 году забрала с собой в Москву мою старшую сестру Дину. Обсуждался вопрос и о моем будущем, пока в 1954 году не решили попробовать определить меня в суворовское училище. За лето удалось собрать все необходимые документы, пройти комиссию и получить направление в училище. И водила, и возила меня по всем инстанциям все та же сестра моей бабушки — Софья Васильевна Лазарева, которой я бесконечно благодарен и по сей день!

Так летом 1954 года я впервые увидел паровоз, московское метро, а осенью был принят в суворовское училище, где для меня началась новая большая жизнь. Но это, как говорится, уже совсем другая история...

А.С. Гусев у доски медалистов Минского СБУ, где среди других выпускников есть и его фамилия в числе золотых медалистов. 2003 г.

ГУЦЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ (первая половина 1941 г.)

Подполковник Г.И. Гуцевич

Родился в Малом Тростенце под Минском в семье кадрового военнослужащего Красной Армии в первой половине 1941 года, т. е. за несколько недель до начала Великой Отечественной войны. Так было записано в Свидетельстве о рождении, которое было выдано после гибели матери. Фактически я родился в г. Минске. С 1953 года по 1960 году учился в Минском суворовском военном училище, после окончания которого поступил в Коломенское артиллерийское училище, затем окончил Ленинградскую артиллерийскую академию им. М.И. Калинина. До увольнения из Вооруженных Сил СССР проходил службу в Управлениях групп Советских войск в Германии и Польше. По замене был переведен в Управление Прикарпатского военного округа.

Из воспоминаний Георгия Ивановича Гуцевича

С началом войны и захватом немцами г. Минска отец отвез меня к своей теще, моей бабушке, в деревню Малый Тростенец Минского района, ныне это окраина г. Минска. Отдав меня ей, отец вместе с отступающими войсками уехал в сторону Могилева. Через несколько дней в деревню Малый Тростенец вернулась и моя мать, Гуцевич Ольга Михайловна.

Мой отец, Гуцевич Иван Андреевич, вместе со всеми воинами Красной Армии познал все трудности, горечь отступления и радость освобождения территории России, Украины, Белоруссии.

В 1944 году, после освобождения г. Гомеля, отец был тяжело ранен и умер в госпитале г. Гомеля. Там он и похоронен в братской могиле.

Вместе с матерью я всю войну прожил в деревне Малый Тростенец. Добротный каменный погреб, построенный еще моим дедом, являлся все эти годы для нашей семьи надежным укрытием.

Так случилось, что именно Малый Тростенец был выбран фашистскими оккупантами местом массового уничтожения граждан различных стран Европы, в том числе и Германии, и СССР. А я вместе с матерью, бабушкой и тетей все эти годы оккупации пережил в каменном погребе, расположенном в 1-1,5 км от мест массового уничтожения людей.

После освобождения города Минска и получения извещения о смерти отца мама получила от государства какую-то сумму денег, на которые была построена, как я считаю, добротная землянка с двумя маленькими окнами и русской печью. В землянке разместились две кровати, самое теплое место (на печке) было моим.

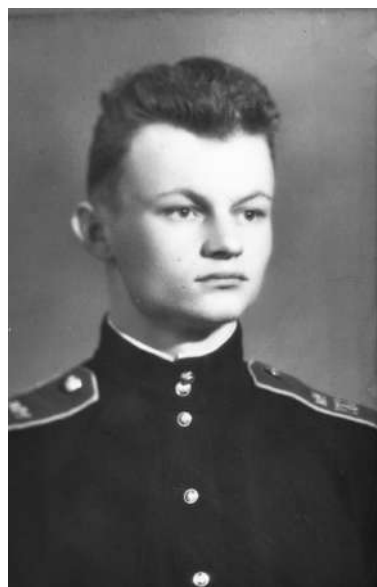
Из военного времени помню попытку семьи эвакуироваться подальше от Минска при его освобождении, т. к. деревня со стороны Могилева подвергалась обстрелам. По возвращении нашей семьи в деревню на поле тут и там лежали вражеские трупы, а в речке — разбитая техника.

Как все мальчишки военных лет, мы пытались собирать брошенное оружие и боеприпасы и, конечно, от взрослых получали соответствующие взбучки, т. к. были среди нас и травмированные, и калеки, и убитые.

Сразу после освобождения в деревне Малый Тростенец был создан колхоз, и моя мать Ольга Михайловна на телеге со слепой лошастью периодически возила в Минск бидоны с молоком.

И вот осенью 1947 года при очередной такой поездке в Минск она взяла с собой меня, чтобы купить обновку. Возвращаясь домой, когда я спал у нее на руках, на дороге, в районе нынешнего универсама «Беларусь», мать попала в автомобильную аварию. Видимо, она успела меня, спящего, отбросить в сторону, а ее саму и лошадь раздавила машина.

Я остался круглым сиротой, и все заботы обо мне легли на хрупкие плечи моей молодой тети, маминой сестры Елены Михайловны, которой тогда было только 18 лет. Она отлично с этим справилась — после окончания мною 4 классов в местной школе она оформила все необходимые документы, и с осени 1953 года я стал суворовцем Минского суворовского военного училища.

Суворовец Г.И. Гуцевич

Я бесконечно благодарен моей тете, так как совершенно неизвестно, кем бы я мог стать, если бы не оказался в стенах блестящего учебного заведения, каким в 1953 году стало в городе Минске только что открытое суворовское училище.

Коллективу преподавателей училища, вчерашним фронтовикам, офицерскому составу и особенно моему офицеру-воспитателю Гавруковичу Леониду Владимировичу пришлось приложить много сил, заботы и внимания ко мне, что позволило мне успешно завершить учебу в училище в 1960 году и стать курсантом Коломенского артиллерийского училища.

Окончив военное училище, а затем и военную академию, я стал, с моей точки зрения, неплохим ракетчиком, глубоко знающим ракетное вооружение Сухопутных войск и способы его боевого применения. На протяжении 29 лет службы в Вооруженных Силах в Управлениях групп войск в ГДР и ПНР

Справа налево первый ряд: А.Кухаренко, Е.Лейко, В.Капшук, Н.Бабаев. 2-й ряд: В.Иванов, О.Николаев, А.Дроздов, В.Грек, В.Карушин, В.Ширяев. 3-й ряд: Н.Абраменков, Е.Комаров, В.Ефимов, И.Корабликов, Ю.Шугладзе, Н.Спасский, Н.Кутузов, В.Жбанов. 4-й ряд: В.Шамин, Л.Овчаренко, В.Дуда, Г.Гуцевич, К.Зайцев, Ю.Гуменюк, В.Мартынов, В.Шувалов. 1954 год

и Прикарпатском военном округе я поддерживал воинские части, хранящие ракеты и боевые части к ним, в готовности к боевому применению.

Уволен из Вооруженных сил Советского Союза в связи с выходом на пенсию в 1990 году. Распад СССР я и моя семья встретили, живя на Украине в г. Львове.

Сегодня я, белорус, являюсь гражданином России и Ветераном Вооруженных Сил Российской Федерации. Живя в глубинке России, в Пензенской области, я, по просьбе местных жителей, принял участие в местных выборах и со своей командой победил на них, став одновременно и Главой Комитета местного самоуправления, и Главой местной администрации. На протяжении нескольких лет исполнения административных обязанностей я на практике убедился, насколько Россия является сложной страной, в которой самые прогрессивные намерения, принятые в Москве, затухают уже за Московской кольцевой дорогой.

Сейчас вместе с семьей живу в Белоруссии. Очень хотелось бы, чтобы спокойствию и порядку в стране сопутствовало заметное повышение реальных темпов развития ее экономического и интеллектуального потенциалов.

Еще во время войны государство проявило мудрую политику и не бросило сиrot защитников Отечества на произвол судьбы. И эти ребята впоследствии, став и сами защитниками Родины, по мере сил и возможностей профессионально продолжили дело своих отцов.

ДРАГОМИРЕЦКИЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (25.09.1941 г.)

Родился в с. Усть-Ануй Алтайского края Бисро-Истокского района в разгар войны. Мои родители поженились незадолго до начала войны, их знакомство произошло в Иркутске, на картографической фабрике, где работала моя мама Сидельникова Анна Петровна. Отец — младший лейтенант мотострелкового полка, кадровый офицер Красной Армии Драгомирецкий Иван Тимофеевич. Его война настигла на границе с Польшей и, по воспоминаниям бабушки, ему удалось на несколько часов заглянуть в с. Загнитков Песчанского района Одесской области, где он родился. Его судьба была трагической, он погиб 26 октября 1941, не узнав о рождении сына. Во фронтовом письме он написал матери, если родится дочь, назвать Галинкой, ну а если сын — Валерой.

Письмо получили в 1943 году, оно было написано химическим карандашом и мама долго плакала, перечитывая его. Так уж получилось, что я с мамой и бабушкой Анастасией Михайловной Сидельниковой постоянно находился на Заготзерне — в деревне, где все трудились на фронт. Помню, в 1945 году, после Победы, стали возвращаться фронтовики, и вернулся мой дядя Михаил Сидельников, закончивший войну под Таганрогом. В ноябре 1945 года от аппендицита умерла мама, тогда не оперировали еще. Оставшись сиротой после похорон матери, по ее наставлению переехали с бабушкой в Иркутск, где я пошел в школу в первый класс 44 школы. Учился только на «отлично», и мой дядя-опекун подал документы в военкомат на поступление в суворовское училище. После успешных испытаний я поступил в Свердловское суворовское военное училище. Семь лет учебы в суворовском училище были прекрасной жизненной школой, учился на «отлично», был избран секретарем комсомольской организации, и мне была уготована военная карьера. В 1961 году после окончания СВУ был направлен в Омское высшее общевой-

Суворовец
В. Драгомирецкий

В. И. Драгомирецкий (справа) и Г. П. Кричевский (Курское СВУ) — коллеги по учебе в Свердловском суворовском офицерском училище

сковое командное училище, где учился один год. Однако по состоянию здоровья был комиссован и стал студентом физико-технического факультета Уральского политехнического института им. С.М. Кирова. Учился добросовестно и после окончания учебы был направлен в Белоруссию, где и живу по сей день.

Женат, внуки: Даниил, пошел по моим стопам, суворовец Минского суворовского училища, Арсений — учится в школе, но, даст Бог, тоже будет суворовцем. От внучки Юлии родилась правнучка Лейсана.

Так что жизнь продолжается. Пишу стихи, в них моя жизнь и любовь. Слава Богу, давшему мне жизнь и возможность освоить генетически обусловленный потенциал.

Встреча в Минске во время конференции Белорусского союза суворовцев и кадет. Справа налево: В. И. Драгомирецкий, офицер-воспитатель Минского СВУ И. М. Дробов, Н. З. Кунц, П.В. Филиппов. 25 ноября 2012 г.

О своей судьбе Владимир Иванович очень хорошо рассказал в своем стихотворении.

Письмо с фронта

А отец мой погиб в сорок первом
На Москву отступали войска
На пределе натянуты нервы
И усталость в бессонных глазах.
Наши бабы трудились в колхозе,
На коровах возили зерно
И однажды на крепком морозе
Распечатали с фронта письмо.
Я прошу, если дочка родится,
Ты Галиной ее назови,
Мне сегодня в окопах не спится
До восхода тревожной зари.
Если все-таки сына подаришь,
То Валерой его назови.
Знаю я, обо мне ты скучаешь —
Для ребенка себя береги.
Моя мать умерла в сорок пятом,
И в клубящейся дымке тех дней
Мир казался таким необъятным...
Запрягли мы в дорогу коней.

И в Иркутск переехали сразу,
Как хотела того моя мать,
И с тех пор на Алтае ни разу
Не пришлось уже мне побывать.
Семь суворовских лет незаметно
Растворились, оставив свой след
Нашей дружбе верны, мы, кадеты,
Пусть пройдет не одна сотня лет.
Помню звуки прощального вальса.
Ждали разные нас города,
И сдержать каждый слёзы старался,
И разъехались мы навсегда.
И порой нелегко так бывает,
Вспоминается горечь утрат,
И душа неизменно страдает
Об ушедших из жизни ребят.
Никогда ни о чем, не жалея,
Стал давно только будущим жить
Пусть гитара тоску мне развеет
Будем жить, и любить, и творить.

Цветущей весной в сорок пятом
Победа вошла в каждый дом
С прославленным русским солдатом,
С разгромленным напроць врагом.
Священное слово Победа,
Счастливые слёзы в глазах,
Отвага отцов, наших дедов
Прославят Россию в веках.

А кто не вернулся из боя,
Впечатаны в вечный гранит,
Вечерней порой перед строем
Дежурный их вслух огласит.
Живые стоят монументы,
Согретые вечным огнём,
Как памяти нашей моменты
Они с нами ночью и днём...

ДУБЛЯНСКИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (10.01.1940 г.)

Юный суворовец
Василий Дублянский

Родился в 1940 году в Днепропетровской области Украины. Его отец погиб в боях под Ельней.

Окончил Ленинградское суворовское военное училище. Поступил в Багратионовское пограничное училище (город Калининград), но оно было расформировано. Окончил Минский институт иностранных языков, а позже — Гаванскую языковую академию.

После окончания института был оставлен в нем на кафедре испанского языка. Работал преподавателем в Гаванском университете на Кубе.

Защитил кандидатскую диссертацию. Работал деканом факультета испанского языка Минского лингвистического университета, затем деканом факультета внешнеэкономических связей.

Профессор. Награжден знаком «Отличник высшего образования СССР» и «Выдатнік народнай асветы Беларусі».

Из воспоминаний Василия Ивановича Дублянского

Родился я в морозную ночь января 1940 года в сказочном, затерянном на притоках Днепра маленьком украинском селе недалеко от Днепропетровска.

Маме, Лидии Анисимовне, было 19 лет, а отцу, Ивану Корнеевичу, — 24 года. Радость в семье была праздничная, но пока я рождался, моя бабушка Ирина Ивановна вытолкала отца на тридцатиградусный мороз, снабдив его и его друга Грыцька Субботу салом, хлебом и самогонкой для поддержания духа. Они бегали вокруг хаты, играли на гармошке, пели украинские песни, выражая свою радость. Отец в тот вечер отморозил уши.

Позже отца призвали на долгосрочные военные сборы, так как из Европы все больше тянуло гарью и порохом. Его лишь один раз отпустили на краткосрочную побывку домой. Он много возился со мной, колыхал на коленях. Больше я его не видел.

Началась страшная война, бойня, свидетелем и, в общем-то, участником которой стала вся моя семья: дальние и близкие родственники, бабушка, тетя, мама, мой маленький братик Слава и я. С войной пришли долгие 2,5 года оккупации нашей страны немецко-фашистскими войсками. Я смутно помню то трагическое

время. Все изменилось в один миг. Нашу хату заняли немцы, а нас выгнали в сарай для скота. Холод, голод, унижения. Я не знаю, как выжила моя семья в этих нечеловеческих условиях. Как рассказывала мне мама, некоторые ее одноклассники стали предателями, полициями. Они вели себя нагло, приставали, требовали горилки, закуски, в противном случае грозились сообщить фашистам, что наш отец служит в Красной Армии, в НКВД. А это была явная смерть.

Если бы не моя бабушка Ирина Ивановна, то неизвестно, что могло бы случиться. Маленькая, с виду тщедушная, она прожила 102 года. Говорят, что в молодости она была знакома с Батькой Махно и никого не боялась, ни бога, ни черта. Ее на селе считали скаженной, но справедливой, и не отваживались трогать. От нее и немцам тоже доставалось. С 10 лет она была отдана в приимы, где и встретила моего деда Дублянского Корнея Ивановича, красавца из Курска. Она родила ему 7 детей и работала, работала, работала, чтобы прокормить голодные рты, особенно после смерти деда.

Во время оккупации, как рассказывала мама, когда появлялась угроза, нам приходилось прятаться у родственников или в секретных «схронах» — незаметных ямах, приспособленных заранее для таких случаев. Иногда мама с нами, двумя малышками на руках, убегала в ночь к тете Вере, проживавшей на Привольном хуторе в 3 километрах от нашего села Андреевка.

Время, когда Красная Армия освобождала Днепропетровск, я уже довольно хорошо и осознанно помню, мне было уже около пяти лет. Бои за город шли долго и упорно. Помню, как нас бомбили, как горели стога, как мы прятались у соседей в бетонированном погребе. У мамы была клаустрофобия, и она не могла долго находиться в закрытом пространстве, постоянно вылезала наверх подышать свежим воздухом, а мы с братом, естественно, ползли за нею. Наверху рвались снаряды, стреляли. Бабушка вспоминала, как один из красноармейцев кричал ей: «Дура, куда лезешь! Если тебе не дорога твоя жизнь, то пожалей хоть своих байстрюков!» Бой продвинулся за село, когда мы вдруг увидели, что горит подожженная немцами соломенная крыша нашей хаты. Все бросились тушить. Тетя Раиса залезла на «драбине» наверх и начала поливать огонь водой, которую мы носили ей из колодца. Помню, как в маленьком ведерке носил воду и я.

В моей памяти сохранился постоянный голод, который испытывали все мои родные и близкие. Это состояние преследовало меня очень долго. При любой возможности я ел и ел сухари, пампушки, макуху, лебеду — все, что попадалось под руку, и вершину удовольствия — черный хлеб с маргарином, посыпанным солью или желтым сахаром. И лишь где-то в 15 лет, уже в суворовском училище, благодаря хорошему питанию эта тяга к еде притупилась, хотя и осталась, видно, на всю оставшуюся жизнь.

После освобождения от оккупантов мы с братом Славой ходили в колхозный детский сад. Это было спасение для мамы — ведь там нас хоть скудно, но чем-то подкармливали. Помню, когда объявили о нашей Победе, то праздновало все село. Мама с подругой Оляной, моей крестной, плакали и пели, они пели и ревели, как нормальные.

Мне памятни дни, в которые участники войны начали возвращаться на Родину. В детском саду вдруг раздавалось: «Пичкурэнко прыхав! Мыкола Мыронивский вернувся!» И дети радостно неслись домой. Только несколько малышей и мы с братом, забившись в угол, как маленькие волчата, сжав зубы, печально смотрели вслед счастливым, и слезы текли из наших глаз... Мы уже знали, что наш отец не вернется. Он героически погиб за Родину, за нас...

Личные судьбы многих людей во время войны, где гибнут тысячи, миллионы, исчезают в пучине людского горя. По словам уцелевшего в боях односельчанина Маркова, отец участвовал в обороне Белой Церкви. Затем, когда остатки армии Конева перебросили под Смоленск, его следы потерялись.

Когда бабушка от Маркова узнала обо всем этом, то решила сама найти сына, и невероятно, но факт — благодаря каким-то знакомым и ухищрениям, как рассказывают, добралась до Киева. Ее долго не было. Думали, что бабушка погибла. Тем не менее, она вернулась — седая, неразговорчивая, потухшая и закрытая, как будто хранила какую-то тайну. И лишь после войны мама разговорила ее. Фашисты, устроившие Бабий Яр и расстрел военнопленных у Белой Церкви, обнесли территорию колючей проволокой и, во избежание эпидемий, не пускали своих солдат внутрь. Но бабушка попала туда. Она долго бродила по полю, переворачивая трупы в надежде найти своего сына...

Как потом стало известно, мой отец, Иван Корнеевич Дублянский, погиб в бою под Ельней. Но бабушка до конца своей жизни жила надеждой, что вот-вот ее сын вернется. Я помню, как был поражен этой любовью и преданностью, и, будучи еще пацаном, сочинил стихотворение моей бабушке Ирине Ивановне:

Много раз говорили соседи:
— Брось, Ириша, сколь лет, сколько верст!
Не придет уж никто, не приедет,
Нет его на земле, нет среди звезд.
Отгремели уж грозы раскатные,
И давно все вернулись везде...
Но не мирится сердце с утратою:
Может, жив? Может, где-то в беде?
Может, болен, без ног иль наказанный,
Или память в плену у свинца?
Может быть, ему просто приказано,
И войны для него нет конца?
Отзовись! Повзрослели уж дети.
Сил нет ждать, умереть, позабыть.
Иль нет правды на этом свете?
Быть не может... Не может быть!
Край села, тихо солнце садится.
Чу! Там, кажется, кто-то идет ...
Крест могильный в луне серебрится
И все смотрит, надеется, ждет!

Послевоенная наша жизнь была на выживание, но благодаря славянской общинности мы уцелели. Уходя на работу, мама оставляла нам на выбеленной стене хаты-мазанки какие-либо слова, цифры или рисунки, и мы с братом должны были скопировать их до ее возвращения поздним вечером. Иногда со старшим двоюродным братом Володей мы бродили по полям, лесополосам, собирали яйца птиц, абрикосы, какие-то коренья, колоски пшеницы, хотя, особенно за пшеницу, могли пострадать взрослые. От наших набегов доставалось и колхозным бахчам: мы добывали дыни, кавуны, помидоры и огурцы. Бабушка «матюкалась», ругалась, призывая небо, чтобы нас «качки задювбалы» или чтоб мы «сказались», обзывала нас «бандюками» и «бендеровцами».

В те времена, естественно, мы играли в войну, в которой наши всегда побеждали немцев. И однажды в такой игре мне осколком от стекла бутылки «фашисты» рассекли бровь, и сосед, участник войны, лечил меня, промывая рану керосином.

Ко всем несчастьям в 1947 году случилась беда — страшная засуха на Украине и голод. Умирало много людей, особенно стариков и детей. Путь на кладбище проходил мимо нашего дома, и каждую неделю мы наблюдали скорбные процессии. Голод и смерть подбирались и к нашей семье. Спас нас дядя Миша, муж родной сестры мамы, донбассец Михаил Александрович Кизим, подполковник погранвойск. Он выписал нас, маму, брата и меня, к себе в Ереван, где в то время проходил службу.

Так как тогда все школы с русским языком обучения были переполнены, мне пришлось учиться в армянском классе. Наша дальняя родственница Арменуе Карапетянц, работавшая с мамой в МВД Армении, по вечерам учила меня армянской грамоте. Я закончил два класса СШ№ 13 с похвальной грамотой на армянском языке.

Позже дядю Мишу перевели в Белоруссию, и он забрал нас с собой в Минск. Жили

Профессор
В.И. Дублянский

мы сначала практически в землянке, пока не отремонтировали под жилье конюшню. В ней нашлось место и бабушке с дедушкой по маминой линии, и другим родственникам. Жизнь «колхозом» очень помогла нам.

Война, переезды, неустроенность сказывались на моих успехах в школе. Единственный предмет, который мне давался легко, был белорусский, может быть, потому, что он очень похож на мой родной украинский язык.

В 1951 году по квоте МВД Белоруссии, где работала моя мама, меня, хотя и с трудом из-за недостаточного физического развития, художбы, зачислили в Ленинградское суворовское училище МВД СССР (город Петродворец). Успешно закончив его в 1957 году, я был распределен в Багратионовское пограничное училище (город Калининград). Впоследствии после его расформирования я поступил и закончил факультет

английского языка Минского государственного института иностранных языков, где был оставлен для работы преподавателем английского, немецкого и испанского языков.

С 1967 по 1970 годы я работал на Кубе в Гаванском университете преподавателем. Был переводчиком у Фиделя Кастро с военными делегациями. Закончил Гаванскую языковую академию (отделение португальского и испанского языков).

На снимке слева направо: 1-й – В.И. Дублянский, 2-й зам. главы Кубинской делегации капитан Родритес, генерал-лейтенант А.И. Тетерев, глава советской военной делегации, Эрнандес – член делегации Кубы, Хорке – пресс секретарь кубинской делегации, В.И. Иванов – офицер ГТУ. Гавана 1969 год.

Во время командировки я приобрел много друзей на Кубе, с которыми до сих пор поддерживаю дружеские и теплые отношения. Куба прекрасная страна. Кубинцы очень веселый и гостеприимный народ. Уверен, что все кто побывает на Кубе любят ее на всю жизнь

У меня много друзей дома и за рубежом. Но самыми близкими по духу являются выпускники суворовских и нахимовских училищ, дети-сироты, дети войны, которых государство не забыло, разыскало, накормило, выучило и дало путевку в жизнь, за что мы его отблагодарили своим трудом и взаимной любовью.

ЕФРЕМОВ ВИКТОР КИРИЛЛОВИЧ (15.07.1938 г.)

Полковник В. К. Ефремов

Полковник в отставке. С 1971 по 1973 гг. был начальником внутренней охраны (официально — советский директор Межсоюзной тюрьмы главных военных преступников в Шпандау (Западный Берлин). Об этом периоде им написаны воспоминания «Жизнь с пауками в одной банке» (2011 г.), которые вышли трижды самостоятельным изданием.

Был начальником секретариата военно-штабного комитета Совета Безопасности ООН (1977 — 1980 гг.), служил на различных должностях в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР (1980 — 1987 гг.), в 1987 — 1992 гг. был военным, военно-воздушным и военно-морским атташе в Республике Бенин (Африка).

Родился в г. Ворошилов-Уссурийске Приморского края в семье военнослужащего. После окончания СВУ учился в Кавказском суворовско-офицерском училище в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). После его расформирования в 1958 г. был переведен в Ленинградское общевоинское командное училище, которое окончил в 1959 г., в 1966 г. — заочно Московский институт иностранных языков, а в 1976 г. — Военно-дипломатическую академию. Служил в Группе советских войск в Германии (1959–1965 гг.), в Белорусском военном округе (1965–1969 гг.), штабе Группы советских войск в Германии (1969–1971 гг.).

Награжден медалями СССР, Болгарии, ГДР.

Уволился из Вооруженных Сил СССР в 1992 г. по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Женат, вырастил детей, имеет 7 внуков.

Из воспоминаний Виктора Кирилловича Ефремова

Родился я на Дальнем Востоке в семье кадрового офицера-кавалериста тогда еще Рабоче-Крестьянской Армии. Это случилось спустя 5 лет после знакомства родителей в поезде Харьков — Владивосток, где группа студентов фельдшерского техникума и взвод выпускников Новочеркасского кавалерийского училища следовали к месту своего первого назначения. За две недели пути выпускники перепознако-

мились, в конце маршрута разъехались по гарнизонам Приморья и островов Охотского моря, многие потом пережились. В поселке Камень–Рыболов на озере Ханка семья прожила самый счастливый и короткий период своей жизни. После событий на озере Хасан и Ханка отец, заядлый вояка, стал подавать рапорты о переводе в европейскую часть Союза — поближе к новой войне и своей Родине — Украине. После многочисленных рапортов командованию отцу наконец-то удалось весной 1941 г. перевестись поближе к родной Украине в западно-белорусский город Ломжа (ныне территория Польши). За неделю до начала Великой Отечественной войны он со своим эскадром ушел на усиление погранотряда, и с тех пор мы его не видели. Отец же летом 1941 года навсегда остался в белорусской земле после оборонительных боев на Гомельщине.

В первый день войны семья эвакуировалась воинским эшелоном из Белостока. Но по пути во второй половине дня эшелон был разбит фашистской авиацией на железнодорожном перегоне в 20 км от Волковыска, т. е. три часа спустя от начала войны (Более подробно об этом факте см. ниже воспоминания В.И. Жигарева, который с мамой тоже оказался в этом эшелоне). Далее мой жизненный путь неоднократно пересекался с В.И. Жигаревым (Минское СВУ, Военно-дипломатическая академия, служба в Главном управлении Министерства обороны), но лишь после его смерти эта информация стала мне известна. В начале января 2009 года эта история о далеком прошлом получила неожиданное продолжение, когда Коля Кунц, Алеша Гулько, Жора Прокопчик и я встрети-

Участники той памятной встречи в январе 2009 г.
Слева направо: В.К. Ефремов, Г.В. Прокопчик, А.Я. Гулько

лись, чтобы поздравить друг друга с Новым годом и обменяться мнениями о наших воспоминаниях, которые мы собирались опубликовать. Мы помянули своих ушедших друзей и товарищей, в том числе и Валентина Иосифовича Жигарева (Полуянчика), чья история о злоключениях во время войны потрясла всех, кто о ней узнал. Вернувшись домой, я снова перелистал книгу Коли Кунца «Твои сыновья, училище», уже ставшую своего рода «Большой кадетской энциклопедией» минских суворовцев. В воспоминаниях В.И. Жигарева говорится, что добрые белорусские люди из соседней деревни нашли его с телом убитой матери под насыпью железной дороги у эшелона, уничтоженного гитлеровской авиацией 23 июня 1941 года у города Волковыска. Сопоставляя факты с рассказами моей покойной матери, я неожиданно понял, что речь идет о том же воинском эшелоне, в котором из Белостока эвакуировалась моя семья в первый день войны.

Вот таким невероятным образом прошедшая война снова напомнила о себе и о нашем суворовском братстве, во многом благодаря материалам, собранным воедино многолетним трудом нашего собрата Николая Кунца.

После того, как я с мамой и старшей меня на 4 года сестрой выбрались из-под обломков разбомбленного эшелона, мы пешком пошли далее на восток. Но успели добраться только до большой деревни Красное Молодечненской области (сейчас Минской), где нас приютила простая крестьянская семья. Однако среди местного населения нашлись людишки, которые донесли фашистам, что остановившаяся в деревне семья — семья командира. Мать с детьми вызвали в гестапо и посадили в бункер, где мы провели более месяца. Только утверждение мамы о том, что отец служил в кавалерийском полку ветеринаром, спасло семью от расправы. Много десятилетий спустя мама сказала: «Никогда не забывай, сынок, простые белорусские люди, крестьяне, спасли нашу семью от неминуемой гибели». Да, это надо помнить и рассказывать детям и внукам.

В начале 50-х годов в нашей большой деревне Красное

Полковник В.К. Ефремов в день 50-летия со дня своего выпуска вручает аттестат об окончании средней школы выпускникам Слонимского кадетского корпуса 10 июня 2006 г.

(тогда ее называли местечком), стали появляться ребята в непонятной черной суконной форме с алыми погонами, да еще и с генеральскими лампасами. За ними по улице всегда бежала толпа ребятишек. Мальчишки с восхищением и завистью смотрели на подтянутых маленьких солдат. Нам сказали, что это суворовцы. Тогда-то мне захотелось и самому быть таким же красивым.

Не забыть вступительных экзаменов в Минское суворовское военное училище в поселке Вилейка Молодечненской области (была в то время такая), где я познакомился с Володией, ныне Владимиром Михайловичем Лагутиным, профессором Военной академии Республики Беларусь, полковником (см. ниже).

Говорят, что судьба человека закладывается в раннем детстве. То ли под влиянием генов, как утверждает сейчас продвинутая педагогическая наука, то ли под воздействием среды, в которой ребенок воспитывался, как, преимущественно, считали в нашем, конечно, непросвещенном и уже далеком прошлом. Вот и гадаешь, каким образом сформировалась такая во всех смыслах замечательная личность и такой мудрый человек, как Володя Лагутин. Не хотелось бы прибегать к высокому «штилю», однако все, что хочется о нем сказать, поневоле получается в превосходной степени. Думаю, что и мои товарищи по суворовскому, и не только по суворовскому, согласятся с такой оценкой.

В школе города Сморгонь Володя учился хорошо. Вступительные экзамены сдал очень прилично, чего нельзя сказать обо мне. Моему отчаянию не было предела. Я забился в дальний угол коридора и предался безутешному горю. Володя Лагутин, с которым мы были едва знакомы, увидев эту картину, подошел, обнял меня, как брата, и стал убеждать, что не все еще потеряно и нужно надеяться. И действительно, произошло чудо — я поступил, и Володя, как всегда, оказался прав.

Поступление в Минское СВУ положило конец моей безотцовщине. Здесь вступили в свои права отцы-командиры, которым я обязан всем, что есть во мне хорошего.

Дальше последовала учеба в Кавказском суворовско-офицерском училище с горно-пехотным уклоном в городе Дзауджикау (г. Орджоникидзе). Многие выпускники суворовских училищ приехали на Кавказ из романтических побуждений — начинать службу как Лермонтов. Но в середине 60-х, после периодических обстрелов караульных постов со стороны Терека и участия училища в наведении, как сейчас говорят, конституционного порядка в Грозном, лирические мечтания курсантов уступили место интенсивной физической подготовке. Стольких мук, как на кроссах вокруг высоты Инженерная и при восхождении на горы Столовая и Мальчечкорт, мы не терпели никогда — ни до, ни после. Так началась взрослая жизнь.

В 1958 году часть нашей роты перевели в Ленинградское высшее общевойсковое командное училище, расположенное на улице Садовой в красивом дворце, творении архитектора Кваренги, как раз напротив Гостиного двора. Здесь мы имели удовольствие наблюдать из окон и сквозь решетку ограды, как великий советский комик С. Филиппов спешил по утрам в свою любимую рюмочную, благодаря ему ставшую знаменитой. Вскоре училище перевели в Петродворец, подальше от соблазнов Великого города, но поближе к его культуре и полигонам. А в здании, где мы ранее пребывали, осталось Ленинградское СВУ. В Петродворце, в перерывах между

классными и полевыми занятиями, мы знакомились с великолепием городов пушкинского времени.

В июле 1959 года нашу выпускную роту построили на плацу и подали команду: «Первый взвод — напра-во, в Германию шагом... марш». Так в Группе советских войск в Германии началась моя офицерская служба в должности командира взвода. Молодым офицерам тогда повезло — большинство наших командиров были фронтовиками, и с ними было не тяжело в учении и легко в жизни.

В ГДР я увлекся изучением немецкого языка (грех его не выучить в языковом окружении), поступил на заочное отделение Московского института иностранных языков им. М. Тореза и вскоре успешно его окончил.

В последующем была служба в Белорусском военном округе, затем снова ГСВГ. В 1971 г. здесь, в Вюнсдорфе, мне предложили должность начальника тюрьмы Шпандау для главных немецких военных преступников, учрежденную постановлением Международного военного трибунала. К тому времени здесь оставался единственный заключенный — Рудольф Гесс. Как известно, 10 ближайших соратников Гитлера были вздернуты на виселице, а семь других 18 июля 1947 года заключены в крепость Шпандау. Шесть его коллег-арестантов в 50 — 60-х годах были освобождены по истечении срока или досрочно по болезни.

С 1921 по 1941 год Гесс занимал должности заместителя Гитлера по нацистской партии, рейхс-министра без портфеля, члена рейхстага, члена совета министров по обороне, члена секретного кабинета, официального преемника Гитлера после Геринга, генерал-лейтенанта СС. Ему достался и неофициальный титул ближайшего друга и интимного наперсника фюрера.

Развод караула Межсоюзной тюрьмы главных военных преступников в Шпандау (Западный Берлин). Майор В.К. Ефремов — крайний справа

Международным военным трибуналом Гесс был признан виновным за участие в заговоре, преступлениях против мира и приговорен к пожизненному заключению. Этот мягкий для военного преступника такого ранга приговор был вынесен лишь благодаря позиции Великобритании, куда он прилетел 10 мая 1941 года, надеясь склонить руководство страны к вступлению в переговоры с Гитлером накануне вторжения в Советский Союз.

Начальники госпиталей союзников, осуществлявшие медицинское наблюдение за осужденными. В центре майор В.К. Ефремов, второй справа — полковник США Платов, потомок известного донского казака

В огромном здании тюрьмы, рассчитанном на 600 заключенных, где в пик ударной работы гестапо размещали несколько тысяч человек, к 1966 году из семи узников в Шпандау остался один Рудольф Гесс. Ранее, в начале 60-х, лейтенантом, мне пришлось, будучи в карауле, увидеть и других подельников заместителя фюрера, тянувших срок на этой киче. Этот объект особой важности (так было сказано в приказе) находился под коллегиальным управлением великих держав-победительниц — СССР, США, Великобритании и Франции, — с соответствующим контингентом внутренней и внешней охраны на паритетной основе. Предложение было неожиданным и необычным, но я его принял, о чем не сожалею, ведь тем самым я прикоснулся к Великой Победе, завоеванной старшим поколением и моим отцом.

Мое увлечение иностранными языками стало для командования решающим аргументом в заочном соревновании кандидатов на эту самую экзотическую в Советской Армии должность.

Содержание Гесса обходилось Сенату Западного Берлина (но не союзникам по антигитлеровской коалиции) более 600 тысяч марок ежегодно.

Простые люди, в том числе немцы, часто задавали мне вопрос: зачем содержать дорогостоящего и злостного нациста, если дешевле его каким-то образом прикончить, за что сказали бы спасибо миллионы людей. На этот вопрос существовал очевидный ответ: чем дольше сидит взаперти этот живой символ фашизма, тем лучше. Как напоминание о возмездии. Кроме того, тюрьма, расположенная в пределах Западного Берлина, представляла собой дипломатическую точку опоры для советской стороны — в период кризиса можно было бы ввести на территорию этого анклава западных держав необходимое количество войск под предлогом обеспечения охраны объекта.

Гесс всегда отказывался подписать прошение о помиловании, что, по его мнению, означало бы просить о милосердии. За 46 лет пребывания в тюрьмах (в один «присест»), сначала в Великобритании, затем в Нюрнберге и Шпандау, он ни разу не выразил ни малейшего сожаления о содеянном и желания оказаться на свободе. Это подтверждают все, соприкасавшиеся с Гессом много лет подряд.

Вот фрагмент записи моего разговора с Гессом 9 марта 1972 года в камере заключенного № 7 Гесса:

Директор тюрьмы:

— Что Вы думаете сейчас о своей прежней государственной деятельности?

Гесс: — Сегодня я думаю о ней точно так же, как и тогда, в момент деятельности.

Д: — Даже зная, к чему это привело Германию?

Г: — Так, к сожалению, получилось.

Д: — А Ваша расовая политика, концлагеря?

Г: — При мне этого не было, все осложнения произошли уже после моего отлета в Англию.

Д. — Как же так, концлагеря существовали уже в 1933 году.

Г. — Они были и есть и в других странах и у победивших союзников тоже, а у нас тогда развелось много людей, мешавших нормальной работе государства. Что касается расовой политики, то в этом мы были абсолютно правы, что подтверждают расовые беспорядки в США. Мы не хотели, чтобы нечто подобное имело место в Германии. Смешение крови немцев и евреев, представителей другой расы, мы не могли позволить. Наша политика была единственно правильной, и этих взглядов я придерживаюсь и поныне.

С течением времени мир почти забыл «вечного» узника и все, связанное с его делом.

Ажиотаж в прессе вокруг его имени обычно возникал в годовщину его полета в Великобританию. Для берлинских журналистов это была «дежурная сенсация», особенно когда поклонники заместителя фюрера бузили вокруг тюрьмы.

Периодическое внимание прессы к Гессу было для нас хорошей пиаровской акцией и напоминанием миру, что фашизм все еще сидит в тюрьме.

Последний всплеск внимания к этой теме случился в связи с драматической смертью Гесса в 1987 году. Этот интерес сохранился и до наших дней благодаря тайнам, которыми окружено его имя, загадочной смерти и неординарности его жизни и поступков, Гесс остался верен себе — даже его смерть была скандальной и вызвала массу споров и спекуляций.

Покончил ли он жизнь самоубийством или был задушен? Тогда кем, как и, главное, зачем?

Версия о том, что он был повешен, звучит правдоподобно, если принять во внимание заинтересованность англичан в молчании Гесса после его вероятного освобождения. Горбачев в своем освободительном раже был, вероятно, готов на этот шаг в связи с предстоящим выводом советских войск из Германии. Но способен ли был Гесс раскрыть тайну своей миссии в Великобритании и предать своих благодетелей-англичан, десятилетиями добивавшихся его освобождения?

Политическая целесообразность поддержки нашими СМИ версии убийства вполне очевидна, но у меня лично версия насильственной смерти заместителя фюрера в духе Агаты Кристи или современных киновоевиков вызывает большое сомнение.

Не будем забывать, что англичане в течение 46 лет пребывания Гесса в тюрьмах в Англии и Германии имели возможность, при желании, тысячи раз сделать это более элегантным способом.

Хорошо зная Гесса и многие тайны «берлинского двора», где он закончил свой жизненный путь, полагаю, что друг Гитлера ушел из жизни по собственной воле. Гесс устал жить. Ему просто н а д о е л о жить и, будучи эксцентриком, он нашел свойственный его характеру экстравагантный способ поставить последнюю точку.

Закономерный и красивый конец для обнатуренных и распальцованных паханов всех времен и народов, возмнивших себя вершителями судеб мира.

В последующем были три года учебы в Военно-дипломатической академии, три года командировки в Нью-Йорк и работа в должности начальника секретариата Военно-штабного комитета Совета Безопасности ООН, возвращение в Москву и работа в Управлении внешних сношений Министерства обороны СССР, годы работы в ГРУ Генерального штаба. Затем был назначен военным, военно-воздушным и военно-морским атташе в Республике Бенин и близлежащих странах Африки.

Через 5 лет, в 1992 году, вернулся на Родину и в совершенно другую страну. Был незамедлительно отправлен в запас вместе с другими десятками тысяч старших офицеров и генералов. Наступили годы ступора и безнадёги — зачем и кому я так долго служил? Вскоре я раскаялся за этот период малодушия.

Через несколько лет я подался в люди (так мне казалось) и стал работать в Госдуме начальником международного отдела фракции. Здесь поспорил, да еще на кулаках, с ее известным руководителем, чем до сих пор горжусь.

Год с лишним осваивал профессию грузового шофера с целью узнать новых людей и знать Москву не только из метро. В конце века с группой друзей-энтузиастов Африки уехал в прекрасную Намибию, где учил молодых людей и девушек «тому, что необходимо на войне», да и в мирной жизни может пригодиться. До сих пор мне снятся пытливые карие глаза моих учеников.

Побывал в беднейшей стране мира и одной из самых великих алмазодобывающих стран — Сьерра-Леоне, где со всей ясностью понял, что ожидает Россию спустя годы колониальной зависимости...

Сейчас живу на подмосковной даче. Жизнь продолжается.

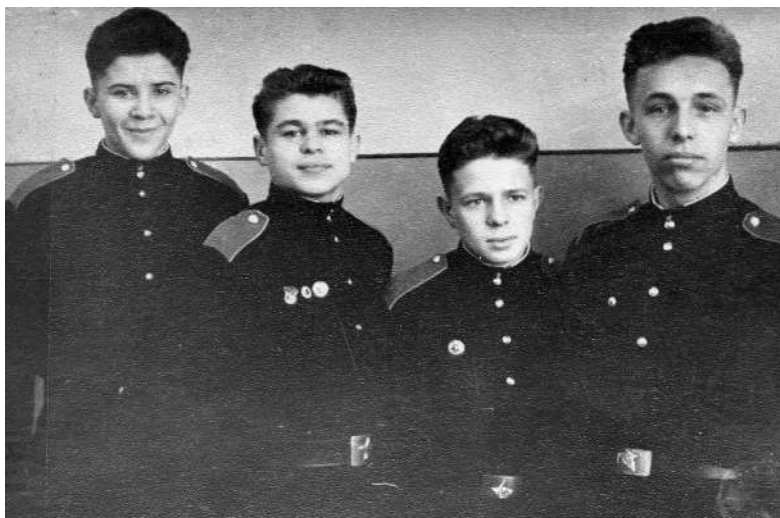
ЖИГАРЕВ ВАЛЕНТИН ИОСИФОВИЧ
(ПОЛУЯНЧИК ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ)
(1.03.1941 — октябрь 2008 гг.)

Полковник В. Жигарев

Полковник. В период обучения в СВУ в 1953-1959 гг. был известен как популярный легкоатлет Валерий Полуянчик.

Окончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище (1962 г.), Военно-дипломатическую академию (1973 г.), Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (1983 г.). По роду своей служебной деятельности продолжительное время пребывал в заграничных командировках (Афганистан, ГДР, ФРГ, Пакистан, Иран) и руководил различными коллективами сотрудников. С декабря 1979 г. по июль 1981 г. в должности начальника отдела штаба Туркестанского военного округа отвечал за ведение агентурной разведки во время ввода войск и ведения боевых действий в Афганистане. В 1985-1990 гг.

1958 г. Добрые и верные друзья. Справа налево: Г. Андреюк, В. Литвинов — будущий генерал, начальник штаба корпуса, В. Жигарев (Полуянчик), Ю. Сарин

был начальником Советской военной миссии связи при Главнокомандующем французскими войсками в Германии. Закончил службу в штабе Ленинградского военного округа в 1992 г.

Из воспоминаний Жигарева Валентина Иосифовича

Суворовец В. Полуянчик

«Мое детство, как и всех детей, рожденных в грозном 1941 году, проходило под грохот артиллерийских канонад и свист авиационных бомб. Крещение войной я получил уже в возрасте трех месяцев от роду в первый день Великой Отечественной войны. Спешно собранный эшелон из семи вагонов с семьями военнослужащих пулемотно-артиллерийского полка, дислоцировавшегося в Белостоке, во второй половине дня был разбит фашистской авиацией на железнодорожном перегоне в 20 км от Волковыска, т. е. три часа спустя от начала войны. По рассказам очевидцев, от этого эшелона остались только искореженные вагоны и десятки раненых и убитых. Моей матери, видно, было не суждено выжить в этой войне. Меня подобрала белорусская семья в 350 метрах от железной дороги, во ржи, обгоревшего и полуживого, 23 июня, т. е. спустя сутки после того, как был разбит этот эшелон. Девочка, ко-

торая меня подобрала, из-за страха не взяла ни документы, ни письма, которые валялись у раскрытой материнской сумочки. Вот поэтому я оказался одним из тех младенцев войны, у кого до сего дня в метрике, кроме фамилии и имени, во всех графах только прочерки. Приемные родители определили мой возраст в то время порядка 3 — 4 месяца. Впоследствии, восстановив свою родословную, в память о родителях я принял свое первоначальное имя и фамилию родителей.

До 1953 г. я воспитывался у этих добрых людей, которым я обязан своей жизнью. В этот же год под впечатлением прочитанной книги «Алые погоны» поступил в Минское суворовское военное училище. Годы, проведенные в СВУ, дали закалку на всю жизнь: и учеба, и занятия спортом — это был тот фундамент, который мне помог в дальнейшем пройти суровую школу воинской службы на полигонах Закавказья, Туркестанского военного округа и в боевых условиях Афганистана».

*Из книги Кунц Н. З. Твои сыновья, училище:
Выпускники Минского СВУ на службе Отечеству. –
ООО «Печатный двор на Алексеевской. –
2007. – С. 125 - 126*

*Прощальный визит В. И. Жигарева (второй слева)
в штаб французских войск. Обмен сувенирами с Главнокомандующим
французских войск в Германии генералом Шизареном. Октябрь 1989 г.*

*Начальник советской военной миссии связи
при Главнокомандующем французскими войсками в Германии полковник В.И. Жигарев
с супругой Галиной Вацлавовной ведет официальный прием французских представителей.
Г. Баден-Баден, 1989 г.*

ЗАЙЦЕВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ (19.09.1941 г.)

Майор К.И. Зайцев

Майор в отставке, заведующий лабораторией Балтийского государственного технического университета (г. Санкт-Петербург). Окончил Калининградское военное инженерное училище в 1963 г., Военный институт физической культуры и спорта в 1969 г. С женой Софьей Ивановной вырастили сына Алексея 1971 г.р.

Из воспоминаний

Константина Ивановича Зайцева

(в записи выпускника 4-го выпуска Минского суворовского военного училища И. Корабликова)

Костя Зайцев – мой одноклассник, типичный представитель детей войны. Родился в сентябре 1941 года в оккупированной деревне Новоселицы близ города Новгорода. Костиному отцу не довелось увидеть сына, он погиб под Кенигсбергом в самом конце войны, а через год умерла мать. Дальше его воспитывала бабушка, Зверева Анастасия Тимофеевна. Они остались вдвоем.

Деревня Новоселицы расположена на сотом километре от Ленинграда, а на 101-й километр в то время высылали всех неблагонадежных и уголовников. Эти «кадры» были первыми учителями беспризорных детей и безотцовщины, пацаны тянулись к ним, блатные были их кумирами. Малолетние малыши с большим интересом слушали их, запоминали песни, басни, байки, исходившие из этой среды. Туда же отправляли инвалидов, в то время на улицах было много искалеченных войной людей: без ног, рук. Они, как могли, зарабатывали, исполняя песни военных лет. Многие из них рассказывали о своих подвигах на войне. Учился Костя в сельской школе, бабушка не могла контролировать его, нужно было кормить внука, он был свободен и пользовался этим.

Однако для Кости вольготная жизнь кончилась в 11 лет, В 1953 году бабушке невероятным путем удалось добиться путевки в Минское суворовское военное училище. Для Кости все изменилось кардинально, как вспоминает он в своем стихотворении «Хандра»:

Я мог стать грозным уркаганом,
«Авторитетом», «паханом»
Затем погоны мне надели
И юность черным подпоясали ремнем.

Суворовец
К. Зайцев. 1953 г.

Случилось чудо — Костя поступил в суворовское училище. Но это было только начало «большого пути». Вольготная жизнь не прошла даром. Уличное воспитание и вольготная жизнь отпечатались в его характере надолго. Костя не мог смириться со строгими требованиями офицера-воспитателя и постоянно вступал в пререкания с ним, за что получал наряды вне очереди. Сколько километров паркета было натерто им! Трудно подсчитать.

Костя обладал хорошим слухом, и его любимым другом стала гитара. Он быстро овладел ею и все свободное время наигрывал мелодии и напевал песни. Вокруг него собирались, как правило, такие же ребята, потому что большинство песен Константиного репертуара были блатные.

Однажды Костя, по давней своей привычке делать все назло офицеру-воспитателю, уселся на кровать в спальном помещении (а садится на заправленную кровать было грубым нарушением и строго наказывалось) и стал на гитаре наигрывать мелодию «гоп со смыком»... и вдруг заметил, что за ним наблюдает майор Леонид Владимирович Гаврукович — офицер-воспитатель. Костя вскочил, опустил гитару, ожидая очередного наряда вне очереди, но Л. В. Гаврукович неожиданно попросил гитару, сел на стул и заиграл ту же мелодию, но так виртуозно, чего Костя не ждал. После этого случая Костя простил Л. В. Гавруковичу все наряды вне очереди и стал беспрекословно подчиняться ему.

К слову сказать, воспитывали нас высокочеловеческие педагоги, но больше всего повезло нам, «гаврикам» из взвода капитана, а в последующем полковника Гавруковича Леонида Владимировича. Он дневал и ночевал с нами. Партизан, после освобождения Минска он окончил танковое училище, затем Военно-педагогический институт, где готовили офицеров-воспитателей. В Минское суворовское военное училище прибыл из Казанского, как лучший воспитатель. Мы счастливы, что судьба дала нам такого воспитателя. К сожалению, его уже нет среди нас — вечная ему память в наших сердцах.

Суворовец
К. Зайцев. 1960 г.

В 1960 году Костя успешно окончил Минское суворовское военное училище, как он говорит, получил «элитное» среднее образование, поступил в Калининское военно-инженерное училище, затем окончил Ленинградский военный институт физкультуры и спорта, служил начальником физической подготовки и спорта в авиационных частях.

Всю жизнь Костя не расстается с гитарой, он наш бард, и сейчас он исполняет свои песни и записывает их на диски. Большая часть его стихов и песен посвящена суворовским годам.

Константин Иванович — пенсионер, живет в Санкт-Петербурге, продолжает писать стихи и песни. Привожу одно из его стихотворений, посвященное суворовцам-кадетам и нашему юбилею 4-го выпуска 1960 года Минского суворовского военного училища.

1953 г. 4-е учебное отделение офицера-воспитателя Л.В. Гавруковича (в центре). Суворовцами преподаватели и воспитатели (слева направо): преподаватель английского языка капитан К.Р. Оперенко, командир роты подполковник М.И. Корнеев, преподаватель биологии Н.М. Ахремчик, преподаватель русского языка капитан А.П. Воняришенко, преподаватель истории подполковник В.А. Хариновский

Виват кадет!

Виват кадет! Виват!
Ты поднимай бокал
За то, что ты мне — брат,
За все, что испытал...

За наш святой союз,
За встречу, за успех,
За Минск, за Беларусь,
За каждого, за всех...

За наше СВУ,
За роту и за взвод,
За 60 в строю,
За кашу, за компот.

И за тех, кого нет,
И за тех, кто в строю,
Выпьем, брат мой кадет,
Вспомним юность свою.

Вспомним первый звонок,
Вольных птиц за окном,
Вспомним классный урок:
Одночлен и бином...

Вспомним первый парад,
Тренировки, муштру.
Вспомним первый наряд
И слезу на «ветру»...

Вспомним баню, чердак,
Самоволку, подъем,
«Шагом марш!», «Шире шаг!»,
Шаг на месте, «Бегом...»

Лыжный кросс, рыбий жир,
В ночь натирку полов,
Тряпку, швабру, сортир
И «промывку» мозгов.

Утекала вода,
Организм «созревал».
Чтобы страсти унять,
Предлагался нам бал.

Танцы-шманцы, оркестр,
Дамы, блеск, суета...
Нужен был «Глазомер,
Натиск и Быстрота».

Романтизм этих дней
Не забыть никогда,
Чарки полны налей, —
«Bruderschaft», господа

Вспомним бремя погон,
Вспомним лагерный пот,
И команду «Огонь!»,
И «В атаку — вперед!»

Был исходный рубеж,
Был рубеж огневой...
Много их — рубежей —
Мы познали с тобой.

Двухметровый забор,
У забора — патруль,
За забором — простор,
Но туда нам — ТАБУ.

Запрещалось курить
И на крышу влезать,
А «свободу любить»
Было просто нельзя.

И, конечно, нельзя
Сунуть руки в карман,
За тобою — глаза
И сержант, как капкан

Было столько «нельзя»,
Что слов нет рассказать,
И за это, друзья,
Нам не выпить нельзя.

А еще нам нельзя
Не склонить низко лба
Тем кому мы, дерзя,
Стали «Крест и судьба».

Тем, кто жизни учил,
Мыл, стирал, одевал,
Кто в недуг нас лечил,
Кто столы накрывал.

Кто вел за руку нас,
Помогая в пути,
Не давая упасть,
Заставляя расти...

За Учителя пьем,
Что нам мир открывал,
За Обслужу нальем
И за Медперсонал.

Хоть повесил мундир,
Но всегда на посту
Наш Отец-командир,
Наш наставник, пестун.

Самый первый из нас,
Он стоит выше всех.
За него в этот час
И упиться не грех...

Наша школа — наш храм,
И обитель, и культ
Дружбы, братства, добра,
А в напасти — приют.

Для славян, для чухры,
Для грузин и армян...
Для безродных страны,
Для тебя, для меня...

Здесь впитали мы в кровь:
Не сробеть, не предать,
Песни петь про любовь.
Про кадетскую мать...

Мы теперь, как один,
Встанем в слаженный строй
В пору трудных годин
Друг за друга — горой.

За родимую Русь
Будем насмерть стоять,
За тебя Беларусь,
«Не щадя живота...»

Пролетели года...
Я уж лыс, ты уж сед,
Но, гордясь, мы всегда
Носим званье «кадет».

Сдвинем чаши, родня,
Пусть бокалы звенят...
Пей до дна! Пей до дна!
И виват, брат! Виват!

Г.И. Гуцевич (слева) и К.И.Зайцев. 2013 г.

ИЗМАЙЛОВ

ГРИГОРИЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ

(20.03.1941 г.)

Г. Л. Измайлов. 1973 г.

Родился в г. Луцке Волынской области (Украинская ССР) 20 марта 1941 г. в семье старшего лейтенанта Красной Армии и уполномоченного УНКВД, прибывших в 1939 г. в Западную Украину в составе Красной Армии. В Минском СВУ учился 8 лет (1953–1961 гг.). Окончил Одесское высшее общевойсковое командное училище (1964 г.). Службу проходил на командных должностях в войсках ДВО (1964–1971 гг.). Уволен из ВС в связи с полученным в процессе боевой учебы ранением. Капитан в отставке.

В 1973 г. окончил Южно-Сахалинский педагогический институт. По образованию — педагог и правовед. После увольнения в запас работал первым помощником флагманского капитана Сахалинского управления морского рыболовного и зверобойного флота и Сахалинского морского пароходства (1971–1973 гг.). Был заместителем начальника управления механизации треста «Сахалинсельстрой» (1973–1976 гг.), заместителем генерального директора по коммерческой и финансовой части Одесского областного объединения «Вторчермет» Министерства черной металлургии СССР (1976–1979 гг.). Работал помощником заместителя министра черной металлургии СССР (1979–1985 гг.), заместителем руководителя советских специалистов по кадрам и быту Аннабинского металлургического комбината в Алжире (1986–1988 гг.), заместителем директора по кадрам и внешним связям (1988–1990 гг.). С 1990 г. был директором Тушинского районного торгового объединения «Продтовары» г. Москвы, президентом малого предприятия «Росинтертрейд» (1991–1992 гг.), директором торгового предприятия ТОО «Валента» (1992–1997 гг.), управляющим делами Конгресса Российской интеллигенции (1997–1998 гг.), председателем Совета директоров ООО «Валента» (1998–1999 гг.). Был в командировках в Японии, Алжире, Англии, Польше, Арабских Эмиратах, Чехии, Словакии, Венгрии. В течение 3 лет исполнял обязанности директора Московского суворовско-нахимовского содружества (1999–2002 гг.).

Из воспоминаний Григория Леонтьевича Измайлова

Незнакомая мама Фатима

Летом 1940 г. к дому Зинковских по ул. Хмельная, 40 г. Луцка подъехал военный автомобиль, из него вышли двое: мужчина в военной форме и женщина в штат-

ском, и вошли в дом. Видно было, что их ждали: вещи были уложены, и на выходе стояли женщины лет пятидесяти, двое молодых людей и юная девушка. Поздоровались, военный предъявил ордер на выселение, женщина ответила по-русски, что они уже готовы.

Вошедшая женщина обратилась к мужчине: «Можете быть свободны», и тот ушел. Женщина в штатском представилась: «Фатима Измайлова, буду у вас жить, если не возражаете, и платить за проживание!» «Нет-нет — ответила хозяйка — мы уходим». «Ни в коем случае; хорошо, что вы говорите по-русски. Никуда не нужно уходить — это ваш дом», — сказала представившаяся Измайлова. Добавила, что работает в горисполкоме, постоянно занята и будет возвращаться поздно, так что ей никто не помешает. Хозяйка сказала, что по-русски она и дети говорят, потому что она русская, но их все равно выселят и увезут в Сибирь, потому что муж Стефан Зинковский осужден на 8 лет за службу в полиции. «Никто вас не выселит, и тем более в Сибирь не увезет», — уверенно ответила Фатима. Это и была моя будущая мама, так она и начала жить в этом доме. Отношения складывались теплые, сотрудница «исполкома» редко появлялась дома, ее всегда встречали накрытым столом и прибранной комнатой.

Вскоре Фатима пришла с высоким статным командиром с пистолетом на ремне. Представила: «Мой муж Леня». Командир нечасто бывал в доме, в основном по выходным, потому что служил в отдаленном гарнизоне. Домочадцы очень его боялись, старались не попадаться ему на глаза. Однажды Леня не выдержал: «Меня не надо бояться, жену следует бояться, я сам ее «боюсь». Об этом эпизоде в далеком будущем 1989 г. в Англии мне рассказала уже не юная дочь хозяйки Елена Стефановна (Леля).

Что интересно, фамилию, имя, отчество моей будущей мамы хозяева знали, потому что она была записана в домовое хозяйство, а будущему папе не положено было прописываться. Спросить — ни у кого язык не поворачивался.

20 марта 1941 г. я родился, очень скоро меня поместили в ясли, и так же быстро Леля заявила, что не потерпит, чтобы Рысик (Гриша), то есть я, плакал в яслях, она сама будет за ним ухаживать и с удовольствием возиться. Родители легко согласились. Леля носилась со мной по всему городу и гордо заявляла, что Рысик — ее сыночек: кто-то верил, но большинство смеялось. Все жили дружно.

22 июня 1941 г. оба родителя бесследно исчезли, и я, трехмесячный, оказался в семье сосланного в Сибирь польского офицера полиции, жена которого Алексан-

Первый помощник флагманского капитана Г. Л. Измайлов. 1971 г.

дра Родионовна Зинковская (Переpletчикова) была этнически русской. Проживала с двумя сыновьями и дочерью в доме арестованного мужа.

Уже в июле по доносу соседей в дом пришел немец в сопровождении шуцмана и потребовал предъявить ребенка советских офицеров, на что Александра Родионовна ответила, что ребенок никакой не советский, а сын ее несовершеннолетней дочери, неизвестно от кого (к позору семьи). А где сейчас непутевая дочь с внуком, ей неизвестно.

Немец приказал, чтобы дочь, как только появится, вместе с сыном прибыла в гестапо.

А дочь в это время (и я при ней) скрывались в Виннице у родной сестры Александры Родионовны, о которой никто в Луцке не знал.

Тем не менее, жизнь моя и моей приемной семьи сложилась бы печально, если бы не друг семьи — начальник местной полиции некий Поварчук, с сыном которого я впоследствии дружил. Он убедил немцев, что Рысик, то есть я, никак не может быть сыном «проклятых» большевиков из-за того, что семья изо дня на день ждала высылки после ареста главы семьи. Кстати, этот начальник полиции в 1946 г. прибыл из Польши к родителям и жене с сыном, так как оказался майором госбезопасности ПНР, интересовался, жив ли я и причастные...

А я рос в любви и заботе, не зная, что вокруг чужие люди. Александру Родионовну я называл бабушкой, а ее дочь Лелю — мамой, чем она гордилась, хотя все

знакомые смеялись явно или скрытно. Моя внешность поражала всех: черная кудрявая голова — ни на кого из близких не похож. Какой такой сын?!

20 октября 1941 г. меня крестили в православном соборе; в 1952 — 1953 гг. я буду «работать» там прислужником у отца Григория.

Мне всегда представлялось, что я себя помню с 3 лет, потому что некоторые события я будто бы вижу... Мне рассказывали, что при звуках музыки я сразу же начинал танцевать, поэтому люди склонялись к тому, что я цыган.

Как-то меня позвали к себе соседские девушки, у которых развлекались французы. Музыка лилась, и я, как водится, тут же растанцевался, чем всех развеселил, что им и требовалось, за что получил много сладостей. А затем француз дал мне лизнуть ложечку с ликером, и я еще больше «разошелся», а затем упал «замертво». Меня отнесли к бабушке, извинились, оставили много конфет, консервов и т.д. Так что я «пить» на-

Упражнение Г. Измайлова
игре на трехрядке. 1949 г.

чал с 3 лет, но пристрастия к алкоголю так никогда и не испытывал, тут же скажу, что никогда не курил — для меня это страшное «преступление».

Помню, что у нас в доме (в погребе) жил очень высокий дядя и любил со мной играть поздно вечером. Временами в погребе жили еще какие-то дяди, но не такие высокие. После войны мне стало известно, что высокий — это довоенный прокурор области, а другие — бежавшие военнопленные. В 1945-1947 гг. четверо из них, в том числе прокурор, навещали нас с подарками, чему я был несказанно рад.

Когда мне исполнилось пять лет, бабушка, которую я сам называл мамой, после того, как Леля с братьями куда-то уехали (это другая большая и неправдоподобная история) рассказала мне, что она и Леля не родные мне мамы. И у меня были родные папа и мама, но они погибли на войне. Честно, я не совсем понял, как это у меня столько мам и папа еще появился, но на всякий случай решил, что когда вырасту, стану офицером и отомщу немцам.

А пока я рос и воспринимал жизнь так, как она складывалась: иногда было страшиновато: еще при немцах и это продолжалось и при наших: вокруг Луцка по ночам пылали пожары — это горели польские села стараниями украинцев-бандеровцев. Уже после 1945 г. по городу ходили ястребки-комсомольцы в штатском, но с винтовками или автоматами с лентами патронов через плечо. Они охраняли села, было много разговоров вокруг.

Тяжелые воспоминания связаны с отношением ко мне некоторых соседей и совсем незнакомых взрослых людей: «Байстрюк» (подкидыш), а еще хуже — «Жид-юда», но реже. Меня постоянно мучил вопрос: кто же я на самом деле?

Из-за моей внешности мне часто доставалось от мальчишек: ходил с «фонарями», но не жаловался, не хотел расстраивать маму. В свою очередь, я тоже дрался. Были у меня и друзья, из них я создал боевой отряд, которым и командовал: стало легче.

Однажды в 1948 г. на базаре, где моя мама торговала фруктами из сада, мною заинтересовалась какая-то

С приемной мамой
Александрой Родионовной. 1948 г.

Суворовец
Г. Измайлов. 1953 г.

Курсант
Одесского ВОКУ
Г. Измайлов. 1961 г.

видная дама и сказала, что я очень похож на ее подругу Фатиму, с которой они служили. Александра Родионовна все рассказала обо мне.

В результате в июне 1949 г. в нашем дворе, в огороде возникла очень красивая (как утверждали многие очевидцы) молодая женщина в военной форме. Александра Родионовна сразу же ее узнала: «Фатима, где же ты была все эти годы?» И начались обнимания и слезы...

Мне объявили, что это и есть моя мама. Я отреагировал: «Я же искусственник — козье молоко пил!» Словом, не признал и называл красивую тетю тетей Фатимой.

Все же я «выкрал» паспорт объявившейся мамы и вычитал — персиянка. С этим паспортом я оббежал всех соседей и с гордостью предъявил паспорт: выяснилось, что я не какой-то «сербянин», цыган или жид, а стало быть — перс! Реабилитирован, хотя никто не знал, а что это — перс?! «Во всяком случае, персиянки — красивые женщины, а это меняет дело».

Маму я так и не признал и отказался ехать с нею в Одессу, где она родилась от эмигранта из Персии (ныне Ирана) и девушки Марфы из Николаева — это тоже долгая и непростая история.

В августе 1953 г. по моему настоянию (на самом деле Александра Родионовна уже не могла меня содержать) после приемной комиссии облвоенкомата Александра Родионовна отвезла меня в Минск, в СВУ. Там я «блестяще» сдал экзамены: две «1» и две «2», и был зачислен после 5-ти классов в 1-й класс (4-й) 5-й роты 1-го взвода Минского суворовского военного училища. Вполне серьезно полагал, как и мои товарищи, что принял военную присягу в строю на площади перед театром оперы и балета.

Началась совсем другая жизнь, как ни странно, учился я, в основном, на «5». Меня все же научили русскому языку, ибо я говорил на украинско-польско-русском языке, чем всех смешил, особенно, к горести, покойного Сережу Петрова, моего товарища по учебе.

В 1959 г. умерла моя настоящая мама, вырастившая и воспитавшая меня, — Александра Родионовна Зинковская (Переплетчикова), и я не успел проявить настоящую

Подполковник М.М. Волочко. 1970 г.

сыновью любовь, преданность и благодарность за спасенную жизнь. Несправедливостей в жизни человечества больше, чем наоборот.

Наконец-то я признал Измайлову Фатиму Мамедовну. Я ее ценил и уважал, главным образом, за то, что она служила и воевала в отдельном батальоне НКВД особого назначения. Всю жизнь я ее под держивал, а последние 10 лет она жила со мной. Для того, чтобы оформить ей российское гражданство, надо было

Г. И. Измайлов (справа) и А. Клопов в день 80-летия со дня рождения своего офицера-воспитателя, Почетного солдата Вооруженных Сил Республики Беларусь, полковника А. Г. Саламатова. 2003 г.

предъявить свидетельство о рождении, где можно было увидеть, кто же мои родители, в частности мать». Такового не было ни у кого.

Я добыл свидетельство — целая детективная история. Приехал в Луцк. Конечно, в Загсе обо мне никто ничего и не слышал. Вспомнил я свои «связи» в соборе. Даже не верится — там меня признали: нашли церковную метрику от 20.10.1941 г., где указаны были:

— мать — Измайлова Фатима Мамедовна;

— отец — Рябинин Леонтий Петрович.

Национальность — сербиянин.

Видимо, писали эту метрику со слов моих спасителей.

Ну, а Луцкий Загс выдал на основании церковного документа приличное Свидетельство. Написал я об этом коротко, но в действии это было долго и с приключениями. Российское гражданство маме выдали, но, по-моему, она так ничего и не поняла.

Дорогие мои суворовцы-братья, в заключение я хочу сказать, что Минское суворовское военное училище для меня — самое дорогое, после приемной мамы, что было в жизни. Без него, скорее всего, и меня бы не было. Для меня покойный Михаил Мартынович Волочко — настоящий отец. Рано ушел из жизни — еще одна несправедливость!

Его преемник, Саламатов Анатолий Георгиевич, слава богу, живет к моей и нашей радости. Какие это люди! Они и их товарищи по службе в МНСВУ — чистые и добрые, они не просто выполняли свои обязанности, они нас любили, многим, как мне, заменили отцов. Очень хочется, чтобы в будущих поколениях нашлись люди, похожие на них.

И еще хочу сказать, что мое поколение суворовцев любит нашу прошлую советскую власть, пусть жесткую и бескомпромиссную, но бережно сохранявшую детей нашей ушедшей Родины.

КАРПИШИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (21.02.1939 г.)

Подполковник Н. Карпишин

*Кавалер ордена
Красной Звезды лейтенант
Н. Карпишин. 1962 г.*

Родился в 1939 году в городе Могилеве. Два года (1956–1958 гг.) учился в Кавказском Краснознаменном суворовском офицерском училище, а потом (1958–1959 гг.) – в Ленинградском дважды Краснознаменном высшем общевойсковом командном училище.

Лейтенант Карпишин начал офицерскую службу в Ленинградском военном округе вначале на должности командира стрелкового, а затем учебного стрелкового взвода. За успехи в боевой и политической подготовке в 1962 году он был награжден орденом Красной Звезды (первым среди выпускников Минского СВУ). В 1963–1969 г. учился в Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. Службу проходил на Северном флоте в должностях начальника медсанчасти береговой базы, начальника исследовательского отделения спецполиклиники, начальника 122 поликлиники Северного флота.

После увольнения в запас работал методистом Республиканского методического кабинета Минздрава БССР, директором Минского медицинского училища последипломного образования Минздрава Республики Беларусь, преподавателем этого училища.

Из воспоминаний Николая Михайловича Карпишина

Родился я в г. Могилеве (21.02.1939г), но Свидетельство о рождении выписано в селе Милятино Восточского района Смоленской области. О своем месте рождения я узнал после увольнения в запас, находясь уже в г. Минске.

Когда началась война, мне было 2 года и 4 месяца. Ребенок может помнить события в основном с четырех лет, некоторые эпизоды жизни могут всплыть в памяти и из более раннего периода или из разговоров старших.

Моя мама, Волкова Евгения Михайловна, родилась 11.12.1912 г. в деревне Вендорож Могилевской губернии в семье священника. Мой папа, Карпишин Михаил Карпович, родился 04.02.1901 г. в г. Жмеринка Подольской (Винницкой) губернии.

29.06.1941 г. папа ушел на войну. В отличие от своего старшего брата, папу я не помню, но мама говорила, что он был ласков и любил нас. За сентябрь 1941 года мама еще что-то получала по денежному аттестату папы, а потом как она писала «пришлось пережить страх, голод, холод, гонения, тем более что мы — семья офицера Красной армии».

Во время бомбежки в мае 1942 года мама была ранена в ногу и руку, а ее сестра Люба — убита. С нами остались ее два сына, Рудольф 1935 г.р. и Михаил 1931 г.р. Маме пришлось работать у крестьян по найму.

Помню, что при бомбежках мы прятались с младшим братом под столом, а может, про это рассказывали мои старшие братья, родной и двоюродные. А вот после войны, уже в Могилеве, я частенько сживал под столом. Может быть, это были отголоски чего-то, от чего надо было спрятаться. В феврале 1943 г. нас угнали в рабство, и мы оказались в Рославльском концлагере. Что представлял собой Рославльский концлагерь, можно понять из архивной справки Государственного архива Смоленской области, в которой приводится заключение Рославльской городской комиссии от 12 апреля 1944 года о зверствах, совершенных оккупантами за период оккупации города с 3 августа 1941 года по 24 сентября 1943 года:

«Концентрационный лагерь №130 был организован фашистами в сентябре 1941 года на юго-западной окраине города Рославля, в районе Варшавского шоссе, и стал известен среди местного населения как «лагерь смерти». На территории концлагеря площадью два квадратных километра располагались два двухэтажных здания и один барак. В ноябре 1941 года в лагере находилось 54 000 заключенных советских военнопленных и мирных жителей. В основном в лагере были жители Рославля, Рославского района и Смоленского и Орловской областей. 5600 заключенных находилось в зданиях, а — остальные под открытым небом, даже зимой. Вследствие нечеловеческих условий смертность в лагере достигала 700 человек в день. Питание узников состояло из 100 граммов хлеба с примесью древесной муки и консервной банки теплой воды, размешанной с гнилой ржаной мукой. Среди заключенных в начале декабря 1941 года свирепствовал тиф.

Узник концлагеря Смирнов рассказывал, что видел, как однажды подъехал грузовик, и из подвала каменного дома, на территории концлагеря загрузили около шестидесяти замороженных детских тел, в лагере говорили, что детей заморозили специально для проведения опытов.

Суворовец Н. Карпишин

Бабушка прятала нас с братом под мостом, как только появлялся немец. Лагерь просуществовал до сентября 1943 года. В этих нечеловеческих условиях мы прожили около двух месяцев.

Наверное, нас по пути останавливали на ночевки, а в лагере мы были под открытым небом, и мама писала: «После лагеря дети болели, пухли от голода».

Каким чудом мы оказались в деревне Снигиревка Болахоновского сельсовета Шумяческого района Смоленской области 15.04.1943 года, я не знаю, наверное, помог Бог. Бабушка молилась за нас, и я это помню, когда мы уже жили в г. Могилеве она стояла на коленях перед образами Господними утром, днем и вечером. В молитве Оптинских старцев (издание 1990 г.) сказано: «Господи, во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано тобой». Я и младший брат не помнили, что мы были в концлагере, а старшим, наверное, сказали, чтобы они забыли факт пребывания в концлагере и не усложняли себе жизнь. Жизнь в Снигиревке я уже помню. Мы оказались в строении, даже, по-моему, без окон. Точно его описать не могу, внутри пол земляной, утоптаный. По центру стояла печка-буржуйка, при топке раскаленная докрасна. Мы пекли тонкими ломтиками картошку, типа нынешних чипсов. Картошку, нарезанную кружками, прикладывали к боковой стенке раскаленной буржуйки, они падали и мы вновь прикладывали другой стороной – очень вкусно. Бабушка варила нам суп с крапивой, лебедой, с вымытыми очистками от картошки. Ходили с бабушкой за подаяниями. Местные помогли выжить, даже пчеловод давал немного меда. Помню моего младшего брата с матерчатой торбой через плечо – сейчас по их покрою, только из другой ткани, ходит молодежь.

Дом стоял на берегу небольшой речки, неглубокой, но с широкой поймой, как раз была весна и я в длинной рубашке бежал по воде. Справа, метрах в пятидесяти, стоял деревянный мост, на сваях висели круглые мины. Как нам сказали – разминированные. Немцев не видел, может, мы были уже освобождены. Туда приезжал брат мамы, дядя Володя — офицер, летчик. Показывал нам свой именной пистолет. Сделал несколько выстрелов в воздух и, разрядив его, дал нам поиграть.

Мама работала по найму. Жала, косила, выполняла многие другие работы. С освобождением от немцев она стала работать в колхозе им. Михайлова. По всем справкам нашего архива видно, что мама ездила в Милятино, Выходы, Шумячи, писала во все инстанции в поисках папы. И, наконец, только 13 января 1976 года мы получили извещение о предположительном месте его захоронения.

В извещении говорилось: «...В северной части г. Новомосковска (бывшем Сталиногорске-2) находится братская могила, в которой в числе захороненных есть один офицер, фамилия которого до настоящего времени не была установлена. Архивная справка дает основание полагать, что этим офицером является Ваш отец, Карпшин Михаил Карпович». По их просьбе я выслал им архивную справку и в феврале 1976 г. получил подтверждение, что в братской могиле захоронен мой отец.

В мае-июне 1976 г. мама, я, брат Миша и двоюродный брат Миша посетили могилу отца. Так я встретился со своим отцом только через 35 лет. Все эти годы он был для меня образцом настоящего человека, на него я равнялся в своей жизни. Слава ему и вечная память.

Первый набор Минского суворовского военного училища. Август 1953 г.

*Построение 1-го выпуска 1956 года МНСВУ в честь 50-летия выпуска
Слева направо: В.М. Салтонович, А.Б. Козлов, Н.М. Карпишин, Э.П. Шебеко,
В.К. Окунев, М.С. Теренченко, В.М. Лагутин*

КАТКОВ

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ

(14.05.1941 г.)

Полковник Б. Г. Катков

Воспитанник Горьковского (1952-1956 гг.) и Московского (1956-1960 гг.) суворовских военных училищ. Полковник в отставке. Военная служба его прошла на территории Прибалтийского военного округа, в основном в органах местного военного управления — военкоматах. Постоянное место жительства — небольшой поселок возле Риги (Латвия). Принимает активное участие в социальной защите военных пенсионеров, в работе Международной ассоциации «Кадетское братство».

Из воспоминаний Бориса Григорьевича Каткова

Вспоминая о прошлом, о том времени, которое, казалось бы, было совсем недавно, ужасаюсь скоротечности нашей жизни.

Жизнь проходит безвозвратно. Наш долг — оставить после себя своим потомкам след той нашей жизни, которая нами была прожита, являясь той малой частицей общества, которая и формирует условия нашего бытия.

Мое детство как две капли воды соотносится с жизнью миллионов моих сверстников, у которых война отняла одного, а у некоторых — и обоих родителей.

Родившись 14 мая 1941 года, я даже не почувствовал отцовского тепла и заботы. В год рождения мои родители работали в одной из сельских школ. Отец был директором школы, а мать — преподавателем русского языка. С уходом отца на фронт мать полностью отдала себя нам, двум сыновьям, старшему из которых было семь лет. Отца больше никто не видел: пропал без вести. То, что нам с братом удалось узнать совсем недавно, так это то, что он попал в плен и в концлагере под Одессой был убит. Тяжелые военные годы сказались на здоровье матери, которая через месяц после окончания войны заболела и умерла. Ей было 33 года.

Мы с братом остались на руках ее сестры, которая и заменила нам мать. С учреждением в Советском Союзе суворовских училищ и, в первую очередь, для детей — сирот, наши приемные родители в 1944 году определили моего брата в Курское суворовское военное училище, а в 1952 году в Горьковское училище был принят я.

Судьба дала нам с братом шанс стать благополучными людьми и в физическом развитии, и в военной службе, и в первую очередь — благодаря прекрасно организованному учебному процессу. Полученные в стенах училища знания явились залогом успешной жизни и работы. Я твердо убежден, что если бы не учеба в суворовском училище, то я, как многие мои сверстники из небольшого железнодорожного городка Рузаевки Мордовской АССР, не достиг бы такого жизненного уровня развития, который я получил, обучаясь в училище.

Четыре года учебы в Горьковском СВУ приучили меня к коллективизму, дисциплине, закалили мой организм физически, а главное, приучило меня к жажде знаний и ответственности за свои поступки.

Я благодарен офицерам-воспитателям, в основном это были участники войны, которые относились к нам как к своим сыновьям, отдавая нам свое тепло, отцовскую ласку и любовь. Для нас, детей, четыре года пролетели быстро, ибо не было времени на безделье и скуку, характерное для гражданской молодежи. Требование неукоснительного внимания к учебе и спорту способствовало выработке волевой закалки, что в дальнейшем с успехом применялось в жизненных ситуациях.

В 1956 году было принято решение о переводе училища в Москву. Три летних месяца каникул прошли в ожидании, и серьезно взывало к волнению — буду ли я продолжать учебу в Москве или переведут в другое училище. Опасения были напрасны, но небольшую группу ребят мы все же не увидели в Москве, по мнению руководства, они были недостойны учиться в создаваемом образцовом училище.

В то время нас всех завораживала Москва, многие взрослые мечтали попасть сюда, а нам вдруг предложили в этом городе совершенствовать свое мастерство и в учебе, и в спорте. Требования к учебе и спорту ужесточились. К концу учебы из 24 суворовцев моего взвода 12 человек стали медалистами, а Валерий Кошкин получил грамоту за лучшее выпускное сочинение среди выпускников города Москвы.

Изнурительные тренировки в парке М. Горького к парадам закалили нас, нашу волю. Сейчас, по прошествии 55 лет, с благодарностью вспоминаю эти годы, еще раз с благодарностью вспоминаю преподавательский коллектив училища, который сделал из нас настоящих мужиков — патриотов страны.

В училище, особенно в Москве, на втором месте после учебы был спорт, и я, имея хорошее здоровье, увлекся легкой атлетикой и лыжным спортом. А хорошо эти

Суворовец Горьковского СВУ
Б. Катков. 1953 г.

виды спорта у меня пошли потому, что я был в составе группы моржей, которые в течение двух последних лет круглый год занимались моржеванием в Москва-реке, а до места моржевания надо было бежать 2 километра.

Увлечение этими видами спорта до сих пор живет во мне, заставляет меня находить время для занятий. Я был лучшим лыжником в училище, выполнив норматив кандидата в мастера спорта, и одним из лучших бегунов на средние дистанции, участвовал в спартакиаде суворовских училищ в Ленинграде, защищая честь училища.

Мои спортивные успехи были известны в округе, и после окончания СВУ в 1960 году мне были предложены военные училища в пределах Московского военного округа. Как и многие мои сокурсники, я выбрал Коломенское артиллерийское училище, которое стало готовить офицеров-ракетчиков, в то время модной и привлекательной, особенно для молодежи, профессии.

С сентября 1960 по август 1963 года я познавал устройство боевой ракеты, способной стереть с лица земли большой город, и был удивлен и поражен простотой ее устройства. Поэтому учеба в училище, продолжение занятий спортом давались легко. Легкость в учебе было характерно для всех суворовцев, кто учился в училище. Это было результатом того багажа знаний, который был заложен в нас в суворовском училище, и мне придется еще долгое время убеждаться в этом.

Учеба в суворовском и военном училищах настолько привязала нас друг к другу, что при расставании у ребят на глазах были слезы, мы расставались братьями. До сих пор я внимательно слежу за жизнью своих друзей: Бориса Хетагурова, Валерия Кошкина, Сергея Смолина, Владимира Горшунова, Юрия Костина, Евгения Шевченко, Михаила Коломойцева, Ильи Корабликова, Виктора Баженова, недавно ушедшего в мир иной, и др.

В 1963 году я по распределению был направлен в Прибалтийский военный округ, в ракетную бригаду, расположенную в поселке Долгоруково Калининградской области. Взвод ракетно-технического обеспечения, которым я командовал, все три года признавался лучшим в округе. Боевые стрельбы, холостяцкая жизнь в общаге, невозможность планоно заниматься спортом не особенно привлекали меня к дальнейшей военной карьере в ракетных войсках. По стечению обстоятельств я планировался к уходу из армии и переходу на службу в КГБ. Но судьба распорядилась иначе — мне предложили службу в военкомате Латвийской ССР и направили в город Цесис, где с 1966 по 1975 гг. я совершенствовал азы мобилизационной готовности. Моя инициативность, примерное поведение (до сих пор соблюдаю сухой закон) и многочисленные служебные достижения позволили мне успешно, своевременно и с большим должностным резервом получать воинские звания. Прослужив успешно с 1975 по 1982 г. в городе Даугавпилсе в должности заместителя военного комиссара, я был назначен на должность военного комиссара Пролетарского района города Риги, где в 1983 году мне было присвоено звание «полковник».

В октябре 1991 года военкоматы в Латвии были упразднены, Латвия стала независимой страной, я был уволен из армии, прослужив в ней 30 лет. Я и моя семья не попали под переселение в Россию и остались в Риге. Со мной в Латвии осталось бо-

лее 25 тысяч военных пенсионеров, наутро оказавшихся за пределами этнической родины. Стал одним из организаторов Общества военных пенсионеров, которое после вывода советских войск из Латвии и по настоящее время продолжает заниматься социальной защитой военных пенсионеров и их вдов, которых осталось уже меньше 13 тысяч.

В 1999 году создал Латвийско-Российскую Ассоциацию сотрудничества, которую возглавляю до настоящего времени, объединив более 1200 членов, в основном граждан России. Будучи сам гражданином России, обозначил и главную задачу организации — социальная защита проживающих в Латвии граждан России, численность которых в настоящее время составляет почти 50 тысяч.

С августа 2008 года по настоящее время являюсь директором Представительства Балтийского Федерального университета им. И. Канта в Риге. За это время мною по бюджетным квотам, выделяемых правительством России, на учебу в Калининград направлено около 250 юношей и девушек.

С марта 2014 года являюсь Председателем Представительства Российского Союза ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил в Латвии, который в Москве возглавляет бывший начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии, депутат Государственной Думы России Михаил Алексеевич Моисеев.

Как бывший суворовец, был организатором Кадетского братства в Латвии. Хотя нас не так много, всего 25 человек, но наша активность позволила нам влиться в Международную организацию «Кадетское братство», в составе которой работаем уже 7 лет.

Семейная жизнь, как и служба, сложилась удачно. В 1966 году женился, живем счастливо, и в 2016 году будем отмечать 50-летний юбилей.

В 1968 году родилась дочь Ирина, ставшая в 13 лет мастером спорта по спортивной гимнастике, живя в отрыве от нас и тренируясь в Москве, а затем в Минске. После спортивной карьеры вышла замуж, в 1989 году родила сына Олега. Наш любимый внук в спортивной карьере пошел дальше дочери. Овладев навыками рукопашного боя, был неоднократным чемпионом Латвии, а по кикбоксингу был чемпионом Европы. Сейчас, в апреле, дочь будет бабушкой с двумя девочками-близнецами, а мы с Марией, соответственно, займем двух правнучек.

В 1971 году Мария родила сына — Сергея. Школа, институт, работа, женитьба и первая внучка, которой сейчас уже 9 лет.

Мы с семьей дочери живем под Ригой в большом доме со всеми удобствами, рядом с озером, сын и внук со своими семьями живут в Риге отдельно.

Считаю, что прожитое время прошло на одном дыхании благодаря мудрой политике государства в послевоенное время, в постоянной заботе о детях и молодом поколении, которые в короткие послевоенные сроки сумели восстановить разрушенное хозяйство, восстановить города и села и воссоздали могучее многонациональное государство.

КАТЛИНСКИЙ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ (11.07.1939 г.)

*Капитан 1-го ранга
О. В. Катлинский*

Капитан 1-го ранга в отставке, несовершеннолетний узник фашистских концлагерей.

Родился в г. Кировске Могилевской области. Минское СВУ в 1959 г. окончил с серебряной медалью и был направлен на обучение в Высшее Военно-морское инженерное училище им. Ф.Э. Дзержинского в г. Ленинград. Получил диплом по специальности инженер-электрик военно-морских кораблей. Был распределен на Балтийский флот и ходил на военных кораблях почти 10 лет. Службу проходил на самых современных кораблях ВМФ, совершал длительные океанские походы, дружеские визиты в составе кораблей Балтийского флота в зарубежные государства (Швеция, Финляндия, ГДР), участвовал в приемке первых авианесущих кораблей. В 1973 г. поступил и в 1975 г. окончил Военно-морскую академию, после чего пришлось расстаться с морем и продолжить службу в Генеральном штабе ВС СССР (РФ) начальником группы, где занимался вопросами перспектив развития ВМФ. Уволен в запас в 1990 г. Двадцать лет работал в Федеральном агентстве по оборонной промышленности, Министерстве промышленности и торговли РФ. В последние годы — начальником отдела военно-технического сотрудничества с иностранными государствами. Выезжал в служебные командировки в Алжир, Малайзию, Китай, Финляндию.

Награжден орденом «За службу в Вооруженных Силах» III степени, медалью «За боевые заслуги» и другими медалями. Имеет сына, внука, 4 внучек и правнучку.

Из воспоминаний Олега Владимировича Катлинского

Если бы мое детство прошло в мирное для страны время, воспоминания о нем доставили бы мне, скорее всего, немало удовольствия.

Сегодня, спустя семьдесят лет, невозможно реально оценить все происходившие в то время события — жить под фашистской оккупацией в течение трех лет.

Мне было 2 года, когда наш поселок Кировск Бобруйской области (в то время практически деревня) был оккупирован немецкими захватчиками. В памяти остались отдельные фрагменты из той тяжелой жизни. В семье у нас было четверо де-

Первый снимок в суворовской форме. 1953 г.

Помощник офицера-воспитателя сержант

В. Протасевич со своими воспитанниками. Сидят слева В. Петрашкевич, справа О. Катлинский. Стоят П. Узков, А. Луговской, Э. Минкевич

тей. Старшему брату к началу войны было 6 лет, сестре 4 года, мне 2 года, младшему брату 1,5 года.

Мы весь период оккупации прожили в землянке (погребе), оборудованной до войны из обвалившегося колодца. В хате фашисты разместили свою редакцию. Вот так эта землянка служила нам зимой и летом и жилищем, и убежищем. Как мы выжили — одному Богу известно. Помню, питались ле-

пешками из собранной после зимы гнилой картошки, листьями липы, смолой вишни и сливы, остатками фруктов и овощей.

Отец ушел на фронт. Мать осталась с нами одна. Отца в 1945 г., после третьего ранения, привезли полуживого на носилках, он до конца своих дней так и остался инвалидом первой группы. Мать, чтобы прокормить большую семью, работала в колхозе. Старшего брата отдали на учебу в музыкальную школу в Бобруйск, сестру — в Гомельский техникум радиотелеграфистов, а я в 1947 году пошел в первый класс. Было мне тогда уже 8 лет. Единственная школа была восстановлена только к этому времени. Безусловно, послевоенная жизнь была очень трудной. Одной матери было сложно нас прокормить. С младшим братом мы пошли зарабатывать свои трудодни пастухами колхозных лошадей, телят, свиней, овец.

Особенно нравилось пасти лошадей — научились кататься

О. Катлинский (второй справа) — ученик 1-го класса. 1947 г.

Суворовец О. Катлинский.
1954 г.

на них верхом, гарцевать по полю и преодолевать канавы и рвы. Не обходилось, конечно, и без травм. Кроме того, помогали матери на прополке и уборке колхозных полей с коксагызом (каучуконосом), льном и другими посевами.

Отец с фронта вернулся в звании младшего лейтенанта. Он много рассказывал о подвигах и героизме солдат и офицеров в борьбе с врагом. В школе появились учителя в орденах и медалях, много рассказывавших о тяжелых годах войны, унесших миллионы человеческих жизней и необходимости готовиться к защите родной земли — все это не могло не сказаться на моем желании стать командиром (именно «командиром» — таким словом мой отец предрекал мое будущее). И когда в 1952 году я узнал, что военкомат объявил о наборе кандидатов для поступления в Минское суворовское военное училище, я незамедлительно подал заявление и был зачислен единственным кандидатом из Кировского района. Привез меня в Минск из Бобруйска поездом старший брат и передал командо-

ванию училища из рук в руки (это была моя первая поездка на поезде). Зачислили меня сначала во 2 роту в 7-й класс. Но оказалось, что в 7-й классе было воспитан-

Суворовцы О. Катлинский и Б. Курбыко обсуждают план достройки катеров

ников больше, чем планировалось. И нам устроили переэкзаменовку по диктанту: тех, кто получил двойки и тройки (не помню, сколько человек), перевели в 6-й класс. Таким образом, фактически я оказался второгодником в 6 классе. И, как оказалось, это позволило мне успевать по всем предметам только на «4» и «5», а в итоге окончить училище с серебряной медалью. Учиться стало интересно. Пришло время стал комсомольцем, секретарем комсомольской организации класса. Я получил прозвище «комиссар». В 10 классе стал кандидатом в члены КПСС. Членом КПСС стал спустя 2 года уже в Высшем военно-морском училище в Ленинграде. Первые навыки по кораблестроению получил в суворовском училище при строительстве моторного катера, на котором мы ходили по реке Свислочь со своим любимым офицером-воспитателем майором Ю.А. Суровым, который и инициировал его строительство.

В училище я получил не только отличное общее образование, но и хорошую военную подготовку, что позволило в будущем стать достойным морским офицером, прослужившим на боевых кораблях 10 лет и после окончания Военно-морской академии в 1975 году продолжить службу сначала в Главном штабе ВМФ, а затем в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных Сил СССР на руководящих должностях по перспективе развития Военно-морского флота СССР.

Особое место в моей жизни занимает пребывание нас, детей с матерью, в фашистском концлагере. Из-за вероломного нападения на СССР взрослое боеспособное мужское население от мобилизовать не успели. С началом войны часть мужчин было расстреляна, часть осталась под оккупацией, некоторые стали полицией, многие просто скрылись. В партизаны пробились единицы — до ближайших лесов было не менее 10 км.

Вице-сержант
О.В. Катлинский накануне выпуска. 1959 г.

Офицер-воспитатель Ю.А. Суровов,
благодаря поддержке которого
О.В. Катлинский осуществил свою мечту
стать военным моряком

*Капитан 1 ранга в отставке
О.В. Катлинский*

Накануне оккупации отец оказался у себя на родине в отдаленной деревне (умер мой дедушка), которая длительное время не вызвала никакого интереса у фашистов. Немцы маму и нас поместили в концлагерь до выяснения причин отсутствия отца. Отец, узнав, что семья по причине его отсутствия дома оказалась в заложниках, через 3 месяца вернулся домой, что и послужило основанием для освобождения семьи из концлагеря.

Конечно, по малолетству я не помню тех трудных условий, в которых мы были, но это история, которую пересказывали мне мама, мои старшие брат и сестра.

Дети войны, они порой не знали даже не только даты, но и года своего рождения. И представленный аттестат зрелости выпускника П.А. Клемантовича — свидетельство сказанному, где написано, что его обладатель родился во второй половине 1941 года. Позже П. Клемантович решил, что праздничный День молодежи 28 июня — самый подходящий день, который можно избрать днем своего рождения, и именно к этой дате приурочен его личный праздник.

Дети войны О.В. Катлинский (справа) и П.А. Клемантович. 2010 г.

КИРЮЩЕНКО ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ (02.11.1937 г.)

Подполковник
В.С. Кирющенко

Подполковник в отставке, директор НПО «Фенокс», почетный суворовец Минского СВУ.

Родился в деревне Терюха Тереховского района Гомельской области. После окончания в 1961 г. Минского ВИРТУ был направлен на ГНИИП-10 (Государственный научно-исследовательский испытательный полигон МО СССР), где в должностях инженера-испытателя, старшего инженера отдела анализа летных испытаний принимал участие в испытаниях ракет системы противоракетной обороны (ПРО). В 1972 г., после завершения Государственных испытаний ракеты дальнего перехвата системы ПРО, был направлен в военное представительство МО, осуществлявшее контроль разработки и производства ракет. В 1983 г. уволен в запас с должности заместителя старшего военпреда.

Награжден медалями СССР и Республики Беларусь. Был чемпионом спартакиады суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ 1956 г. по пулевой стрельбе. Живет в г. Минске. Работал старшим инспектором по кадрам, заместителем директора НПО «Фенокс».

Из воспоминаний Владимира Степановича Кирющенко

Нас называют «дети войны». Действительно, война накрыла нас своим покрывалом, оставив в памяти отдельные эпизоды. Но честь и хвала и низкий поклон нашим родителям и близким, которые вынесли все тяготы и лишения ее на своих плечах, спасли, вырастили нас и отправили в путь под названием жизнь.

Когда фашисты напали на нашу Родину, мне шел 4-й год. В это время я с мамой жил у дедушки в поселке Степь Тереховского района. К нему мы приехали, когда моего отца призвали в армию. До этого мы жили в д. Терюха, где отец был директором школы. Там же я родился и прожил первые 3 года своей «сознательной» жизни.

У дедушки была большая семья. Помимо моего отца, у него было еще 2 сына и

*В день 50-летнего юбилея со дня выпуска
подполковник В.М. Кирющенко (справа)
и Г.В. Прокопчик*

Суворовец В. Кирющенко

3 дочери. Старшая дочь Мария была замужем и растила двух сыновей и дочь. Когда началась война, в армию ушел дядя Ваня и муж тети Марии, мой отец и дядя Коля к этому времени уже служили, отец — в Прибалтике, а дядя Коля — на Дальнем Востоке.

Недалеко от нас находилась ж/д станция Тереховка, которую фашисты очень сильно бомбили. Вечерами, когда все собирались дома, горячо обсуждали события на фронте, о которых узнавали по радио и, в большей степени, от эвакуированных. Мама почти каждый день писала отцу и заставляла делать это меня. Она давала мне карандаш и, держа мою руку своей, писала письмо. Вот только получали ли мы ответ — не помню. Подчерк отца я знаю только по подписям на фото, которые он присылал из армии.

Фронт подходил к нам. Со стороны Гомеля слышался гул от взрывов, а вечерами и ночью было видно зарево. Ведь мы находились от Гомеля в каких-то 40 километрах. Пришли фашисты. Началась новая жизнь. Все взрослое население выгоняли на работу, а малышня оставалась

Подполковник В.С. Кирющенко (слева) с женой и полковник В.М. Лагутин в музее Минского СВУ. 10 июня 2006 г.

дома под присмотром старшей дочери бабушки Веры, которой было 13 лет. В одно время фашисты начали собирать молодежь для отправки в Германию. Как только прошел слух об этом, тетю Лиду, которой было на тот момент 18 лет, спрятали, отправив к родственника в другую деревню.

Перед освобождением от фашистов жители поселка, оставив дома, ушли в лес. Об этом все были предупреждены. Благо лес и болото находились за огородами. В лесу каждая семья устраивалась как могла. Мы построили шалаши. Малыши в этом принимали активное участие. Моему старшему двоюродному брату Лене было 9 лет, а второй был мой ровесник, и мы старались от него не отставать.

Взрослые волновались. Ходили слухи, что фашисты хотят поджечь лес. Так прошло дня три. Сообщали, что пришли наши, и все, побросав шалаши, понеслись домой. У меня и сейчас перед глазами стоит картина: вместо домов одни печные трубы, а возле колодца лежит убитый человек. Из 110 зданий в поселке осталось 17, в том числе и школа. Она стояла в центре поселка.

Надо было как-то устраиваться. Шел сентябрь 1943 года. Бабушка решил построить землянку. Все как могли ему помогли. В качестве печки была приспособлена бочка. Так началась жизнь после изгнания фашистов.

Зимой мама устроилась работать в детском доме в д. Поддабрынка и забрала меня с собой. В этот детский дом привезли детей партизан, которых переправили через линию фронта из партизанских отрядов. После изгнания фашистов из Беларуси детей из детского дома стали разбирать родители. Маму отправили в г. Кобрин сопровождать 5 детей командира партизанской бригады им. В. И. Чапаева Гапасюка Константина Степановича, жену которого фашисты расстреляли. В Кобрине маме предложили работу учительницы. Она согласилась, и мы остались в Кобрине. Впоследствии мама вышла замуж за Константина Степановича Гапасюка и, когда в 1974 году родила дочь Тamarу, нас, детей, в семье стало семеро. Конечно, было тяжело и не всегда мы были сыты, но жили дружно.

Война закончилась, но фашистские прихвостни старались внести свою лепту в мирную жизнь. Банды бандеровцев занимались разбоем, убивали активистов — советских работников. Константин Степанович привлекали для борьбы с бандитами. У него всегда дома был автомат ППШ, а с собой он носил пистолет ТТ. Временами его по несколько дней не было дома. И так было до начала 50-х годов.

И все же, невзирая на все невзгоды, нас вырастили, дали образование, и каждый из нас нашел свою дорогу в жизнь. Я закончил Минское СВУ (первый выпуск), Минское высшее инженерное радиотехническое училище войск ПВО. После окончания МВИРТУ в 1961 году (ныне Академия Министерства обороны РФ) вместе с другими выпускниками отправились в полупустыню Бет Пак-Дола (в переводе на русский язык — голодная степь) на исследовательский испытательный полигон «ковать» новое оружие, которое защитит нашу Родину от недругов, взирающих на нее как на лакомый кусок.

Впоследствии контролировал разработку и приемку вооружения на одном из предприятий, являясь заместителем старшего военпреда и был уволен из рядов Советской Армии по состоянию здоровья в воинском звании «подполковник», прослужив 26 лет.

КОВАЛЕНКО ВЯЧЕСЛАВ АНТОНОВИЧ (11.06.1940 г.)

Нахимовец В.А.Коваленко

Родился в 1940 году в Псковской области. Его отец погиб на фронте.

Окончил Рижское нахимовское военноморское училище и Минский политехнический институт.

По состоянию здоровья в военное училище поступить не смог. Работал на предприятиях по производству строительных материалов. Прошел путь от сменного мастера до главного инженера завода, главного технолога министерства и главного инженера проекта в проектном институте. В начале 1980 года Вячеслав Коваленко в составе группы советских специалистов был командирован на Кубу для оказания помощи в проектировании и строительстве ряда предприятий. По его проектам было построено более 50 объектов в Белоруссии, Прибалтике, России, а также на Кубе, в Эфиопии, Анголе и Ираке.

Из воспоминаний Вячеслава Антоновича Коваленко

Я родился в июне 1940 года проездом в город Опочка Псковской области. Перед началом войны воинская часть, в которой служил мой отец, командир Красной Армии, была передислоцирована в Эстонию (г. Тарту). Находясь на новых позициях, эта часть в первые же дни войны вступила в боевые действия.

А мама вместе со мной из Тарту эвакуировалась в город Удомля Калининской области. Этот путь мы преодолевали более двух месяцев под постоянными бомбежками и обстрелами. Как мы выжили и, что пережила моя мама, мне трудно представить. Помню только, что она не могла вспоминать об этой поездке, даже при просмотре военных фильмов, в которых показывали бомбежки, она долго не могла прийти в себя.

В начале 1942 года мы получили похоронку на отца. «Начальник штаба батальона старший лейтенант Коваленко Антон Константинович, проявив стой-

кость и мужество, пал смертью храбрых в бою 18 января 1942 года и похоронен в деревне Крекша под Старой Руссой», — писалось в извещении.

Станция Удомля, в которой мы поселились, находилась недалеко от линии фронта. Через город шло снабжение и пополнение северного фланга Ржевской группировки наших войск. Немецкие самолеты постоянно бомбили станцию, разворачивались и пикировали на разгружающиеся эшелоны. В небе постоянно шли воздушные бои. Мои воспоминания того времени — это постоянное чувство страха, навеянного взрослыми. Почти все время мы жили в погребе.

Моя мама, как член партии, была уполномочена выполнять различные задания, ездила по областям с множеством поручений. Я же оставался в семье своей тети, которая работала в прифронтовом госпитале прачкой, я оставался с двумя своими двоюродными братьями. С первых же дней войны нас несколько раз обворовывали: украли свинью, овцу, гусей и почти всех кур. Поэтому нашими обязанностями были заботы о козе, двух курицах и заготовка дров, нам строго-настрого запретили покидать двор, а в случае появления вражеской авиации — немедленно прятаться в погреб.

Все взрослое мужское население деревни было мобилизовано на фронт либо трудилось на лесозаготовках, старики были, в основном, возчиками гужевого транспорта, а женщины работали в госпитале. В конце 1943 года мой дядя и весь его класс, приписав себе от года до двух, ушли добровольцами на фронт. К сожалению, все они погибли под Ржевом.

Питались мы очень скудно: картошка, капуста, грибы. Иногда удавалось собрать в озере рыбу, оглушенную упавшей в озеро немецкой бомбой.

Однажды, это было в январе 1944 года, мама принесла домой американскую посылку, в которой были: конусная головка сахара, банка тушенки, банка сгущенного молока с какао, большой кусок сала, завернутого в пергаментную бумагу и несколько картонных пачек яичного порошка. Кроме того, мне и брату достались и новогодние подарки: конфеты в обертках и по одному мандарину. Долго потом игра в бумажные фантики для нас была любимым занятием, а вкус мандарина не забывается до сих пор.

Все тяготы и лишения тех детских лет, голод, бомбежки, похороны я тогда воспринимал как естественное состояние окружающего мира, как обычную жизнь. Это, наверно, потому, что другой жизни я просто не знал и даже не предполагал, что она может быть иной.

Лето 1945 года осталось в моей памяти одним понятием — Победа! Победа ассоциируется у меня с бесконечными эшелонами с демобилизованными солдатами, возвращающимися домой. Играл духовой оркестр, встречающие танцевали и пели. Мы, дети, тоже бегали на станцию и, заглядывая в каждый вагон, звали отцов, хотя многие из нас отцов-то никогда и не видели. Демобилизованные ободряли нас, говоря, что наши отцы вернутся в следующем эшелоне и одаривали нас сахаром, банкой тушенки или дарили игрушки. Через станцию шли также и поезда с военнопленными, но охрана эшелона к ним никого не допускала.

Осенью мой двоюродный брат, он был старше меня, пошел в школу, а так как мы с ним были одного роста, то приняли в первый класс и меня.

В январе 1946 года за мной приехала мама. Ее направили в город Кенигсберг. Первое время мы жили на территории гарнизонного военного трибунала. Город весь был разрушен. Практически не было ни одного здания, улицы были завалены обломками зданий, подбитой военной техникой и обгоревшими деревьями. Не было ни электричества, ни газа, ни воды, ни канализации. Жилье отапливалось печками и освещалось керосиновыми лампами. Пища готовилась на керосиновых примусах. Городской транспорт не работал. Но постепенно жизнь в городе налаживалась. Открывались магазины, восстанавливались предприятия, ремонтировались и заселялись дома, начинал работать транспорт. Весной мы получили комнату в коммунальной квартире.

Продукты питания выдавались по карточкам, но во многих местах города возникали стихийные рынки, «толкучки», на которых осуществлялся обмен продуктов на вещи и наоборот.

Летом 1946 года меня определили в детский сад. Помню подготовку к встрече наступающего нового 1947 года. Нас, старшую группу, воспитательницы построили попарно и повели, как обычно, на прогулку. Только в этот раз они решили пройти через немецкое кладбище и заготовить зеленых веток, чтобы украсить комнату для проведения новогоднего утренника. На кладбище мы прошли через пролом в ограде и шли по дорожке к воротам центрального входа. По пути воспитательницы наломали веток вечнозеленых хвойных насаждений и дали их каждому из нас. Подойдя к центральному выходу, мы увидели часовню, а возле нее — штабель мертвых тел. Для нас, детей, это было страшным потрясением. В войну многие из нас видели покойников, но такого количества сразу — никогда!

В 1947 году я пошел в мужскую школу № 1. Школа размещалась в бывшем немецком военном училище. Было сформировано пять первых классов по 40 — 50 человек. В классах были парты, классные доски, раскладные металлические кровати, глобусы, в спортивном зале — различные спортивные снаряды. Занятия в школе проводились в две смены, за партами сидело по три ученика. Мне повезло, так как я еще два года назад три месяца учился в первом классе, знал алфавит, умел писать буквы и даже читал по слогам.

В первые два-три месяца произошло расслоение учеников по достатку, по способностям и прилежанию к учебе, а также по принадлежности к землячеству, то есть по месту проживания в том или ином районе города. Мне и здесь повезло. Я оказался в землячестве, где проживало более 100 учеников, причем большинство из них были старшеклассниками. Поэтому я сразу оказался под их защитой.

После школы мы шли домой обычно большой группой, по пути заглядывали в сады и огороды, пекли картошку, ели яблоки и ягоды. Забавами старших были поиск оружия и боеприпасов, стрельба по мишеням и подрыв взрывчатки. Безусловно, такие игры были очень опасны, но мы, пацаны, этого не понимали. Так, за четыре года учебы, только из нашего класса погибло пять человек и около десятка было ранено. В параллельном классе один ученик подорвался прямо на уроке. Ему оторвало пальцы, а его соседу посекло лицо. Любимыми нашими играми были война, прятки, футбол, жестка, катание на санках и коньках. Позднее пошла мода — кататься

на самокатах, для их изготовления требовалось всего два подшипника и доска. Большинство ребят, родившихся до войны, остались без отцов. Все заботы по содержанию семьи ложились на плечи наших матерей, поэтому они днем работали на производстве или на госслужбе, а после работы – на импровизированных приусадебных участках, огородах. Дети же оставались без надзора и воспитывались улицей.

Постепенно наши дворовые землячества от набегов на сады и огороды переходили к другим видам деятельности: сбор и сдача металлолома, макулатуры, бутылок, погрузочно-разгрузочные работы, мы даже участвовали в съемках кинофильмов. Заработанные таким образом деньги и продукты шли в общий котел и хранились в штабе (подвальное помещение разваленного соседнего дома). Там же хранились наше оружие и боеприпасы, другие, на наш взгляд, ценности. Не брезговали и воровством. Взламывали в соседних районах подвалы, сараи, даже киоски. Меня и других таких же малолеток тоже привлекали к этим акциям, как правило, мы стояли на «стреме». Каждый удачный набег отмечали выпивкой и куревом.

Недалеко от нашего дома установили пивной ларек «Голубой Дунай». Вначале разливное пиво продавали стеклянными банками на вынос, потом появились бокалы. У продавщицы, как правило, не было сдачи, поэтому, по желанию клиента, она добавляла в бокал рюмку водки либо еще пива. Предварительно всем она предлагала пару ложек красной икры. Но так как красной икрой была провонявшаяся селедкой клюква, то предпочтение отдавалось доливу. Если бочки с пивом на ночь замыкались на цепь, то бочка с икрой только накрывалась крышкой и клеенкой, потому что на нее никто не зарился.

В нашем доме жил фронтовик, работник военкомата. Однажды он зашел к нам и предложил маме определить меня в Суворовское или Нахимовское училище. Мама, и тем более я, не имели понятия, что это такое. В это время открывались школы ФЗО (фабрично-заводское обучения), ремесленные и мореходные училища, но сюда принимали только с семиклассным образованием. Принятым в эти училища выдавалось обмундирование, они обеспечивались питанием, а нуждающимся предоставлялось общежитие.

Я в это время учился в четвертом классе и, как все мальчишки нашего двора, мечтал поступить в «мореходку». Когда я узнал, что Нахимовское училище тоже морское и что для поступления в него достаточно иметь четырехклассное образование, то сразу согласился.

После сдачи экзаменов медицинской комиссии военкомат отобрал пять кандидатов, и мы прибыли в Нахимовское училище в город Ригу. Здесь мы опять прошли медицинскую комиссию, сдали вступительные экзамены и были зачислены в училище.

В августе нас постригли, помыли в бане, обмундировали и отвезли в летний лагерь. Лагерь располагался на острове Були, в дельте реки Даугава. На одной стороне острова размещалась база торпедных катеров, а с другой — рыбачий поселок Були. Наш же лагерь находился на середине острова, между базой и поселком.

Всего было принято сто воспитанников. Нас распределили по взводам. Офицерами-воспитателями нам назначили молодых лейтенантов — выпускников Су-

воровского офицерского училища, помощниками офицеров-воспитателей — молодых призывников, учащихся педагогического училища. Командиром роты у нас был капитан морской пехоты Северного флота, а старшиной роты — главный старшина морской пехоты Тихоокеанского флота. С этих дней закончилась наша вольница, и началась повседневная рутинная и непростая жизнь.

Вот мой последний «земляческий подвиг». После напряженного, насыщенного учебными занятиями дня, после отбоя я и несколько человек из моей палатки решили по старой привычке проверить соседние сады и огороды. Еще днем, когда мы шли строем в столовую, заметили пару небольших домиков, утопающих в зарослях цветов и ягодных кустарников. В потемках, в одних трусах, мы перелезли через забор и увлеклись ягодами, крыжовника, смородины, малины, вишни и не заметили, как вышел хозяин дома и нас «застукал». Все мальчишки бросились врассыпную, а я и еще один воспитанник запутались в кустарниках и оказались перед хозяином. Он отвел нас на веранду, усадил за стол, напоил чаем с вареньем, его жена угостила нас пирожками и собрала еще по кулечку конфет с собой.

На прощание хозяин пожелал нам спокойной ночи и напомнил, что после отбоя, согласно распорядку дня, положено спать, а не ходить в «самоволку». Каково же на завтра у меня было удивление, когда во время занятия по плаванию этот хозяин подошел к нашему взводу, жестом дал понять командиру продолжать занятие, о чем-то поговорил с ним и пошел дальше. Мы спросили у нашего лейтенанта: «Кто это такой?» Он объяснил нам, что это был начальник нашего училища, капитан первого ранга К.А. Беспальчев. Я, конечно, понял, что он меня узнал, но ни единым словом не напомнил о ночном происшествии. Этот случай остался у меня в памяти на всю жизнь как пример поистине отеческого отношения к нам и по силе воздействия превзошел все другие меры воспитания.

1 сентября состоялось торжественное построение личного состава училища. Нам вручили погоны и бескозырки с ленточками «Нахимовское училище», до этого времени головными уборами были белые чехлы от бескозырок. Флотские погоны и ленточки «Балтийский флот» получили и помощники офицеров-воспитателей. После этого торжественного построения мы перестали быть «албанцами», а стали настоящими «питонами».

Учеба в нахимовском училище почти ничем не отличалась от учебы в суворовском училище, разве что только формой одежды и некоторыми специальными дисциплинами.

Первый год учебы мы жили на парусной шхуне. Распорядок дня: подъем в шесть-семь утра, физическая зарядка, заправка постелей, личный туалет, построение, утренний осмотр, завтрак, занятия по расписанию, обед, дневной сон, личное время, самоподготовка, ужин, личное время, вечерняя прогулка, вечерний чай, личное время, вечерняя поверка, отбой и сон. По воскресеньям нам предоставлялось увольнение в город.

Каждый год 1 мая и 7 ноября проводились парады войск. Нам повезло быть участниками первомайских парадов в Москве в 1952 и 1953 годах. Жили мы тогда в Москве вместе с суворовцами в казармах на Красной Пресне. Строевой подго-

товкой занимались каждый день по шесть часов в Химкинском порту. А по вечерам нас водили в музеи, театры, концертные залы.

Судьба у каждого из нас сложилась по-разному. Но, невзирая на то, что мы оказались в разных государствах, ежегодно встречаемся, вспоминаем минувшие годы, и ни при каких обстоятельствах их из нашей памяти не вычеркнуть. На одной из последних встреч прозвучало стихотворение:

Мальчишки без отцов и матерей,
Войною обездоленные дети,
Собрались у распахнутых дверей
В грядущие свои десятилетия.
Спасибо тем, кто нас повел вперед,
Дал знания и нравственные силы.
Мы им в душе не раз из года в год
За это благодарность выносили.
Кто — инженер, а кто-то — дипломат,
Учительствуют, строят, бурят, лечат,
Растят детей и пестуют внучат,
Молодцевато расправляя плечи.
Есть вспомнить что и есть, что рассказать,
Мы столько лет друг другу словно братья.
Как монолит нахимовская рать,
В ней накрепко смыкаются объятья.
Нет выше дружбы ценности иной!
Нет уз ни благороднее, ни краше!
Пускай убелены мы сединой,
Останется нетленным братство наше!
Мы помним всех сердечно и всегда,
И время эти чувства не остудит.
Пускай летят стремительно года,
Нахимовец как был, таким и будет.

КОЛОМОЙЦЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (08.01.1941 г.)

Генерал-майор
М.М. Коломойцев

Генерал-майор (1990 г.), начальник отдела взаимодействия с органами военного управления Правительства г. Москвы (2004–2008 гг.), начальник штаба ракетных войск и артиллерии Московского военного округа (1989–1996 гг.), член исполкома «МЕГАПИР», руководитель Секретариата Международной ассоциации «Кадетское братство».

После окончания Коломенского артиллерийского училища служил командиром взвода управления 11-й ракетной бригады (г. Черняховск). С 1976 по 1981 гг. служил в Среднеазиатском военном округе (г. Семипалатинск). В 1981 г. был назначен командиром ракетной бригады в Южную группу войск. За успехи бригады на учениях и освоение новой техники был награжден орденом «Красной Звезды». В последующем служил начальником ракетных войск и артиллерии армейского корпуса в Одесском военном округе (1986–

1988 гг.), заместителем начальника ракетных войск и артиллерии (1988–1989 гг.), начальником штаба — первым заместителем начальника ракетных войск и артиллерии (1989–1996 гг.) Московского военного округа.

Из воспоминаний Михаила Михайловича Коломойцева

Родились я и мой брат Виктор в январе 1941 года, когда война еще не началась, но тревожное состояние довлело над народами Советской страны. Из рассказов моих тетушек знал, что наш дедушка полковник Михаил Григорьевич Коломойцев родился в 1894 году в городе Бердянске, окончил 4 классное училище и после его окончания работал учеником в аптеке. Во время Первой мировой войны был мобилизован и служил младшим санитаром в госпитале, где в 1917 году женился на Анне Ивановне Бородулиной 25 октября 1889 года рождения, родившейся в городе Вельегонске. Впоследствии она в городе Твери окончила епархиальное училище и чительствовала в Тверской губернии. Во время Первой мировой войны работала сестрой милосердия в госпитале Земского Союза, а затем продолжила учительствовать в г. Вельегонске.

После революции наш дедушка М.Г. Коломойцев служил в Красной Армии, а в 1918 году вступил в партию и с тех пор был комиссаром в различных воинских

Дедушка братьев-близнецов
Коломоицевых
Михаил Григорьевич

частях. После Гражданской войны был (после окончания института Красной профессуры) направлен преподавателем марксизма-ленинизма в Высшее военное училище связи, затем в Военно-артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского. В марте 1941 года комиссией ВАК он был утвержден в звании доцента кафедры. В своем Новогоднем тосте 1941 г. в семейном кругу, как вспоминала бабушка, за праздничным столом он высказал тревогу, что год будет непростым, и опасность развязывания войны очевидна. Естественно, в те годы открыто высказываться по этой теме было небезопасно, хотя большинство военспецов осознавали высокую вероятность развязывания войны, понимая, что германские войска не напрасно наращивают группировку у наших западных границ. Это было 1 января 1941 года, а 8 января родились мы с Витей.

Трагедия разыгралась по существу через 10 дней, когда нашей мамы Елизаветы Михайловны не стало из-за заражения крови, а пенициллина тогда еще в больницах Москвы не было. По рассказам наших тетушек, смерть нашей мамы, которой исполнилось всего 23 года, была такой тяжелой утратой, что во время опускания гроба для кремации наш дедушка, отец мамы, чуть не упал вслед за гробом.

Мама была удивительным и прекрасным человеком. Родилась она 19 февраля 1918 года в деревне Голенищево Весьегонского района Тверской губернии, в 1934 году окончила школу и поступила в Ленинградский фармацевтический институт, который в 1938 г. окончила с золотой медалью. Затем была направлена по распределению в г. Кольчугино, в аналитическую лабораторию аптеки. В 1940 году уехала в Москву к родителям, разведясь с мужем. Трудно сказать, как к нам, близнецам, отнеслись родные, ведь по существу мы своим рождением спровоцировали эту тяжелую утрату. Знаю, что нас поместили в Дом ребенка № 5 по Ленинградскому шоссе в доме № 22. С началом войны этот дом со всеми детишками эвакуировали в город Пензу, где мы с братом находились до 1944 года. По рассказам бабушки, нас, малюток, сложили штабелями на полках пассажирского поезда и отправили из Москвы.

Следует особо отметить, что, по рассказам родных, в этом Доме ребенка не умер ни один ребенок. В Пензе, по рассказам нашей бабушки, нас кормили козьим молоком, приходили женщины-кормилицы,

Мама близнецов
Елизавета Михайловна

которые имели своих грудных детей и часть своего материнского молока отдавали нам. Сохранилась переписка нянечек с нашей бабушкой, Анной Ивановной Коломойцевой (Бородулиной), в которых нянечки информировали о нашем здоровье. Смутные воспоминания сохранились в памяти о времени пребывания в Доме ребенка.

Запомнился эпизод, что когда бабушка приехала в г. Пензу из г. Самарканда, куда была в октябре 1941 года эвакуирована Артиллерийская академия им. Ф.Э. Дзержинского, она привезла нам какие-то гостинцы, и мой брат Витя побежал угостить нашу нянечку, но головой ударился об угол стола, и ему у глаза наложили швы. Этот шрам у него сохранился и по сей день, хочется отметить, что его доброту преследует его постоянно.

Запомнился нам приезд в Москву в 1944 году в квартиру № 74 дома 19 по Большому Новинскому переулку в дом, где прошло наше детство.

Этот 12-этажный дом был построен в 1938 году, в нем должны были жить работники издательства «Известия». Но в этот период из Ленинграда в Москву была передислоцирована Военная Артиллерийская академия им. Ф.Э. Дзержинского. Для профессорско-преподавательского состава академии и других сотрудников и было отдано это большое 12-этажное здание по Большому Новинскому переулку.

Все квартиры, по существу, были коммунальными, как правило, по три семьи в каждой, только, насколько мне известно, генералам предоставлялись отдельные двухкомнатные квартиры. Знаю это по семье генерала Поповича из 5-го подъезда, т. к. мы дружили с его сыном Валерием и бывали у него дома.

Вообще в доме почти все друг друга знали, т. к. телевизоров не было, и в праздничные и выходные дни, особенно весной, все высыпали во двор. Как сейчас помню, у подъездов дежурили лифтеры, лузгали семечки, они знали всех жильцов дома. Мы, как правило, дружили с ребятами соседних домов, наш дом звали генеральским, т. к. рядом на месте нынешнего посольства Великобритании стоял 5-этажный красный дом корридорного типа с одной кухней на каждом этаже. Там жили менее обеспеченные семьи, но с ребятами мы дружили.

Между нашим 12-этажным домом и Москвой-рекой размещались дровяные склады, где мы играли и, честно говоря, хулиганили, а там, где начинается Новоарбатский мост, было большое озеро (болото), где мы умудрялись кататься

Братья-близнецы Коломойцевы:
Витя (слева), Миша (справа)
в Доме ребенка. 1941 г.

Братья Витя (слева) и Михаил
с дедушкой Михаилом Григорьевичем. 1945 г.

на плотях. В ту пору проспекта Новый Арбат (ранее проспект Калинина) не было, а на месте Дома Правительства начинался большой парк им. Павлика Морозова. В этом парке стоял памятник Павлику Морозову, которому мы возлагали цветы в различные праздники, а на месте здания Правительства Москвы (здание СЭВ) были различные неказистые дома и размещалась женская тюрьма. От старого метро Смоленская по Филевской линии до нашего дома к парку Павлика Морозова, далее к Зоопарку и к кинотеатру «Баррикады» ходил 19-й трамвай. Уровни территорий Большого Новинского переуллка и двора дома 19 (в настоящее время дома № 31) совпадали. Жалко, что в то время не было таких фотоаппаратов, как сейчас, поэтому эта часть территории, может, и сохранилась в архивах Музея Москвы, а так только в нашей памяти.

Что касается непосредственно нашей жизни, конечно, мы ее воспринимали такой, какой она была — и прекрасной, и беспечной, такой, как ее воспринимают сегодня современные дети от 4 до 10 лет. Я уже говорил, что мои года — мое богатство, ибо помню первомайские праздники, исключительно светлые воспоминания демонстраций на Красной площади. Тогда они были продолжительными, где-то до 16 часов. Мы с братом умудрялись вставать в колонны демонстрантов, которые начинали движение от Смоленской площади до площади Маяковского, оттуда до Тверской площади, где начинали формироваться отдельные колонны для прохода по Красной площади. Мы старались пролезть в крайнюю правую колонну, чтобы рассмотреть поближе Сталина. Вообще все было демократично и доброжелательно.

Жизнь протекала весело для нас, ребят нашего двора. В ту пору было модно играть в фантики, которые мы собирали по всей Москве. Самые ценные фантики были от конфет «Косолапый Мишка» и «Мишка на Севере». По весне все ударялись играть в эту игру. И было еще много различных развлечений.

Помню, как однажды (где-то в 1948 году) наш дядя Миша «Московский», так мы с братом его велича-

Витя. 1946 г.

Миша. 1946 г.

Бабушка Анна Ивановна с внуками. 1947 г.

ли, потому, что в Севастополе жил другой дядя Миша, которого мы называли «Севастопольский», он был капитаном 1 ранга, начальником связи Черноморского флота. Он часто приезжал к нам в Москву. Однажды с дядей Мишей «Московским» мы, т. е. я, мой брат и друг детства Миша Гразовский (из первого подъезда нашего дома) пошли в зоопарк, где каждому дядя Миша купил по бутылке лимонада, и это

было здорово! Казалось бы, мелочь, но в те годы это звучало как роскошь, поэтому так врезалось это незначительное событие в мою память.

Конечно, в ту пору подарками нас не баловали, как сейчас. Помню, дедушка на наш день рождения подарил мне и брату по фонарику, которые в тот же день кто-то из ребят увел, было очень обидно. Надо отдать должное, наша семья жила в ту пору в достатке, т. к. дедушка, очевидно, имел приличное денежное содержание. Наша бабушка нам уделяла большое внимание, мы начинали заниматься музыкой, игрой на пианино и других музыкальных инструментах, но эти занятия успеха нам не принесли. Устроила нас бабушка и на занятия по английскому языку. По истечении времени с особым трепетом вспоминаю те времена, то внимание и заботу наших родителей, которые, потеряв свою единственную дочь, всю теплоту отдавали нам, своим внукам.

Вся эта идиллия детства закончилась в 1950, а потом в 1952 году, когда в 1950 году не стало нашего дедушки, который в возрасте 56 лет скончался в госпитале им. Н.Н. Бурденко, а в 1952 г. ушла из жизни наша «бабуся». Я до сих пор не верю, что ушел он из жизни по болезни, т. к. операция по удалению язвы желудка прошла успешно, но последствия оказались плачевными. Насколько я помню из рассказов бабушки, его простудили в послеоперационный период. С тех пор у меня негативное отношение к прославленному госпиталю, ибо думаю, что смерть дедушки не была естественной. Наша бабушка его очень любила, и после ухода дедушки она сильно сдала, потому что периодически лечилась в кардиологии, и уже в 1952 году 9 ноября утром ее не стало. Ушла из жизни наша «бабуся», так мы с братом ее всегда называли, на моих глазах, а скорая помощь приехала слишком поздно. В тот период с нами жила племянница бабушки Ольга Алексеевна Бородулина, которая стала нашей опекуницей.

После похорон бабушки тетя Оля с помощью руководства академии им. Ф.Э. Дзержинского определила нас в Калининское суворовское военное училище. С ноября 1952 года я и мой брат стали суворовцами.

Первые впечатления были тяжелыми, т. к. после вольготной и беспечной жизни с нашей бабушкой мы попали в совершенно другую жизнь. Первые впечатления пребывания в суворовское училище сохранились наиболее остро и четко.

Завели нас с братом в кабинет к генералу А.И. Нерченко. Он нам показался огромным и строгим. Беседовал не долго. Ему, очевидно, предварительно сообщили о причинах, по которым нас определили в ноябре, когда занятия в училище уже шли полным ходом.

Определили нас в роту к полковнику П.М. Брагину, брата — во взвод подполковника Ф.И. Писаренко, а меня — во взвод майора П.П. Прохожаева.

Когда мы поступили, отдельного учебного корпуса еще не было, и занятия проходили в классах, расположенных там же, где были наши спальные помещения. На этаже, где размещался кабинет начальника училища, размещалась и канцелярия командира роты, там же было дежурное помещение, где, кстати, размещался и карцер. Там же, в этом коридоре, была наша каптерка, где хранились все наши формы: парадная, летняя (белая гимнастерка) и другие предметы одежды. Руководил там наш старшина Дмитриев. Кстати, к нам он относился исключительно внимательно и проявлял о нас отеческую заботу. Помню, он часто брал меня в нашу столовую, когда его назначали дежурным по столовой, которая находилась в полуподвальном помещении. Там на кухне было тепло, и он снабжал меня сухарями. Самый строгий в роте был старшина Тенюгин. Когда он дежурил, то по утрам на подъеме отбрасывал наши одеяла на спинку кровати и выгонял нас на физзарядку, сачкануть при нем было невозможно.

Адаптация меня и брата Вити к суворовской жизни проходила сложно. Доходило до того, что я ходил в кабинет начальника училища и просил отпустить меня домой в Москву, даже вынашивал план сбежать из училища. Дело в том, что коллективы там уже сложились, а мы с братом были там не ко двору. Главное, что программа

школы в Москве и программа в училище не совпадали и приходилось догонять, и если в школе я был отличником, то здесь с учебой не ладилось, и нас перевели в 5-ю роту к подполковнику И.Ф. Поливачу.

Помню, как в 1953 году 6 марта я проснулся в 6 утра, вышел в коридор, а там командир роты подполковник И.Ф. Поливач носил на руках Александра, сына Василия Сталина. Подняли нас всех рано и сразу повели в клуб,

Суворовцы братья-близнецы
Михаил (слева) и Виктор Коломойцевы

где генерал А.И. Нерченко, вытирая слезы, сообщил, что умер наш вождь и отец И.В. Сталин.

Мы в ту пору готовили обращение, чтобы нас переименовали в сталинцев. Для нас, естественно, его образ был святым, т. к. все успехи нашей страны связывались с именем великого Сталина. Перед зданием старого корпуса стоял большой памятник И.В. Сталину. На этом дворе в день похорон нас всех выстроили, и мы слушали выступления на Красной площади Н.С. Хрущева, Л.П. Берии и других руководителей. А Сашу, внука Сталина, увезли на машине в Москву. Через некоторое время он вернулся в училище, но фамилия его стала по фамилии матери — Бурдонский. Вообще помню, парень был добрым и очень скромным, правда, уже после летних каникул он в училище не вернулся. В настоящее время А.В. Бурдонский стал выдающимся режиссером в Московском театре Российской Армии, народным артистом России.

На каникулах мы с нашей опекуней тетей Олей ходили в Мавзолей «Ленина, Сталина». Длиннющие очереди выстраивались в Александровском саду с 6 утра. Вход в ту пору осуществлялся по билетам красного цвета, которые выдавались в государственных учреждениях и различных организациях.

В нашей роте было несколько ребят, круглых сирот, и нам на праздники 1 мая и 7 ноября выдавали по 25 рублей, которые я, например, тратил почти в течение месяца, покупая в буфете конфеты-подушечки по цене 1 рубль. А все необходимые

атрибуты личной гигиены и ухода за обувью и вещами нам периодически выдавали бесплатно.

Офицеры-воспитатели к нам относились хорошо, по-отцовски, все они были участниками боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Довольно продолжительное время нашим взводом командовал майор Семен Аронович Аронов, потом его сменил майор И.И. Рябой, который нас и выпускал. Ротой командовал до нашего выпуска подполковник Е.В. Ежов, а у Вити офицером-воспитателем был майор П.В. Надеждин, интеллигентный и исключительно тактичный командир. Вообще командиров мы уважали и любили. Надо отдать должное, что они были с нами практически от подъема до отбоя.

Наши учителя были, как правило, военными. В памяти моей остались такие замечательные педагоги, как преподаватель биологии майор Гаврилов. Я у него работал на подсобном участке

Суворовец М. Коломойцев — ассистент у Боевого Знамени Калининского СВУ. Знаменосец — суворовец И. Удальцов. 1956 г.

у стадиона, выращивал клубнику и даже стал участником ВСХВ и был награжден медалью, которой очень гордился. Выдающимся учителем литературы был майор А.М. Абрамов, кстати, заслуженный учитель РСФСР. До сих пор помню все стихотворения и прозу, которую он заставлял нас учить наизусть, убеждая, что это развивает память и интеллект. Также запомнились:

- по математике — капитан Горкина;
- по английскому языку — Н.С. Патова (Никитина);
- по химии — И.И. майор Бородин;
- по физподготовке — капитан Л.Г. Прошин, мастер спорта по гимнастике;
- старший преподаватель по физподготовке — майор В.Г. Осмоловский.

Их образы и сегодня стоят перед глазами и в памяти, т. к. все те 8 лет учебы в училище мы постоянно были с ними, ощущали их внимание и заботу.

После того, как в училище нагрянула беда (повальное заболевание дизентерией), начальник училища генерал-майор А.И. Нерченко в 1954 году был переведен начальником Ташкентского командного училища им. В.И. Ленина. На его место был назначен генерал-майор Иван Александрович Долгов, который командовал училищем до 1956 года, а с 1956 по 1959 годы — генерал-майор Дмитрий Иванович Загребин, а выпускал меня из училища в 1960 году уже полковник Борис Александрович Костров, который принял училище в 1959 году.

Фото курсанта-отличника М. Коломойцева
у развернутого Красного Знамени
Коломенского артиллерийского училища

Мне особенно запомнился генерал-майор Д.И. Загребин, который перед строем училища в 1958 г. вручил мне ценные подарки (часы с хронометром и бинокль), которыми я был награжден за первое место по пулевой стрельбе в Московском военном округе.

Соревнования проходили на стрельбище в Алабино, как раз в период, когда был запущен первый спутник Земли, т. к. там же, на плацу, по вечерам мы наблюдали за его полетом.

В ту пору нас тренировал старшина Рабий. Стрелял я из винтовки МЦ-12 со (шнеллером-ускорителем) 20-пульный стандарт: лежа, с колена и стоя (первый разряд был 535 очков) и из пистолета Марголина 30 выстрелов на 50 метров. Тогда команда Калининского СВУ заняла первое место.

В ту пору обращение с оружием было свободным и вполне демократичным. Достаточно сказать, что в солдатской казарме, где жила наша команда, оружие, автоматы и другие образцы стрелкового оружия хранились в незапирающихся пирамидах в коридоре. В самом училище наше стрелковое оружие хранилось в специальной комнате, ключи были у членов команды, и мы в любое время там тренировались. В тир ходили свободно, никто нас не контролировал.

Наша команда принимала участие в первенстве суворовских военных училищ в г. Воронеж. Там, кстати, было великолепное стрельбище. Занимала наша команда первые места и в Ленинграде, где мы соревновались с командой Ленинградского и Московским СВУ в Филях.

Курировал нашу команду заместитель начальник училища полковник Г.П. Седов, исключительно добрый и внимательный командир, который с нами ездил во все командировки.

Вообще наша команда была дружной, мы все друг друга поддерживали. Лично я дружил со всеми в команде, особенно с Колей Быковым, Женей Кулебяновым. Кстати, Коля живет под Санкт-Петербургом, он был у нас в команде одним из лучших стрелков.

Много внимания уделялось у нас в училище строевой подготовке, т. к. училище, особенно когда еще не было создано в Филях Московского СВУ, было постоянным участником военных парадов на Красной площади, а участвовали в парадах мы два раза в год, 1 мая и 7 ноября. Тренировки начинались за два с половиной месяца, в начале на территории училища, а за месяц до парада — в Москве.

Жили мы, если мне не изменяет память, в казармах на Красной Пресне, тренировки проходили ежедневно по 4 часа на набережной Москвы-реки в Парке культуры и отдыха им. М. Горького, а во второй половине дня ездили в какую-то школу, где с нами наши учителя из училища проводили занятия.

Кормили нас тогда просто «на убой», шоколад давали ежедневно, а перед Парадом 1 мая нам выдали аж по семь плиток. В этом же городке в Краснопресненских казармах жили и суворовцы Тульского СВУ, Ленинградского нахимовского военно-морского училища.

Запомнился мне парад 1 мая 1957 года тем, что это был последний парад, который принимал Маршал Советского Союза, прославленный полководец Георгий Константинович Жуков, т. к. уже через полгода его отстранили от должности

Министра обороны СССР. Прошло уже около 60 лет, но и сегодня в памяти сохранились впечатления о том параде. Мы были наслышаны, какие высокие требования предъявлял маршал к строевой выправке участников парада. Помню, как на одну из последних тренировок на Ходынском поле, где привлекались все войска, прибыл Г.К. Жуков. После одного из прохождений он приказал нашему батальону еще раз пройти перед всеми участниками парада, чтобы продемонстрировать, как надо ходить торжественным маршем. В период прохождения произошел казус, ибо когда мы перешли на торжественный марш, оркестр начал играть, но под правую ногу. Это нас не смутило, и мы прошли отлично.

Витя (слева) и Миша с двоюродными сёстрами Галей и Томой. Вёсьегонск

И вот 1 мая, Красная площадь. Мы выстроились перед Лобным местом. Г.К. Жуков принимает рапорт командующего войсками Московского военного округа Маршала Советского Союза К.С. Москаленко и начинает объезд войск. Все внимание на него, маршала Победы. Видишь его торжественно-серьезное лицо. Он здоровается с суворовцами и нахимовцами, поздравляет с Первомаем. Мы дружно произносим троекратное «Ура!». И в самый последний момент замечаем, что его глаза как-то потеплели, на лице появилась добрая, отеческая улыбка. Таким вот и запомнился мне на всю жизнь этот удивительный человек.

В моей памяти свежи дни, проведенные в полевом лагере Кокошки и в Путиловских лагерях, расположенных на противоположном берегу Волги. При генерале А.И. Нерченко мы совершали 30-километровый пеший марш от училища до лагеря Кокошки. Одевали рюкзаки, шинели в скатку через плечо и по другую сторону реки Волги через Комсомольскую рощу выдвигались в полевой учебный центр. Было тяжело, т. к. лет было 12–13. Помню, отекали руки, вообще мы героически преодолевали трудности. Генерал А. И. Нерченко напутствовал нас в поход выражением «Люблю походы». Где-то часа через 2–3 пути на привале наш старшина Дмитриев кормил всех обедом. Надо отдать должное, что военная подготовка у нас проводилась на достаточно высоком уровне, ведь все наши воспитатели были военными, активными участниками войны, программа военной подготовки была достаточно насыщенной.

В лагерях Кокошки и в Путиловских лагерях мы водили и БТР-40 и БТР-152, изучали материальную часть, в частности минометы. У меня сохранилось много фотографий, т. к. брат Витя увлекался фотографией и много снимал, тогда это было непросто, фотоаппаратами ФЭД и «Зенит». Сегодняшнее поколение и не знает,

Слева Миша, справа Витя Коломоицевы, посредине Юра Новоселов, суворовцы на войсковой стажировке. Путиловские лагеря. 1960 г.

что такое иметь в фотоаппарате пленку на 36 кадров, после чего ее нужно было проявлять в специальной темной комнате, затем закреплять, и печатать через увеличитель в комнате с красным светом, чтобы не засветить бумагу, — короче, довольно сложный и длительный процесс.

Когда Л.П. Берия объявили врагом народа, мы утром по репродуктору услышали это сообщение и, уже идя в столовую, видели, как на земле топтали большой портрет Л. Берии. В эту пору нам это было не совсем понятно, учитывая наш

возраст 12 лет, т. к. для нас они все были вождями. Мы тогда пели песню: «Берия, Берия — вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков».

Как бы тяжело ни было, но и в годы войны, и после государство проявляло всяческую заботу о детях, ничего для них не жалело. Слова «Все лучшее — детям!» были не просто лозунгом, они подтверждались конкретными благородными делами.

Уже в 1943 в освобожденных городах Калинин, Воронеж, Тамбов, Туле и других были созданы первые суворовские военные училища. Для их размещения предоставлялись лучшие здания. С фронта на должности офицеров-воспитателей были направлены наиболее подготовленные офицерские кадры. Училища укомплектовывались высококвалифицированными учителями, специалистами. Питание, материальное обеспечение — все было организовано на самом высоком уровне. И это в разоренной-то стране! От нас же требовалось одно: не лениться, хорошо учиться, не нарушать дисциплину.

После окончания суворовских училищ их выпускники, как правило, выбирали военную стезю. Не стало исключением это и для меня.

Я, как и большинство выпускников училища, решил поступать в артиллерийское училище, тем более что часть из них была перепрофилирована в ракетные — происходило становление нового вида Вооруженных Сил. Мой брат Виктор решил поступать в Киевское училище связи им. М.И. Калинина, после окончания которого продолжал службу в Одесском высшем общевойсковом командном училище.

После окончания училища был направлен в Прибалтийский военный округ, в город Черняховск, в 11-ю ракетную бригаду командиром взвода управления. Тогда мне повезло, что в Управлении кадров ПрибВО встретил своего командира, заместителя командира взвода в училище и друга Илью Корабликова, который sagитировал меня проситься для службы на ракетном комплексе 9K72 в городе Черня-

ховске. По прибытии в 11-ю ракетную бригаду в г. Черняховск я просил командира ракетной бригады полковника А. Волкова назначить меня на должность оператора, так как эта должность в ракетных войсках была одной из самых престижных. Увы, вакансии не оказалось. Но нет худа без добра: я, будучи командиром взвода управления, освоил смежную специальность оператора, что впоследствии способствовало успешному решению задачи по взаимозаменяемости на состязаниях ракетных батарей. 9-я стартовая батарея майора Степушкина, где я начал свою службу, тогда стала лучшей в ПрибВО, и мне досрочно присвоили воинское звание «старший лейтенант».

В 1966 г. начался процесс замены устаревших ракетных комплексов оперативно-тактического назначения в ГСВГ на новые, более совершенные, и нашу бригаду передислоцировали в состав 8-й общевойсковой армии в города Вейсенфельс, Наумбург и Иену. В Германии меня назначили на должность начальника ОПД дивизиона, а затем помощником начальника оперативного отдела штаба ракетной бригады.

В 1969 г. с этой должности я поступил в Ленинградскую Военную артиллерийскую академию, которую в 1973 г. окончил с отличием. Там же, в Ленинграде, познакомился с прекрасной девушкой Евгенией, женился и в 1971 г. у нас появился первенец Сережа, который также, правда, после 8-го класса, стал суворовцем и после окончания Калининского СВУ поступил в Киевское общевойсковое училище на разведфакультет. Дальнейшая его служба была подчинена сложной профессии разведчика в аппарате ГРУ. Затем в Управлении штаба МВО. Уволился в звании подполковник по оргмероприятиям. Женился на девушке Наташе, имеет сына Мишу (моего внука).

После выпуска из академии я был назначен командиром ракетного дивизиона в 44-ю ракетную бригаду в городе Шуя Ивановской области. За высокие результаты, показанные ракетным дивизионом, которым я командовал, на учениях с пусками боевых ракет на полигоне Капустин Яр в 1975 году я был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

В том же году досрочно получил звание «подполковник» и был назначен на должность заместителя командира 44-й ракетной бригады.

Тот 1975 год, пожалуй, был одним из самых счастливых в личной моей жизни. В нашей семье появился сын Саша. Он тоже впоследствии учился в Московском суворовском военном училище, по окончании которого поступил в Военный университет Министерства обороны на прокурорско-следственный факультет, в дальнейшем проходил службу в должности военного следователя в прокуратуре МВО, затем Московского гарнизона, в Республике Абхазия. В настоящее время — подполковник, заместитель военного прокурора Одинцовского гарнизона. Женился на Кате, имеет сыновей Диму, Юру, Ваню (моих внуков). Я, признаюсь, очень горжусь своими сыновьями, рад, что служба у них сложилась успешно. В этом же 1975 году жена поступила в Шуйский педагогический институт.

...В 1976 году бригада была передислоцирована в Среднеазиатский военный округ, в город Семипалатинск, где и началось ее обустройство. Кроме солдатской казармы и штаба, в военном городке больше ничего не было. Приходилось боевую учебу совмещать с обустройством бригады. В те годы ракетной брига-

де была поставлена задача проведения боевых пусков ракет не с полигона Капустин Яр, а непосредственно из района под Семипалатинском, и ракетчики успешно справились с этой задачей. Командиром ракетной бригады был полковник В.П. Собчак. Следует отметить, что все задачи, поставленные нам командующим войсками САВО генералом армии Лященко и начальником РВИА генерал-лейтенантом В.Я. Волковым по обустройству соединения, были выполнены в полном объеме. Я в ту пору, откровенно говоря, в течение четырех лет не имел отпусков, да и выходных дней, т. к. нагрузка была очень большая, и помимо этого нас подвергали различным проверкам комиссия округа и Главная инспекция Министерства обороны СССР.

В 1981 году я был назначен командиром 22-й ракетной бригады в Южную группу войск, в город Домбовар, где прослужил 5 лет. За успехи бригады на учениях и освоение новой техники был награжден орденом «Красной Звезды».

Тогда благодаря самоотверженному труду ракетчиков и артиллеристов Сухопутных войск, возглавляемых маршалами артиллерии Г. Передельским, а затем В.М. Михалкиным, шло последовательное наращивание и качественное совершенствование этого рода войск. Ракетные войска и артиллерия оснащались высокоточными комплексами и боеприпасами. К слову, мы до сих пор пользуемся потенциалом, созданным именно в то время.

В 1986 году я был назначен начальником ракетных войск и артиллерии 32-го армейского корпуса в Одесском военном округе, в 1988-м — заместителем начальника ракетных войск и артиллерии МВО, а в 1989-м — начальником штаба — первым заместителем начальника ракетных войск и артиллерии этого округа. В 1990 году накануне празднования 45-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне мне было присвоено воинское звание «генерал-майор».

Что касается судьбы моего брата Виктора Коломойцева, то он после окончания Калининского СВУ поступил в Киевское училище связи. По окончании училища был направлен для прохождения службы в Одесский военный округ. В 1968 году поступил в Военную академию им. М.В. Фрунзе, по окончании которой проходил службу в ГСВГ в должности командира батальона и в последующем полка РЭБ. Затем проходил службу в Управлении РЭБ штаба Сухопутных войск, на военной кафедре Института им. Мориса Тореза, в Военной академии им. М.В. Фрунзе в должности заместителя начальника тыла академии и в последующем заместителя начальника разведывательного факультета. Уволился в запас в воинском звании «полковник».

В 1968 году женился на девушке Зое, имеет дочерей Аню и Алену, двух внуков и двух внучек.

В заключение изложения моей и моего брата биографий хотелось бы сказать, что на протяже-

Полковник В.М. Коломойцев

Генерал-майоры М.М. Коломойцев, Ю.И. Федоров (начальник Калининского СВУ), А.А. Друкарев (Тамбовское СВУ) на празднике, посвященном 60-летию создания СВУ (слева направо). 30 августа 2003 г.

нии нашей службы нам посчастливилось встретить замечательных людей, которые оказывали нам поддержку, принимали участие в нашем становлении, за что хочется выразить глубокую благодарность, прежде всего, семье генерал-лейтенанта Андрея Васильевича Соловьева, который вместе с супругой Людмилой Александровной прошел всю Великую Отечественную войну и оказал исключительно доброе внимание моему брату Виктору, что сыграло значительную роль в его становлении. С особой теплотой мы с братом хотим отметить большое и доброе отношение к нам со стороны удивительного и прекрасного человека, генерал-лейтенанта Виктора Петровича Лелина, начальника Управления кадров Сухопутных войск, с которым моему брату посчастливилось пройти службу еще в Одесском военном округе.

С особой теплотой и благодарностью хочется отметить выдающегося артиллерийского военачальника, активного участника Великой Отечественной войны Маршала артиллерии Владимира Михайловича Михалкина, начальников РВиА Московского военного округа генерал-лейтенанта Бориса Ивановича Крупенина и генерал-полковника Владимира Николаевича Зарицкого, под началом которых мне посчастливилось проходить службу в Московском военном округе.

В 1996 году после увольнения в запас меня по рекомендации бывшего заместителя начальника штаба МВО генерал-майора Е. Вершинина приняли на работу в Правительство Москвы советником в аппарат Э.А. Бакирова, первого замести-

теля Председателя Правительства Москвы Ю.М. Лужкова. В эти годы правительство Москвы и мэр столицы Юрий Лужков большое внимание уделяли моральной и материальной помощи военнослужащим Министерства обороны, Пограничной службы, ФСБ, Внутренних войск. Основное внимание уделялось нашим ближайшим соединениям и комендантскому полку.

После создания Управления по работе с органами обеспечения безопасности правительства Москвы во главе с Николаем Васильевичем Куликовым мне было поручено возглавить отдел по взаимодействию с органами военного управления и органами, участвующими в обеспечении общественного порядка.

Перечень вопросов, которыми занимались сотрудники отдела, займет не одну страницу, начиная с участия в подготовке федеральных законов по оборонным вопросам и заканчивая организацией мероприятий, связанных с проведением праздничных дней и памятных дат военной истории Отечества. Главными же были вопросы, связанные с антитеррористической деятельностью,

с учетом того, что это был период откровенного разгула террористических организаций, в том числе и в нашей столице. Значительное внимание пришлось уделять работе с военкоматами и подшефными воинскими частями.

Уволившись с Государственной службы по возрасту и не мысля себя без работы, начал трудиться в общественно-государственной организации ДОСААФ России, затем в Представительстве Волгоградской области в г. Москве.

В настоящее время, как бывший суворовец, был избран на должность Руководителя Международного секретариата Международной Ассоциации «Кадетское братство»

Генерал М.М.Коломойцев с семьей

КОЛОС

ЛЕВ АКИМОВИЧ

(25.04.1941 г.)

Лейтенант Л. Колос. 1965 г.

Родился в г. Луга Ленинградской области. Отец погиб в годы Великой Отечественной войны. В 1953–1960 гг. учился в Минском СВУ. В 1965 г. окончил Минское высшее инженерное зенитно-ракетное училище. Службу проходил в войсках ПВО страны на технических должностях. Подполковник в отставке.

Из воспоминаний Льва Акимовича Колоса

Родился в семье военнослужащего, оперуполномоченного НКВД в г. Луга Ленинградской области. Когда началась война, мне исполнилось 2 месяца. Принимая меры к спасению семьи (матери в это время было 23 года), отец прислал за нами бричку, чтобы обеспечить эвакуацию семьи вглубь тыла страны. В результате семья оказалась в Удмуртии, в г. Ижевске. Мать, окончившая до войны Ленинградское педагогическое училище, движимая патриотическими чувствами, решила уйти вольнонаемной в армию, предварительно сдав меня в детский дом. Все последующие 4 года (1941–1945 гг.) она работала в армейском штабе и только в 1945 г. забрала меня из детского дома и поехала к своим родителям в Новгородскую область, где дедушка в довоенное время служил священником. Во время войны церковь была уничтожена фашистами, и семье приходилось восстанавливать разрушенное войной и перенесенными невзгодами личное подворье и домашнее хозяйство. Здесь же я пошел в школу. Семья испытывала те же трудности, что и все население западной части страны. Нам с мамой в какой-то степени, может быть, было легче, т. к. мы получали пенсию за не вернувшегося с войны отца, и мама имела работу, последовательно продвигалась по служебной лестнице, от воспитателя в детском саду, преподавателя географии до директо-

Семейная фотография:
Лева и мама. 1947 г.

*Первая фотография с мамой
в суворовской форме. 1953 г.*

ра школы. В этой должности она проработала 17 лет (1950–1967 гг.).

Родители отца проживали в разрушенной войной Беларуси (Гомельская область). Пытаясь определиться в жизни, я мечтал о нахимовском училище, но обстоятельства сложились так, что в 1953 году, после окончания 4 классов начальной школы, я оказался в Минском СВУ.

Все попытки в послевоенное время узнать судьбу отца успеха не приносили. И совсем недавно судьба предоставила мне счастливый случай. Разговорившись с женщиной в общественном транспорте и узнав, что она работает в Красном Кресте, я попросил ее о содействии проводимому розыску. Оказывается, старший лейтенант Колос Аким Павлович погиб в боях на Невской Дубровке 27 октября 1941 г. Мать, умершая всего лишь 4 года назад в возрасте 89 лет, так и не узнала о судьбе мужа и моего отца. После полученного приглашения от местной администрации принять участие в праздновании Дня Победы 9 мая мне

предстоит поклониться могиле отца и сказать: «Здравствуй отец. Я не мог помнить тебя, но я все свои 74 года ждал встречи с тобой. И вот она состоялась».

*Мария Ивановна Колос с группой во время ее работы
в детском саду. Справа от нее сын Лева. 1946 г.*

Офицер-воспитатель Г. И. Никулин на привале марш-бросок с полной боевой выкладкой в период пребывания в лагере Трепалово (Вилейский район). На переднем плане суворовец Л. Колос

Матчевая встреча баскетбольных команд Минского, Московского, Ленинградского и Тульского СВУ. Слева направо члены сборной команды: В. Капшук, Вяч. Иванов, Л. Колос, Д. Дроздов, В. Ширяев (набора 1956 г.), г. Минск, 1960 г.

КРИВОЛАП АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (10.04.1944 г.)

Полковник А.А. Криволап

Криволап Анатолий Александрович, полковник, заместитель начальника Национального агентства РБ по контролю и инспекциям (1992–1993 гг.), выпускник Новочеркасского СВУ 1963 года (последний 15-й выпуск). Окончил Ленинградское ВОКУ им. С.М. Кирова (1966 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1977 г.), Академические курсы усовершенствования командиров дивизий при Военной академии бронетанковых войск им. маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского (1983 г.). До поступления в академию (1966–1974 гг.) служил в Сибирском военном округе в должностях командир взвода, роты, батальона, а после ее окончания получил назначение на должность начальника штаба полка в Белорусский военный округ. В 1979 году убыл на 2 года в заграничную командировку в Эфиопию, где был военным советником командира бригады, затем дивизии.

После возвращения в округ служил в должностях старшего офицера штаба армии, начальника оперативного отделения — заместителя начальника штаба дивизии (1982–1984 гг.).

В 1984 году получил назначение старшим офицером в оперативное управление штаба Белорусского военного округа, через полгода — заместителем начальника отдела оперативной подготовки и информации. С 1991 года — начальник отдела реализации договоров штаба округа, с 1992 года — заместитель начальника Национального агентства по контролю и инспекциям Республики Беларусь. Уволился в запас в 1993 году.

Работал в Министерстве иностранных дел на должности первого секретаря отдела международной безопасности и контроля над вооружениями. Был заместителем руководителя, руководителем делегаций Республики Беларусь на переговорах по

*Полковник
А.А. Криволап*

Договорам об ОБСЕ и «Открытое небо», Венскому документу в Вене, по договорам об РСМД и СНВ в Женеве.

С 1994 по 1999 год работал в Государственном секретариате Совета Безопасности Республики Беларусь в должности главного специалиста.

Награжден медалью «За боевые заслуги», другими медалями Вооруженных сил СССР и Республики Беларусь.

Общественная работа — заместитель председателя Совета общественного объединения Белорусский суворовско-нахимовский союз (БСНС), председатель Совета старейшин БСНС.

За активную работу награжден орденом «Кадетский крест» II степени, медалью «За служение Родине с детства» Международной ассоциации «Кадетское братство».

Женат. Вырастил двоих детей, имеет троих внуков. Живет в Минске.

Из воспоминаний Анатолия Александровича Криволапа

Я родился через три месяца после освобождения нашего села (около 25 км от г. Беляя Церковь) от немцев при проведении Житомирско-Бердичевской операции. Безусловно, появившись на свет, я не могу быть участником и даже свидетелем тех военных событий. Но я помню некоторые события того, послевоенного времени, несмотря на то, что тоже был еще мал. Но мы, дети того времени, слишком рано стали свидетелями и участниками послевоенной жизни.

Как-то в разговоре с коллегой была затронута эта тема, и даже произошел спор. Высказывая свое мнение по поводу решения собрать материалы и издать воспоминания детей, родившихся до войны, во время войны включительно по 1945 год, он заявил: «В книгу должны войти воспоминания только тех суворовцев, которые принимали участие в боевых действиях и тех, которые были очевидцами боевых действий, а что касается остальных — это их проблемы, и они никого не волнуют, это никому не интересно».

Слова бывшего политработника меня очень расстроили. Я больше недели был в раздумьях, стоит ли делиться воспоминаниями, да и вообще, чего стоят воспоминания мальчишек, детей, по сути, в чем их ценность? Кому нужны эти воспоминания? После раздумий понял: дело именно в том, кто пишет и о чем эти воспоминания. И главное здесь — не личность пишущего, как литератора, а описываемый, очень не простой отрезок времени, который отложился в нашем детском, еще не способном дать оценку происходившим событиям, сознании. И это нужно было пережить. Стремление и возможность выжить в то время, принимая во внимание все трудности и ужасы — это наверно, не подвиг, но все, что связано с этим периодом времени, заслуживает того, чтобы мои дети, внуки и правнуки знали о жизни мальчишки из простой крестьянской семьи.

Все мы читали мемуары и романы, которые издавались на волне Великой Победы и не могли не заметить, что большая часть из них грешит желанием что-то приукрасить, что-то опустить, где-то выпятить свои заслуги, скрыть неприглядные факты и возвеличить события и личности. Поразмыслив над всем этим,

Суворовец А. Криволап

мне подумалось, что если будем честно, исключив предвзятость и неискренность, делиться своими воспоминаниями, то они помогут более полно донести до наших потомков настроения, взгляды и отношение глазами мальчика, ребенка наивного и простодушного, к тем условиям и событиям, к которым мы имели непосредственное отношение.

Как и у многих детей военного времени, моя судьба схожа с судьбами многих сверстников. Отец, вернувшись с фронта, прожил совсем недолго, умер, оставив на попечение матери трех несовершеннолетних сыновей. После смерти отца тяжело заболела мама.

Старший брат в это время уже учился в Рижском художественном училище. Поэтому все заботы легли на наши, со средним братом Юрием плечи. И вот только после того, как заболела мама, мы поняли, сколько нужно было иметь сил, чтобы успеть управиться по хозяйству и каждый день без выходных, в страду, работать в колхозе. Да, по мелочам мы ей во многом помогли, но все равно она трудилась от зари до зари. Наше хозяйство, на то время, было довольно большое: дом, хозяйственные постройки, огород полгектара, сад, корова, домашняя птица и др. и за всем этим нужно было смотреть, поить кормить, доить и убирать.

Чтобы успеть до ухода в школу, мы с братом вставали очень рано, он кормил, поил корову и птиц, а я относил молоко в приемный пункт, после того, как бабушка-соседка доила корову, это был обязательный налог. В приемном пункте проверялась жирность молока и говорили, сколько еще необходимо сдать до нормы. Также был и обязательный налог на фруктовые деревья, когда приходила пора сбора фруктов, по деревне ехал приемщик, все жители должны были сдавать ему фрукты, он взвешивал и отмечал в журнале. После сдачи молока я бежал домой, чтобы успеть пропустить свое и односельчан молоко через сепаратор, он был единственный на всю улицу.

Помню очень хорошо, когда начиналась уборка зерновых, вся школа во главе с директором, учителями выходила в поле и собирали колоски, но их нельзя было нести домой, необходимо было сдавать по весу, и в конце подводились итоги. И даже после этой уборки колосков собирать их для собственных нужд было нельзя. Поля охранялись верховыми с нагайками на лошадях. Но мы частенько, чтобы «насолить» и подразнить, особенно злых, надсмотрщиков собирались гурьбой, шли в поле и собирали колоски. Как только он нас замечал — мчался во весь опор, чтобы отрезать нам путь к огородам, где он уже не мог нас преследовать. А мы все враспынную, кто куда, иногда, конечно, и доставалось, но это нас останавливало. Я до сих пор поражаюсь, как мы могли нести по скошенному полю и на босых ногах не было ни одной царапины, в то время когда просто приходилось ходить по

стерне, поднимали ноги как цапли и старались найти место, куда их поставить, то в обязательном порядке все ноги были в царапинах.

Кроме сбора колосков, помню даже, как нас выводили на борьбу с саранчой, на прополку свеклы, уборку кукурузы, помидоров и бахчевых (есть можно было, но ни в коем случае не уносить с собой). Жизнь деревенских мальчишек, у которых не было здоровых родителей, заставляла слишком рано ко всему относиться по-взрослому и выполнять, казалось бы, непосильную для их возраста работу.

Сейчас, когда чуть ли не с рождения у каждого мобильные телефоны, в семье компьютеры, планшеты, трудно даже представить, тогда в деревне в 80 километрах от Киева не было электричества. Уроки учили при керосиновых лампах, особенно зимой.

Помню, как старший брат Михаил, еще до отъезда в Ригу, с друзьями провели в дом радио: один шест укрепили на сарае, а другой — на дереве, между ними натянули провод (антенну) с белыми керамическими изоляторами. Другой провод от антенны завели в дом, соединили с каким-то ящичком, с белым, красивым кристаллом. Иголкой нужно было тыкать по этому кристаллу и поймать речь или музыку. Моей радости и гордости за брата не было границ!

В каждом доме была русская печь, в печах готовили еду для себя, для животных и птиц, пекли хлеб. Печь была основным источником тепла в доме.

Хлеб пекли из муки, для этого отводилась половина огорода, где сеялась рожь, когда она созревала, ее косили вручную, вязали в снопы и складывали в копны, затем обмолачивали цепами на току, веяли и засыпали в амбар. По необходимости зерно отвозилось на мельницу, занималась очередь, порой приходилось ждать сутки и более, но какими довольными были лица людей, которые уезжали с мельницы в повозке полностью загруженной мешками с мукой.

Для нас с братом, это было нелегко сделать. Нужно было договориться о транспорте, потом погрузки, разгрузки зерна, затем муки, ему 14 лет, мне — 8. Правда, соседи, видя наше положение, во многом нам помогали: скосить рожь, вспахать огород, посадить и выкопать картофель, кто за услуги пользования сепаратором, а кто из сострадания. В деревне жили очень хорошие, добрые и честные люди, дома на замки не запирались, если дома никого нет, то на входной двери или на калитке петля для замка просто ложилась на дужку.

Хорошо запомнился день ранней весны. Утром, управившись с домашними работами, собрал сумку для школы. За мной как обычно зашла учительница (она

Встреча выпускников Ленинградского ВОКУ

Суворовцы–новочеркасцы

Слева на права В. Черетников, А. Криволап, В. Яковенко,
Новочеркасск 2013 г.

с мужем, он тоже учитель, недалеко от нашего дома снимали квартиру). Идем по разбитой весенней дороге, стараясь обойти лужи и грязь. Смотрим — впереди и сзади необычно много идет людей, наших сельчан. Подходим к школе, а тут уже чуть ли не все село собралось, стоят тихо, в школу не заходят... Через какое-то время из репродуктора: «5 марта в 9 часов 50 минут после тяжелой болезни скончался Иосиф Виссарионович Сталин...»

Все люди стояли, сняв шапки и опустив головы, а из репродуктора говорилось и говорилось... Постепенно то одна, то другая женщины подносили уголки платков к глазам и вначале украдкой, как бы стесняясь, вытирали скатывающиеся слезы. Чем дальше слышалась речь диктора, тем все больше и больше людей начинали вытирать слезы, и уже, не стесняясь, кто кулаком, кто шапкой вытирали слезы мужчины, кое-где уже начались всхлипывания, потом это перерастало в рыдания собравшихся.

Дети, не понимая, в чем дело, но видя, что взрослые плачут, начали тоже плакать, но никто никого уже не успокаивал. И потом, когда объявили про траур, загудели машины, заводы, толпа просто редела. Для всех было это большим потрясением. Я не помню, сколько времени это продолжалось, но показалось, что очень долго. Потом кто-то еще что-то говорил, но я уже бежал, чтобы рассказать маме.

Через года полтора и нашу семью постигло самое страшное горе — умерла наша мама. Семьи как таковой не стало, жизнь разбросала нас на тысячи километров друг от друга.

А.А. Криволап с семьей. 1989 г.

Старший брат Михаил, закончив Рижское художественно-полиграфическое училище, был направлен в Дагестан и начал работать в редакции альманаха «Дружба». Средний брат Юрий пошел учиться в фабрично-заводское училище, а самый младший, то есть я — в СВУ. Но это уже совсем другие истории.

КРИЧЕВСКИЙ ГЕННАДИЙ ПЕТРОВИЧ

(май 1936 г., по паспорту 5.05.1938 — 2.04.2011 гг.)

Человек жив, пока о нем помнят. Писать о таком человеке, дружба с которым продолжалась не один десяток лет, непростое дело, и просьба друзей внести вклад в память об этом чрезвычайно талантливым, добрым и умным человеке ко многому обязывает.

Начну с того, что он сам о себе писал в своей автобиографии.

Но, думаю, уместно начать со стихотворения, написанного им на придуманную им мелодию, эта песня неоднократно звучала на концертах в его исполнении на встречах с суворовцами-выпускниками, его друзьями:

Отшумели веселые годы,
Время юности, время весны,
Мы все той же кадетской породы,
Потому что мы — дети войны.

Мы коммуною жили, не ныли
И мы были друг другу верны,
Мы Отчизне почести служили,
Потому что мы — дети войны.

А теперь, когда стали седые,
Мы остались друг другу верны,
Просто были всегда мы родными,
Потому что мы — дети войны.

Из воспоминаний Геннадия Петровича Кричевского

«Я, Кричевский Геннадий Петрович, русский. Родился 5 мая 1938 года в семье служащего. Отец мой — музыкант, работал в оперном театре, мать работала медсестрой в поликлинике.

Во время войны находился вместе с матерью в партизанском отряде до 1943 года. Отец вскоре погиб на фронте. Я был отправлен вместе с ранеными в тыл, где попал в детдом в г. Темников (Мордовская ССР). После войны меня разыскала мать, и мы приехали снова в Минск. Здесь я опять попал в детдом. Потом посту-

Г. Кричевский. Курск, 1956 г.

пил в школу. В школе проучился до 4-го класса и поступил в суворовское военное училище (г. Курск), которое окончил в 1956 году. В 1956 году был направлен в Свердловское высшее суворовско-офицерское училище, но был комиссован по состоянию здоровья.

По приезду в Минск устроился работать на полиграфкомбинат. С этого времени начинается моя самостоятельная работа. На этой же работе поступил в институт.

Проработав 4 года на полиграфкомбинате, уволился и перешел на часовой завод, потом перешел работать в Трест столовых и ресторанов, проработав год, перешел работать в трамвайно-троллейбусное управление художником.

В это время я учился заочно в институте, времени не хватало на учебу, да и здоровье подкачивало, вот и приходилось как-то устраиваться, чтобы учеба шла нормально и на работе не отражалось.

Потом перешел работать в партшколу, где проработал 12 лет. Здесь я окончил институт.

Везде, где ни работал, активно участвовал в жизни коллектива, участвовал в самодеятельности, был секретарем комсомольской организации в партшколе.

В 1963 году женился. Жена — Кричевская Галина Александровна. Дочь — Кричевская Марина Геннадьевна. Есть брат — Кричевский Вадим Петрович. Мать — Аврукина Мария Наумовна»

После работы в партшколе и до выхода на пенсию Геннадий Кричевский работал штатным художником в проектно-институте сельскохозяйственных технологий.

Музыка, рисование акварелью были его увлечениями, и все, за что бы он ни брался, выполнялось высокопрофессионально. Игра на аккордеоне и гитаре всегда завораживала поклонников его таланта. Романсы, песни в его исполнении привлекали талантливых художников и поэтов Минска, которые с удовольствием приходили в его мастерскую обменяться новостями и послушать его музыку.

Он был верным, преданным другом, всегда готовым прийти на помощь любому, кто к нему обращался.

Картины, написанные акварелью, он охотно дарил друзьям, не требуя ничего взамен. Он был бессребреником, готовым скинуть рубашку нуждающемуся, и спустя много лет в районе, где он жил, о нем сохранились теплые воспоминания.

Я принимал участие в снятии видеоролика о нем под названием «Достоинство и честь» и испытываю особую гордость за своего великолепного друга, который несомненно, относится к детям войны.

Я думаю, что не ошибусь, если назову его сыном партизанского отряда. Геннадий Кричевский высоко нес честь и достоинство суворовца и достоин светлой памяти о нем.

Владимир Драгомирецкий

Нет, не находятся слова,
Скорбит душа и горе гложет,
И запоздалая весна
Его вернуть уже не может.
Когда теряем мы друзей —
Невосполнимая утрата,
А он ведь жил среди людей
И был всегда нам вместо брата,
Он в жизни многое умел,
Играл на старенькой гитаре,
Не перечислить добрых дел,
Душою пел, когда в ударе.
Он акварели рисовал,
Оставшись профессионалом,
И денег ни с кого не брал,
Простолюдин и добрый малый.
Кадетом настоящим был
И бесшабашником по жизни,
Он женщин и цветы любил,
Не изменял своей харизме.

***Слова Г. Кричевского и Н. Смирнова
муз. О. Митяева***

Изгиб гитары желтый
Ты обнимаешь нежно.
Струна осколком эха
Пронзит тугую высь.
Вернулась память снова
В суворовское детство.
Как здорово, что все мы здесь
Сегодня собрались...
Как на погонах алых
Огонь меж сосен пляшет.
Среди друзей бывалых
Не хмурясь, улыбнись,
И друг твой самый верный
Тебе тихонько скажет:
Как здорово, что все мы здесь
Сегодня собрались...

Акварели кисти Геннадия Кричевского

КУНЦ НИКОЛАЙ ЗЫГМУНОВИЧ (17.05.1945 г.)

Полковник Н. З. Кунц

Полковник в отставке, кандидат экономических наук, профессор, директор центра инновационных программ и аналитических работ Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

Родился в дер. Любашки Каменецкого района Брестской области. Окончил Ярославское военное училище им. генерала армии А.В. Хрулева (1966 г.), Военный факультет при Московском финансовом институте (1973 г.), адъюнктуру Военного финансово-экономического факультета при МФИ (1980 г.). Служил на финансовых должностях в войсках Прибалтийского и Приволжского военных округов, более 35 лет (с 1980 г.) посвятил педагогической деятельности, пройдя путь от преподавателя до начальника ведущей кафедры Военного финансово-экономического университета. После

увольнения в 1997 г. в запас работал профессором своей же кафедры (1997–2006 гг.), Пограничной академии Федеральной службы безопасности России (2000–2011 гг.), в Военном университете (г. Москва) с 2006 г.

Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалью «За отличие в воинской службе» I степени, 19 другими медалями, знаком Министерства обороны Российской Федерации «За заслуги».

Война и ее последствия в моей судьбе

Меня, родившегося спустя 8 дней после Великой Победы, формально вряд ли можно отнести к той категории детей, которые именуется «дети войны». Однако фактически моя биография может претендовать на названный статус, поскольку я, как могут свидетельствовать объективные обстоя-

Профессор Финуниверситета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва) Н. З. Кунц в профессорской мантии. 2010 г.

тельства, во-первых, свое физиологическое существование начал в годы войны, а во-вторых, вся последующая моя жизнь прошла под знаком последствий войны.

После освобождения Красной Армией Прибалтики моя 20-летняя мама вернулась в деревню Любашки Брестской области с работ в поместье немецкого бюргера в окрестностях Кенигсберга, будучи беременной. Отец же, по рассказам мамы, а после ее смерти — односельчанин, работавший в поместье конюхом, пропал в аду начавшейся артиллерийской подготовки при наступлении наших войск.

Первая мирная весна в мае 1945 года вывела на свои личные полевые наделы все трудоспособное население села. В индивидуальном хозяйстве, а тем более после войны, когда каждые рабочие руки были на вес золота, не была исключением и моя мама, находившаяся на исходе своей беременности. Работая в поле, она почувствовала необходимость срочного возвращения из поля домой. Однако добежать ей удалось только до окраинных домов деревни и найти приют в доме ее тети. Здесь и появился на свет я. Дедушка Яков, большой шутник, выйдя на улицу, начал рассказывать соседям, что в дом пришел немец (откуда он мог взяться почти год спустя после освобождения Белоруссии?) и кричит на весь дом. Но он не понимает, о чем его речь. Любопытные начали рваться в дом, чтобы увидеть «немца», встречи с которыми уже стали забываться. Тогда и пришлось ему раскрыть секрет: Валя родила сына. Однако тяжелые военные годы, непосильная работа в хозяйстве немецкого бюргера, ее избиение немецкими фашистами при отступлении

Таким Коля Кунц в свои 3 года и 9 месяцев остался круглым сиротой

не прошли для ее здоровья бесследно: когда мне едва исполнилось 3 года и 9 месяцев, мама в возрасте 24 лет покинула земной мир. Взявшая на воспитание меня ее младшая сестра Ольга спустя 4 года умерла тоже в возрасте 24 лет. Итак, я остался на попечении бабушки Сони, муж которой по наводке местного приспешника фашистов был выдан как человек, сотрудничавший с советской властью (всего лишь собирал в деревне молоко и возил в районный центр на молокозавод), и в августе 1941 г. вместе с другими 14 односельчанами и земляками из близлежащих деревень был расстрелян в Клепачовском лесу недалеко от Беловежской пушчи.

Оставшаяся одна с внуком бабушка принимала все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы выжить в те тяжелые послевоенные годы. Нужны были дрова, сено, надо было вспахать огород, а сил для этого было уже на 6-м десятке лет не так уж много. И хотя в послевоенные годы за самогонование предусматривалось строгое уголовное преследование, бабушка из картошки и реже из ржи добывала «жидкую

валюту», каким для всех случаев был са-
могон, и решала возникшие хозяйствен-
ные проблемы. Мой же удел был во время
этого процесса «гулять» на улице и смо-
треть, чтобы не дай бог не появился
участковый милиционер, одновременно
обслуживавший несколько деревень, или
другие незнакомые дяди и тети.

Сейчас трудно, а то и невозможно
представить, чтобы 8–10-летний ма-
лыш занимался трудовой деятельно-
стью. Однако суровое, не совсем сыт-
ное детство заставляло принимать
участие в работах как своего личного
подворья, так и трудиться на колхоз-
ных полях. Сбор для пропитания лебеды
и крапивы, вырубка на ближнем болоте
мелких побегов лозы для обогрева, зе-
леной растительности для прокорма
поросят и свиней были повседневной
обязанностью многих учеников моей
начальной деревенской школы, не ис-
ключая и меня.

В малолетнем возрасте пришлось потрудиться и на колхозных полях. Мне приходилось не раз говорить, что я был свидетелем коллективизации сельского хозяйства, в чем мои собеседники, зная мой возраст, вполне обоснованно сомневаются. В связи с этим следует пояснить, что коллективизация в Западной Бело-
руссии, освобожденной от панской Польши в сентябре 1939 г., происходила уже по-
сле ликвидации первоначальных последствий войны, т. е. в начале 60-х годов. И не
в укор своим землякам, но для восстановления справедливости скажу, что в пер-
вую очередь постройки, скот обобществлялись в хозяйствах тех жителей села,
где не было мужчины-хозяина подворья, способного отстаивать интересы своего
хозяйства, благополучие своей семьи. Такой оказалась и моя бабушка, у которой
для строительства общественного скотного двора было разобран сарай для хра-
нения сена, уведена со двора лошадка, которая за счет ее аренды для хозяйствен-
ных работ односельчанами позволяла более или менее сносно существовать. Бо-
ронование запряженной кем-то из взрослых лошадью (самим-то было не достать
шеи лошади, чтобы одеть хомут) посевов зерновых, свеклы, кукурузы давали воз-
можность заработать определенное количество трудодней и получить за это
соответствующее вознаграждение. Я и до сих пор помню, что после окончания
3-го класса за время летних каникул заработал 14 трудодней и исходя из этого
получил в колхозной кассе 70 коп. (по 5 коп. на трудодень), 7 кг зерна (по 0,5 кг), 14 кг
картошки (по 1 кг), чем и горжусь до сих пор.

На месте расстрела
дедушки Н.З.Кунца

*Ученики 1–4 классов начальной школы в моей родной деревне Любашки.
Ученик 2 класса Н. Кунц в первом ряду крайний слева. 1953 г.*

*Первые летние каникулы в деревне
у бабушки. 1957 г.*

В начальной сельской школе, в которой мои учителя Назар Николаевич Романюк и Валентина Филимоновна Куделько мне, как сироте, уделяли особое внимание, мои познания на фоне других учеников были более чем удовлетворительными. За счет соответствующего фонда раз в году они покупали мне что-нибудь из одежды (ботинки, брюки, пиджачок). Односельчане, видя мое старание, неоднократно говорили: «Хороший пастушок подрастает в нашей деревне», ибо в тех жизненных условиях, в которых оказался этот малолетний круглый сирота, вряд ли на что-то большее можно было рассчитывать.

Всю мою последующую жизнь и жизненные планы изменила иллюстрация в учебнике «Родная речь» картины Ф.П. Решетникова «Прибыл на каникулы», написанной художником в 1948 году к 5-летию создания суворовских военных училищ. Картина произвела на меня настолько сильное впечатление, что я решил, что

стану таким же суворовцем, как этот мальчишка. В последующем, работая над книгами, посвященными суворовской тематике, и воспоминаниями моих коллег, я неоднократно встречал отзывы выпускников суворовских военных училищ, что именно эта картина определила их судьбу. Вот она, великая сила искусства!

Решив стать суворовцем, я целенаправленно шел к этой цели. Самостоятельно ходил по инстанциям (школа, военкомат, районная больница за 10 км от села и т. д.), собирая необходимые документы. Самостоятельно по направлению из района прибыл в областной военкомат в г. Брест и прошел там медицинскую комиссию. Оставалось только добраться до Минска. И здесь мне тоже повезло. Мой двоюродный дядя Петя, лишившийся во время войны ноги, приурочил свою поездку в Вильнюс для смены износившегося протеза к моей поездке в училище. Прибыв рано утром в Минск, мы поинтересовались, где Дом правительства, и напрямиком направились к нему. Естественно, что в столь раннее время министра социального обеспечения, к которому мы имели намерение обратиться для решения нашего вопроса, на рабочем месте еще не было. Свернувшись калачиком около его двери, я успел заснуть, а при его появлении мы изложили мою просьбу. Дядя, заявив для верности положительного решения моего вопроса, что на обратном пути в Минск заезжать не будет (мол, что хотите делайте, но мальчика в училище определяйте), написал заявление, на котором появилась рекомендательная надпись начальнику училища о необходимости определить мальчика на учебу. По прибытии на трамвае, ходившем в те времена по улице М. Горького (сейчас М. Богдановича), дежурным по училищу мы были направлены к начальнику учебного отдела полковнику С.Н. Мясоедову. Поскольку к дате нашего приезда в училище (18 августа) экзамены поступавшими уже были сданы, то он здесь же пригласил преподавателя математики капитана А.И. Думачева, который прямо в коридоре проэкзаменовал меня, задав несколько простых вопросов на сложение, умножение, вычитание (например: два плюс три, шесть минус два, два умножить на три). После каждого ответа он находил одобряющие слова: «Молодец!» «Ты ведь гений!» и т. д.). И судя по тому, что цель — поступление в училище, была достигнута, он поставил какую-то положительную оценку. Но меня в то время оценка особо и не интересовала.

Таким же образом у доски с мелом принял у меня экзамен и преподаватель русского языка и литературы майор Ф. Я. Головкин, которому, проработавшему к тому времени в училище уже 3 года, был известен уровень «знаний» русского языка учениками сельских школ Белоруссии (прибыл он в училище в 1953 г. из Воронежского СВУ).

Что меня удивляет в истории поступления в Минское СВУ, так это милосердие, сострадание, которое было проявлено ко мне, как сироте, буквально всеми,

Вице-сержант Н. Кунин. 1963 г.

кто был причастен к моему поступлению в училище, начиная с министра и заканчивая всеми другими участниками этого процесса. Сегодня вряд ли можно даже представить себе, что так просто можно прийти на прием к чиновнику, предварительно не записавшись заранее на определенное, установленное расписанием время. По-видимому, война, несмотря на суровые и жестокие ее законы, в послевоенный период вносила во взаимоотношения людей не только жестокость и силовое решение проблем, но и сочувствие к людям, пострадавшим физически и морально во время войны.

Вспоминается забавный случай, связанный с зачислением кандидатов в училище. Построив всех поступающих возле спортивного зала, командовавший в то время этим пестрым мальчишечьим контингентом майор А. Лалетин стал называть фамилии и вызывать их носителей из строя. Вышедшие из строя, полагая, что они зачислены, начали выражать восторг, а оставшиеся в строю все ниже и ниже склоняли головы от расстройств, что их не упоминают. Когда же перечисление фамилий закончилось, и весь контингент распределился примерно поровну, то было объявлено, что названным кандидатам следует получить документы и возвращаться домой. Мгновенно настроение у всех поменялось: у одних кандидатов унылое настроение сменилось радостью, а у другой половины по щекам показались слезы разочарования. Следует заметить, что 1956 год был последним годом, когда в училище поступали дети войны. В нашем наборе было 4 воспитанника, не имевших родителей вообще (А. Кожевников, В. Петрашко, Ф. Сливинский и автор этих строк Н. Кунц), более половины ребят были из неполных семей.

Семь лет (1956—1963 гг.) учился в Минском СВУ. Уже к концу первого года обучения стал отличником учебы и в дальнейшем учился только на «хорошо» и «отлично». Несколько лет был комсоргом взвода. Как комсомолец, проявивший активность в работе, был награжден почетными грамотами Фрунзенского райкома ВЛКСМ г. Минска, Центрального комитета ВЛКСМ Белоруссии, Центрального комитета ВЛКСМ. Как отличник учебы совместно с А. Шелегом, 1962 года выпуска, в 1958 г. удостоен первой в истории училища поездки в международный пионерский лагерь «Артек» по путевке, предоставленной училищу ЦК ВЛКСМ Белоруссии по указанию Первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Шелепина, посетившего училище во время пребывания в Белоруссии.

В моей памяти и до сего дня сохранился майский парад 1962 года, который явился се-

Суворовец-пионер Н. Кунц у развернутого Красного Знамени пионерского лагеря № 2 «Артек». 1958 г.

рьезным испытанием не только для личного состава Минского СВУ, но и для всех воинов Минского гарнизона, участвовавших в параде. Шел снег с дождем, температура воздуха резко понизилась, промокшие до самого тела парадные мундиры уже не согревали. От напряжения и переохлаждения некоторые участники парада падали, а находившиеся на всякий случай за парадным строем машины скорой помощи подхватывали замерзших участников парада и увозили в училище. На их место становились запасные суворовцы, стоявшие наготове в подъездах. Но никто не хныкал и без команды строй не покидал. Над площадью из динамиков разнеслась информация: «В связи с ненастной погодой демонстрация трудящихся города Минска отменяется». Мы хорошо понимали, что мы являемся частичкой вооруженной силы, которая олицетворяет мощь государства, и никакие погодные условия не могут помешать выполнить стоящие перед Вооруженными Силами задачи. Было лишь одно желание: скорее услышать команду «К торжественному маршу» и размять достаточно сильно застывшие мышцы, разогреть тело, остывшее от текущей по нему воды. И как только раздалась команда «Шагом марш», нисколько не преувеличивая, могу утверждать, что нога каждого участника парада поднималась не на 15–20 см, как это предусмотрено уставом, а порою доходила до прямого угла. Остальное надо было видеть и чувствовать. Как только первыми двинулись воспрянувшие боевым духом парадные «коробки» суворовцев, открывавших парад, минчане буквально засыпали их путь цветами. Идти пришлось уже по своеобразному разноцветному коврику, под одобрительные восклицания оставшихся на трибунах зрителей. Это был триумф победителей.

Еще до прибытия парадной колонны в училище все службы были подняты по тревоге, чтобы не допустить массового заболевания суворовцев: врачи вдвухли в нос противогриппозную сыворотку, старшины рот срочно меняли промокшее парадное обмундирование и обувь, служба тыла обеспечила пропуск всех участников парада через баню. Завершал все мероприятия торжественный обед с объявлением благодарности командующего за выносливость и высокий уровень строевой подготовки в тех непростых условиях. Сколько до и после было парадов, а вот запомнился суворовцам тех наборов только именно этот. Здесь очень четко всеми сознавалось: «Трудно, но я должен». Даже спустя десятилетия после этого парада смело могу утверждать, что такое испытание дало возможность каждому воспитаннику почувствовать свою значимость и причастность к армии, которая олицетворяла собой могущество той страны, которая называлась Советский Союз. Этим и воспитывался патриотизм.

Командирами рот, офицерами-воспитателями, преподавателями, учитывая, что во время моей учебы после окончания войны прошло чуть больше 10 лет, были участники войны. Воспоминания о войне Николая Васильевича Белова, Михаила Ивановича Ливенцева, Ивана Яковлевича Куприенко, Владимира Илларионовича Павловского и многих других воспитывали в юных душах суворовцев патриотизм, гордость за Родину и ее победителей. Когда в праздничные дни они надевали парадные мундиры, мы любовались и гордились ими. Да и воспитательная работа нередко строилась на примере героев войны. Например, Н.В. Белов

организовывал для нас коллективное чтение во время самоподготовки таких книг как книги Александра Бека «Волоколамское направление», А. Неверова «Ташкент — город хлебный» и т. д. Его воспоминания о Сталинградской битве, где он получил тяжелое ранение обеих коленных суставов, стоит перед моими глазами и спустя многие десятилетия. При эвакуации на барже через Волгу он оказался на самом низу лежавших друг на друге раненых воинов. При переправе через Волгу в результате налета фашистской авиации на санитарное судно появились новые многочисленные убитые и раненые, сверху раздавался их душераздирающие крики и стон. Моему будущему офицеру-воспитателю, которого я помню и всю жизнь благодарю, судьба оказалась благосклонной. В общей сложности ему потребовалось более 8,5 месяцев лечения в госпиталях, чтобы снова вернуться в строй, а в последующем стать одним из лучших строевых офицеров училища. И это при таком сложном ранении!

Выпускник Ставропольского СВУ В.И. Павловский, сын полка, разведчик, получивший легкое пулевое ранение при попытке стащить у фашистского солдата винтовку, проводя военно-патриотические мероприятия, заставлял обращать внимание на каждую мелочь: кустик, кочку, приговаривая: «Идешь и запоминай. Может быть, тебе придется ползти здесь под огнем противника по-пластунски».

Помнятся такие военно-патриотические мероприятия как походы под руководством командира роты подполковника Л. В. Гавруковича. Маршруты прокладывались таким образом, чтобы суворовцы могли познакомиться со стоянками партизан, памятниками, воздвигавшими подвиг советских солдат. Один из таких маршрутов пролегал через лагерь смерти Тростянец.

Под руководством наших командиров мы принимали участие в перезахоронении останков пионера-партизана Марата Казея с опушки леса на централь-

ную усадьбу деревни Станькова, в сборе средств на создание ему памятника в парке недалеко от училища и участвовали в его открытии. Все это закаляло нашу волю, воспитывало чувства гордости за Родину, за принадлежность к особой касте государственных людей — защитникам Отечества.

Выпускники-суворовцы признательны за полученные знания

Г.И. Элькинд А. Максимова спустя 30 лет после выпуска:
«А помнишь ли ты, Саша, теорему Виета?». 1993 г.

нашим преподавателям. По математике — Григорию Исааковичу Элькинду. Когда утром мы шли на завтрак, Григорий Исаакович уже был в училище. Когда мы шли на ужин, он все еще давал консультации по математике. Его рабочий день заканчивался куда позже его официального завершения. В связи с этим у суворовцев даже появилось убеждение, что наш учитель одинок, а посему время отдает работе, от чего и получает удовлетворение от жизни. Каково же было наше удивление, когда мы, окончив училище, начали навещать любимого педагога в домашних условиях: оказывается у него, как и у всех, имеется семья, две дочери, и они не в меньшей степени, чем мы, нуждались в заботе и внимании. Он благодаря увлеченности своим предметом привил любовь к этой точной науке многим десяткам, а то и сотням суворовцев. Участник войны (июнь 1943 — май 1945 гг.) в должности командира отделения стрелкового полка, награжденный медалью «За отвагу», и в мирной жизни занимал активную жизненную позицию: избирался секретарем партийной организации роты, организовывал математические олимпиады, экскурсии по памятным и историческим местам, учреждениям и предприятиям города.

Когда в начале четверти в зале на специальном стенде появлялись условия ста задач по алгебре, геометрии, тригонометрии, наш учитель никого не ставлял дополнительно решать их. Но на одном из уроков ненавязчиво сообщил, что очередная контрольная работа будет состоять из задач, вывешенных для дополнительного решения. Стремление не подвести себя, отделение, взвод, роту обязывало каждого прорешать если не все из них, то хотя бы большинство. И надо было видеть тот азарт, с каким набрасывались суворовцы на вновь появившиеся задачи. И результаты контрольной были успешные.

Нельзя забыть и уроки «ликбеза» в искусстве, проводившиеся незабываемым методистом Петром Яковлевичем Погребным. Почти каждый урок истории начинался с введения благодарных воспитанников в определенный вид культуры, искусства — поэзию, музыку, живопись и др. А разве можно забыть уроки, когда у Петра Яковлевича в руках появлялась гитара, и наш педагог объявлял, что сегодняшний урок «ликбеза» посвящается, например, романсу композитора Алябьева «Соловей, мой соловей».

Рассказ учителя об истории создания произведения, его авторское исполнение глубоко запали в наши души, стимулировали дальнейшее самостоятельное познание других произведений автора. По-видимому, не случайно, что некоторые из нас, как В. Корсеко, А. Крассий, задались целью овладеть музыкальной грамотой, и их исполнение произведений на фортепиано привлекало слушателей как на концертах художественной самодеятельности, так и в те немногочисленные минуты, которые появлялись в послеобеденное и вечернее время.

Володя Деркач окончил консерваторию и стал профессиональным артистом. Не меньшее значение имели проводившиеся П.Я. Погребным выставки репродукций картин художников и его беседы о жизни и творчестве мастеров. Для меня, например, на всю жизнь запомнилась в подробностях выставка, посвященная художникам-передвижникам.

Заслуживает внимания проведение по инициативе преподавателей русского языка и литературы Ф.Я. Головки, А.П. Вонаршенко и других в часы самостоятель-

Подполковник П.Я. Погребной

ной работы так называемых диктантов-пятиминуток. После их проверки следовала работа над ошибками (многократное написание слов, в которых была допущена ошибка). На всю жизнь я запомнил правильное написание таких трудных слов, как «аппетит», «искусство», «винегрет» и других. И мне понятно недоумение, которое выразил автору этих строк один из подчиненных выпускника нашего училища 1962 года генерал-майора А.С. Гусева о том, что очень трудно работать с очень грамотным командиром, который сразу же видит все ошибки в исполненном документе и не пропускает ни одной из них. Это одно из многочисленных свидетельств того положительного, что делало для каждого из его выпускников училище.

Память о семи годах, проведенных в училище, для нас остается навсегда. И не только потому, что оно для многих из нас, не имевших отца или матери, а то и обоих родителей, явилось родным домом. Такое отношение к нему породили, прежде всего, люди, трудившиеся в нем. Поэтому, постоянно вспоминая училище, каждый выпускник сохранил трепетное чувство уважения и любви к своим учителям и воспитателям.

По состоянию здоровья из-за перенесенной на ногах во время учебы болезни я был вынужден избрать непопулярную в то время профессию военного финансиста. А дело было так.

В результате перенесенной на ногах ангины во время весенних каникул я, единственный из суворовцев роты, проводивший их в училище в связи с отсутствием возможности найти денег на билет, чтобы поехать к бабушке, оказался в медицинском пункте. Парализованные суставы приковали меня на многие месяцы к постели и требовали длительного лечения. Дошло до того, что при завершении лечения приходилось заново учиться ходить. Начальник медицинского пункта подполковник медицинской службы Юрий Георгиевич Трифонов, бывший во время войны хирургом, со свойственными ему добротой и энергией мобилизовал для лечения больного суворовца специалистов, консультантов г. Минска высшей квалификации. Его повседневная забота передавалась и медицинским работникам медицинского пункта училища, который он возглавлял. Через многие десятилетия я с теплотой вспоминаю его заместителя, в то время капитана Бориса Петровича Попова, заботу врача Галины Александровны Кульбаковой и медицинских сестер: Анны Григорьевны Пурко, Марии Михайловны Воробьевой, Александры Васильевны Демянчук, Аннэт Михайловны Пановой, Светланы Николаевны Пискуновой, заведующей аптекой Марии Степановны Кочкиной, санитарок Марии Степановны и Анны Игнатьевны и других работников медицинского пункта, повседневным своим трудом делавших все возможное, чтобы восстановить здоровье мальчишки, круглого сироты, оказавшегося в столь непростых обстоятельствах. Не только

лекарства, но и неза-
мысловатые угощения,
например, принесенные
из дому Н.М. Ахремчик
еще теплой картошка,
настойка столетника
с медом, изготовленная
А.В. Демянчук, теплота
сердец обслуживающего
персонала сделали свое
дело, и спустя полгода
я вернулся в свою роту.

В связи с нахожде-
нием в медицинском
пункте вспоминается
и такой случай. В это
непростое время мне
исполнилось 15 лет. Ка-

ждому человеку в такой день хочется теплоты, подарков. Но ждать их мне, кро-
ме товарищей по взводу, регулярно навещавших больного, было неоткуда. Одна-
ко ранним утром весь медицинский персонал во главе с Юрием Георгиевичем был
с поздравлениями в моей палате. Врученные в тот день весенний букет сирени,
подарок подняли настроение суворовца, а поздравительная открытка, почти
полвека путешествовавшая с моей семьей по многим гарнизонам, до сих пор на-
поминает о том замечательном коллективе, подобные поступки которого были
повседневной практикой.

Перенесенная болезнь поставила крест на моей предполагаемой военной ка-
рьеру суворовца. Решение медицинской комиссии на заключительном этапе мо-
его 7-летнего обучения в Минском суворовском военном училище прозвучало как
хлесткий удар плетью по лицу: «К дальнейшему прохождению военной службы не
годен». А так хотелось стать офицером! Ведь в первые десятилетия после окон-
чания Великой Отечественной войны авторитет воина, защитившего страну
от фашистской нечисти, распространялся не только на тех, кто с оружием в
руках отстаивал свободу и независимость Родины на фронте, но и на их последо-
вателей. Возможно, в современных условиях даже трудно представить, что когда
в послевоенные годы в магазин заходил военнослужащий, то очередь мгновенно
расступалась, предлагая ему пройти вперед. Так велик был авторитет воина. И
мальчишке, оставшемуся после войны круглым сиротой, очень хотелось быть та-
ким же, как его кумиры в погонах. Но вставал вопрос: как достичь этой заветной
цели? Может, стать военным финансистом, где, как наивно казалось, требования
к здоровью абитуриентов ниже, чем по другим военным профессиям. На этот раз
в моей судьбе ключевая роль была отведена начальнику училища Герою Советско-
го Союза, генерал-майору П.Р. Саенко и начальнику медицинской службы Ю.Г. Трифо-

Подполковник медицинской службы Ю.Г. Трифонов (в центре) с женой
Валентиной Григорьевной на торжественном собрании в училище.
Справа полковник И.Я. Купrienko с женой. Оба офицера переведены
в Минское СВУ в 1953 г. из Воронежского СВУ

Медсестры А.М. Панова
и С.Н. Пискунова

отряда в ПриБВО (г. Цесис Латвийской ССР, 1966–1969 гг.), инспектора-ревизора учебной мотострелковой дивизии в г. Куйбышеве (ПриВО, 1973–1975 гг.), начальника финансовой службы Тоцкой 213-й дивизии (1975–1977 гг.), известной прежде всего тем, что на ее полигоне 14 сентября 1954 г. произведено первое испытание ядерного оружия с участием войск.

Что касалось дальнейшей моей судьбы, то это уже другой разговор. Биография и другие более подробные материалы жизни содержатся в тех книгах, которые мне удалось создать, воздать должное подвижническому труду наших преподавателей, которые выводили нас в жизнь. Перефразируя слова из песни кинофильма «Весна на Заречной улице», можно сказать: «Я не

нову. На вопрос генерала о возможности оказать помощь суворовцу Юрий Георгиевич согласился переписать медицинскую книжку без указания диагноза перенесенной суворовцем серьезной болезни и направить выпускника в Ярославское военное училище, где обучали будущих специалистов финансовой службы. Был риск, и большой. Но он осознанно пошел на него. Таким образом, я оказался в славном городе Ярославле, окончил училище, получил хорошую специальность и 34 года последующей военной службы, воинское звание «полковник», ученая степень кандидата экономических наук и ученое звание «профессор» служат свидетельством оправданного риска Юрия Георгиевича Трифонова, память о профессионализме и добрых делах которого в моей памяти, да и не только моей, сохраняется десятилетиями.

Службу проходил в должностях начальника финансового довольствия топогеодезического

Служащие медпункта и столовой — участники Великой Отечественной войны (слева направо): зав. аптекой М. С. Кочкина, повар А. П. Тужикова и А. И. Баркова, медсестра А. В. Демянчук, фельдшер В. П. Черноплеча

забуду ту заводскую проходную, что в люди вывела меня». Такой проходной считал и всегда буду считать Минское СВУ и тех людей, что отдавали время, душу, сердце, чтобы нам жилось хорошо, чтобы мы были успешными не только в изучении учебных дисциплин, но и в последующей жизни. Тем более, что день в день спустя ровно 25 лет после собственного выпуска, 25 июня 1988 года я вручил сыну Сергею аттестат об окончании Минского СВУ, которое для него тоже стало устойчивой жизненной платформой. Сейчас он подполковник запаса, руководитель Химкинского отделения Всероссийской страховой компании.

В заключение хочется сказать, что независимо от того, каких высот достигли выпускники Минского суворовского военного училища в службе, научной деятельности, мы всегда своих преподавателей и воспитателей помним как садовников человеческих душ наших и выражаем всем им искреннюю признательность и благодарность.

Начальник училища (1956–1969 гг.)
Герой Советского Союза генерал-майор П. Р. Саенко, чье решение об определении Н.Кунца в финансовое училище явилось судьбоносным

Полковник Н.З. Кунц (выпуск 1963 г.)
с сыном Сергеем (выпуск 1988 г.). 1986 г.

Три поколения семейства полковника
Н.З. Кунца (в центре). Стоят сын Сергей и внук Николай

ЛЕЙКИН
ЛЕВ ГРИГОРЬЕВИЧ
(13.10.1940 г.)

«Никто не забыт, ничто не забыто!»

Л.Г. Лейкин

В 1953 году я оказался в стенах Минского СВУ. В те послевоенные годы почти все оказались в таком же положении, как и я. У кого-то не было отца, у кого-то матери, были и те, у кого не было ни одного, ни другого. Цели были благие: помочь детям, пострадавшим в годы Великой Отечественной войны, лишившимся родителей. О чем думали правительство и Министерство обороны в те трудные для страны годы — судить нам в этом возрасте было трудно, но сама идея была хорошая. В процессе обучения эта идея только совершенствовалась. Было решено, что каждый будущий офицер должен уметь водить машину — тут же был создан класс автодела и организованы уроки по изучению устройства автомобиля и правил дорожного движения. К выпуску все ребята имели права на управление автомобилем. Благодаря им я был в дальнейшем освобожден от повторного изучения этого курса и в военном училище, и в институте. Спустя

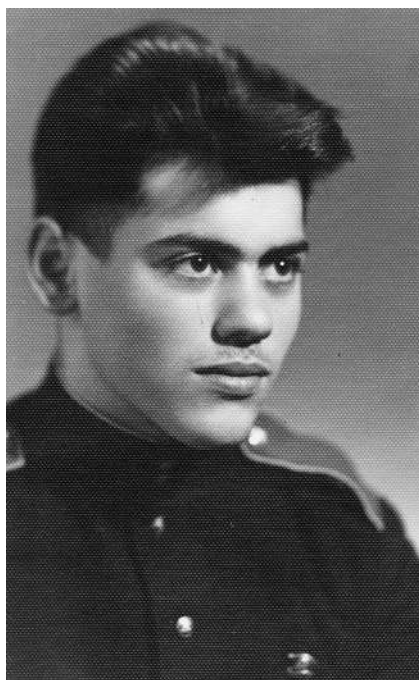
3 года было принято решение, что каждый офицер должен владеть иностранным языком. Тогда для нас это казалось дополнительной обузой, а сегодня можно только аплодировать этому решению. Тут же был добавлен еще один год обучения, одиннадцатый класс. Взвод разбили на две группы, каждый день по два часа языка, включая выпускной экзамен на аттестат зрелости. Должен сказать, что прошло уже 52 года с момента окончания училища, а я до сих пор при поездках по германогворящим странам обхожусь без переводчика. На очень высоком уровне в училище были поставлены спорт и преподавание остальных дисциплин. Если ко всему вышесказанному добавить, что все поступали в военные училища по направлению и без экзаменов, то в те сравнительно послевоенные годы, когда серая шинель была еще очень уважаема и в почете, о чем можно было еще мечтать? Все шло по накатанному пути, на всем готовом, всегда за тебя кто-то где-то думал.

Но вот одна мысль не давала мне покоя и довольно часто приходила в детскую голову. Вырос я без отца, его вообще не помню. Мать во время войны целые

дни проводила на обувной фабрике в Казани, куда нас эвакуировали. Знаю только со слов матери, что отец был начальником цеха на той же фабрике, где был на брони; очень нужна была фронту обувь. Когда стало совсем плохо под Сталинградом, призвали и его. Мне было около двух лет, и запомнить его я физиологически не мог. Была на отца и похоронка, которую я никогда в глаза не видел. Возможно, что это был документ, который забрали при оформлении мне пенсии на отца. Может быть, но этого я не знаю. В 4–5 лет я уже многое помнил, сам ходил, а иногда на коньках ездил в детский сад. Мама записала меня в библиотеку недалеко от сада, так я сам ходил и брал там книжки. Читал я к тому времени уже хорошо, а вот как я научился читать — этого я не помню. Иногда ловлю себя на мысли, а дадут ли сейчас ребенку в возрасте 4–5 лет самому книжку? Думаю, что пошлют за родителями. А война в этом плане заводила свои порядки. Цитаты из речей И.В. Сталина в то время встречались везде, где только было можно. Естественно, что все их я перечитал и запомнил.

«НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ, ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ, ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ». Людей такие лозунги вдохновляли и вселяли уверенность, а для меня это были тренировки в чтении. По сути, я был предоставлен сам себе. Отца нет, маму видел очень редко, только по вечерам, когда она возвращалась с работы. Дома старенькая бабушка, которой было за мной не угнаться.

Хорошо запомнились дни возвращения людей с фронта. Все было ну точно как в кино. У маминей подруги вернулся с войны муж, этаким старшина с боевыми наградами. Все мы собрались у них дома за столом, даже где-то была фотография. Родовались все, радовалась за подругу и мама, хотя не знаю, какие у нее в то время были мысли. Было все в то время интересно и мне, но вряд ли тогда в моей голове была мысль, что мой отец уже не вернется никогда. Тут же вернулась к нам с войны и мамина родная сестра, моя тетя, в солдатских сапогах, в серой шинели, перетянутой ремнем. Всю войну прошла поваром и по возвращении сразу устроилась поваром в суворовское военное училище в Казани. Суворовцев на улице я видел и раньше, но тут появилась возможность ближе увидеть и узнать этих первых ребят, одетых в новую форму. Все тетины награды я увидел много позже, когда хоронили ее. Надо было бы мне тогда забрать на память эти награды, но было неудобно, был пока жив ее муж, тоже фронтовик, и все награды и орденские книжки хранились вместе в одной коробочке. Затем была длительная эпопея возвращения домой в Белоруссию. Где-то в 1945–1946 годах

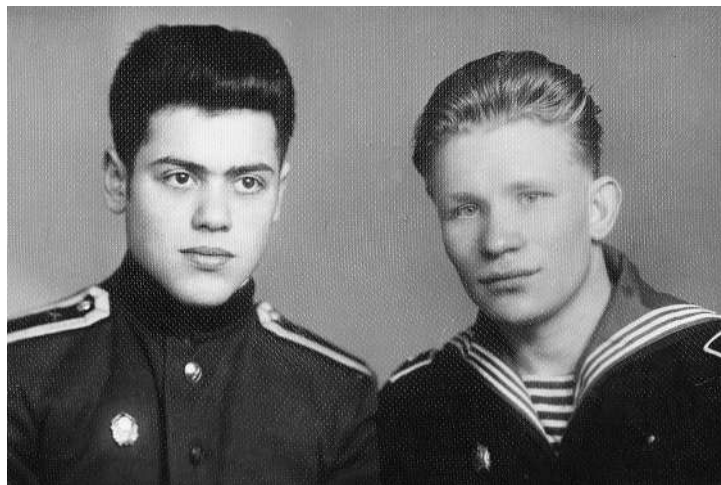
Суворовец Л. Лейкин

мама взяла меня, и мы съездили в Гомель к сестре отца. Там я прямо из окна увидел то, о чем позже писал Владимир Высоцкий: «...На стройке немцы пленные на хлеб меняли ножики». Повсюду немцы разгребали груды битого кирпича.

Видимо, у мамы вопрос жилья для нас не решился, и мы двинулись на пароходе из Казани в Саратов к каким-то дальним родственникам. Такие пароходы мы позже видели в кино, но не было в фильмах ничего о том, что происходило внутри этого парохода.

Боюсь, что уже и не будет ничего, т. к. ушло в мир иной то поколение, которое могло бы открыть эту страницу. В Саратове мама устроилась работать на обувную фабрику, я же опять был предоставлен сам себе. Осваивал Волжские берега и близлежащие кварталы. Родственники отвели нам небольшой уголок без окон на троих. Бабушка всегда дома, для меня отдушиной была улица, а вся нагрузка легла на мамины плечи. И это в 25 лет. Если не было у нее проблемы с трудоустройством, то были большие проблемы с жильем.

Несколько месяцев задержались в Саратове и переехали к маминей тете в Днепрпетровск. К тому времени я уже подросток, во дворе появились друзья, было с кем осваивать балки в городе, детский парк и новую для меня речку — Днепр. С жильем было так же неважно, опять одна маленькая комната, правда, с окном и больше ничего. Опять все проблемы легли на маму, опять она целый день на работе. В школу меня в 1947 году не взяли, не хватало 2 месяцев до семи лет, а это означало, что еще на 1 год я обеспечен двором и улицей. На улицах появилось больше транспорта, имея коньки, можно было зимой цепляться за машину и кататься по улице. Летом для нас мишенью были фруктовые сады, очень было много абрикосов. В 1948 году я начал учиться в первом классе, появились другие заботы, дополнительные дела, но никак не улучшались жилищные условия. И в 1949 году было принято решение возвращаться домой в Белоруссию. Довоенный дом был

Выпускники Минского СВУ 1959 г. курсанты
Л. Лейкин и В. Енин в период учебы в Ленинграде

полностью разрушен, пришлось снимать комнату. Половина города еще лежала в руинах. Жилищные условия и тут оказались не лучше, но выбора не было. Опять метров 10 квадратных комната с печкой внутри и дровяным отоплением, одно окно на уровне земли, заклеенная обоями фанерная перегородка, за которой проживала другая семья (семья родной сестры Машерова Петра

*Л. Лейкин (третий справа в 1-м ряду) среди членов
Санкт-Петербургского союза суворовцев, нахимовцев и кадет*

Мироновича). Арендную плату платили проживавшему здесь же хозяину, только платили не за квадратные метры, а подушно, за каждого человека по 50 руб. О бесплатном жилье пока не мечтали.

Вспоминая сейчас эти годы, я понимаю, каково было маме и бабушке. Но тогда я всего этого не замечал, не задумывался об этом.

Для меня опять была улица, масса новых друзей, игры в войну, речка, на берегу которой стоял наш дом, не очень далеко находилась и школа. Учебу мою никто не контролировал, да просто некому было этим заниматься, особенно в 4–5 классе. Благо она давалась мне легко и не было никаких проблем. В это время уже и в Витебске на каникулах стали появляться суворовцы. Сказать, что я им завидовал — не будет правдой. В это время как-то не задумывался о поступлении в училище, и так все вроде было нормально. Когда в 1953 году в Минске открылось СВУ, я в это время спокойно отдыхал в пионерском лагере в Балашихе под Москвой. Узнав об открытии училища, мама отозвала меня из пионерского лагеря, с моей стороны возражений не последовало, все это было мне знакомо и интересно еще с 1944–1945 годов по Казани. Были, конечно, волнения перед каждым экзаменом, перед каждой комиссией, ведь мне приходилось все делать самому, т. к. мама на работе. Но, к удивлению, все прошло очень легко, и я оказался в стенах Минского СВУ.

Для чего я все это вкратце описал, пропустив очень многое из своих воспоминаний? Для того, чтобы перейти к главной теме моего рассказа, о которой я пока не вспоминал, т. к. оно и в жизни не вспоминалось, о чем я очень редко задумывался. Что было, то было.

Встреча генерал-лейтенанта А.Н. Шишкова с выпускниками СВУ, проживающими в Израиле. Слева направо: А. Ратнер (Тульское СВУ), В. Тамаркин (Казанское СВУ), А. Шишков (Кавказское СВУ), Л. Лейкин (Минское СВУ). 11 января 2011 г.

Жизнью и укладом в доме руководила мама, а вот об отце как-то в том возрасте, видимо, уже по привычке жить одному, не помня вообще отца, мысли серьезные в голову не приходили. Эти мысли стали часто посещать меня уже в СВУ. Эти мысли посещают меня до сих пор: как бы сложилась судьба моя, будь у меня отец. В то время была художественная литература, были кинофильмы, где рассказывалось о том, что кто-то, вернувшись с войны, не находил свою семью, кто-то, сильно изувеченный войной, не хотел появляться дома и быть обузой, кто-то пропадал на войне, оказывался в плену, затем в Западной Европе или США, но пытался найти свою семью, у кого-то на войне появлялась новая семья. Я уже писал, что о похоронке я в то время ничего не знал. Вот и зародилась мысль, а что, если отец жив и ищет нас. Все чаще, засыпая, рисовал в уме картины случайной встречи с отцом. Я об этом никому не говорил, но мысль эта долго меня не покидала. Надо было как-то установить истину. Но как? На какое-то время эти мысли ушли в забвение, были другие проблемы: выпускные экзамены в СВУ, учеба в артиллерийском училище в Ленинграде, затем демобилизация, поступление и учеба в институте. За это время в голове уже сформировались и мысли по-другому. Я уже твердо понимал, что отец погиб на фронте. Оставался один невыяс-

ненный вопрос: «Где погиб и где похоронен?» Этим я и решил заняться, начав работать на производстве на очень Крайнем Севере.

Первый вопрос: «С чего начать, куда обращаться?» Кто-то мне подсказал, что в Подольске находится архив Министерства обороны, что там должны храниться все данные. Точного почтового адреса не было, но ведь архив-то один. И я, как Ванька Жуков,

написал письмо «на деревню дедушке» по адресу: г. Подольск, архив Министерства обороны. Но тут возникли другие проблемы, я не знал даты рождения отца, знал только, что он немного старше мамы. Я не знал точного имени и отчества отца. Ведь не секрет, что до сегодняшнего дня в еврейских семьях дают одно имя, которое и пишется в документах, а на производстве и при общении его немного меняют для простоты общения на более привычные имена и отчества. Пришлось писать одно, а в скобках указывать возможное с моей точки зрения другое.

Оставалось ждать ответа, и он спустя какое-то время пришел. Ответ вернул меня к моим снам в СВУ. «Среди погибших и пропавших без вести не числится!!!» Выходит, в своих детских мыслях я был не так далек от истины. Но что делать дальше, куда обращаться? На этот вопрос у меня ответа не было, и подсказать мне никто не мог. Тогда я решил пойти к решению этого вопроса с другого конца, с того места начать, откуда он призывался. А я точно знал, что призывался он в Казани. Я тогда еще не знал даты призыва, но то, что он работал начальником цеха и шил обувь для армии, я из маминых рассказов знал точно. Естественно, что следующее мое письмо было адресовано начальнику областного военкомата г. Казани. Естественно, что моя почта с Крайнего Севера шла не очень быстро, ответы возвращались с такой же скоростью, время шло, а начальник мне не отвечал. Но зато стали приходить мне время от времени ответы на мой запрос от начальников районных военкоматов г. Казани, за что я был благодарен начальнику облвоенкомата, что не оставил мое письмо без внимания. Беда только заключалась в том, что из всех ответов следовало, что всюду ничего не знали о моем отце. Это для меня было очередной загадкой. Вроде войны в Казани не было, вро-

Л. Г. Лейкин в международной ассоциации «Кадетское братство»
беседует с главным редактором газеты «Кадетское братство»
А. Ш. Салиховым

Л.Г. Лейкин (крайний справа) в гостях у семьи Н.З. Кунца. Слева от него выпускники Минского СВУ В.В. Небытов (1959 г.), О. В. Катлинский (1959 г.), Н.З. Кунц (1963 г.), Л.И. Плаксивый. Во втором ряду С.Н. Кунц (МнСВУ 1988 г.), Н.С. Кунц (кадет Первого Московского кадетского корпуса им. Дм. Донского). 2013 г.

де должны были сохраниться все архивы, но человек пропал. Что делать дальше? Темный лес, одни вопросы, вроде тупик, вроде больше некуда писать.

Но жизнь полна неожиданностей и случайностей. Спустя какое-то время я ехал поездом в Москву, столицу посмотреть, друзей по СВУ навестить. Как всегда, в купе попутчики и разговоры о жизни. Была в купе и одна женщина средних лет. Оказалось, что она живет в г. Подольске и работает в архиве Минобороны. Вот бывает же такое совпадение. Она мне пообещала еще раз перепроверить информацию, но сказала одну очень важную вещь. Если отец был офицером, то на офицеров все документы хранятся в архиве Управления кадров Министерства обороны.

Опять появилась какая-то надежда и вспомнилось знаменитое высказывание, что «никто не забыт, ничто не забыто». В Москве я уточнил почтовый адрес этого заведения и тут же отправил им письмо. Я до сих пор не могу понять, почему я сразу не зашел туда, но в то время я был уверен, что меня вовнутрь и не пустят — это раз. Во-вторых, я понимал, что для каких-то поисков потребуется время. Ведь в то время не было компьютеров, не было электронной базы информации. И я настроился ждать. И дождался... Получил ответ, в котором сообщалось, что мой отец, командир взвода противотанковых ружей, призывался из Казани летом 1942 года и погиб осенью 1942 года (указаны точно даты, только у меня нет сейчас под рукой этой бумаги). Указано было, где он похоронен, кто следит за могилами, у кого хранятся списки похороненных и даже как добраться до этой деревни где-то в 15–20 км

от Волгограда. Сходу собраться и поехать туда у меня не получилось. Время шло, правительство разрешило отъезд из страны, появилась возможность бесплатно уехать и посмотреть на «загнивающий» капитализм. Мне только исполнилось 50 лет, и я решился уехать в Израиль. Отъезд из страны и жизнь здесь — это тема для другого рассказа. Но отсюда я в первый раз поехал на поиски уже по известному мне адресу. В скором поезде, один в двухместном купе от Москвы до Волгограда. Мысли, естественно, только о поиске. Волгограда я не знал, но автовокзал нашел быстро, благо, он рядом с железнодорожным вокзалом. Так же быстро доехал на автобусе до Самофаловки. По тропинке побрел в деревню, людей — никого, пустота. У случайного прохожего узнал, где находится братское захоронение. Что произвело сильное впечатление, так это чистота и порядок на мемориале, все памятники ухожены, а ведь прошло больше 50 лет. Видно, что здесь следят за этим захоронением. Ряды мраморных плит с фамилиями людей в алфавитном порядке, в центре монумент — памятник всем погибшим. Медленно дошел до плит с фамилиями на букву «Л», но, увы, имени своего отца там не обнаружил. В расстроенных чувствах из-за того, что опять ничего не нашел, добрел до монумента. Когда развернулся на 180 градусов, чтобы двинуться назад, то искра надежды сверкнула мне вновь. Списки были и на обратной стороне плит. Быстро вернулся к своей букве «Л» и, хвала всем, увидел на плите инициалы моего отца. Стою один, людей — никого, деревня словно вымерла. В душе чувства радости и печали, поделиться не с кем. Закончен длинный по времени поиск. Была у меня с собой сумка, было в ней все, что требуется по такому случаю поминовения души, не было только собеседников. Присел я у этой плиты и как в той песне: «...хотел он выпить за здоровье, а пить пришлось за упокой.» Затем сделал несколько снимков фотоаппаратом себе на память. Вот такая небольшая история поиска могилы отца.

Может быть, кто-то из моих ровесников идет тем же путем, так это как сказка, где и как искать. Может быть, еще кому-то это поможет.

А я там был после этого еще раз, так же все чисто и так же безлюдно.

МОНИЧ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ (26.02.1940 г.)

Полковник В. Ф. Мониц

Полковник в отставке. Окончил Одесское высшее общевойсковое командное училище (1960 г.), Ленинградскую военную инженерную академию им. А.Ф. Можайского (1968 г.). Родился в пос. Крупский Минской области. Службу проходил в должностях командира взвода (1961 г.) в Закавказском военном округе, старшего техника, помощника начальника отделения подготовки данных дивизиона, помощника начальника штаба дивизиона (1963 г.) в Киевском военном округе, начальника станции, инженера отделения, младшего научного сотрудника (1968–1976 гг.) в Среднеазиатском военном округе, старшего научного сотрудника (1977–1980 гг.) в Дальневосточном военном округе, старшего офицера отдела боевого применения (1980–1982 гг.) в Белорусском военном округе, начальника специальной службы штабов корпусов

в Белорусском и Дальневосточном военных округах (1982–1990 гг.).

После увольнения в запас работал ведущим инженером материально-технического снабжения агропромышленного комбината «Север Камчатки» (1991 г.), ведущим специалистом Верховного Совета Республики Беларусь, Управления делами Президента РБ (1992–2005 гг.).

Награжден 10 медалями СССР. Живет в г. Минске.

Из воспоминаний Владимира Федоровича Моница

Мы уходим. Вы остаетесь. Вам, наши последователи, адресую мои краткие воспоминания о том времени, суровом и счастливом.

Начало войны. Мне 1,5 года. Детская память... Я сотни раз задавал себе вопрос: «Мог ли я помнить что-то из этого времени, в том возрасте?» Получается, что мог.

Перед приходом немцев в пос. Крупский Минской области наша семья пыталась схорониться в лесу, как и многие наши соседи. Я еду на телеге с небольшим скарбом, один, взрослые идут рядом. Проезжаем большую лужу. Мне страшно. Это был мой первый осознанный страх. Я вцепился во что-то, но, к счастью, лужа скоро кончилась, и этот страх прошел.

Далее мы должны были пересечь шоссе Минск–Москва. Колонны машин, военной техники, отступавших на восток войск двигались медленно друг за другом.

Перебежать между машинами пешком еще можно было, но переехать на повозке — нельзя. Мы долго ждали удобного часа. Проходит совсем немного времени, и мы обосновались в лесу, в какой-то землянке. Начался воздушный бой. Самолеты на крутых виражах, с выворачивающим душу ревом моторов и периодической стрельбой пулеметов над головой. Меня с плачем заталкивают в землянку. Моим старшим братьям удастся увидеть больше, потому как они старшие.

Немцы в нашем доме жили только зимой. Несколько легковых машин во дворе. Как мне хотелось посидеть за рулем машины! Но это было мне позволено только раз.

О том, как я хотел есть во время оккупации, помню до сих пор. Однажды мать была задержана немецкой комендатурой. Мы какое-то время жили одни. Нас было четверо. Я — младший. За несколько дней мы много раз пересмотрели все уголки в доме на предмет съестного. Я плачу, я хочу есть. Старшие братья, устав от моего плача, стараются меня отвлечь, успокоить, обманывают: «Идите на улицу, мама уже идет». Я замолкаю на время, иду с кем-нибудь из братьев на улицу, но матери нет, и я снова начинаю плакать. Так было много раз.

Но однажды свершилось чудо: мать действительно вернулась. И сразу второе чудо — казалось бы, из ничего (суп из топора) она приготовила нам что-то поесть. Мир и счастье снова вернулись в наш дом.

И еще один эпизод из моего военного детства. О том, как немецкий врач если не спас, то очень способствовал моему выздоровлению. Я сильно заболел и буквально угасал. Все домашние средства не помогали. Мать обратилась к учительнице немецкого языка. Вместе они пошли в немецкую казарму, расположенную в школе, разыскали врача. Тот пообещал и вскоре пришел к нам домой. Он приблизился ко мне не менее трех метров, велел раздеть меня и издала осмотрел. Потом велел принести горячей воды и чистую простынь, которую потом на несколько минут опустили в чугунок с горячей водой. По указанию немецкого врача мать отжала горячую простынь и меня, голого, крепко запеленала в нее. Было очень горячо. Я кричал, пока не израсходовал все силы. С утра следующего дня началось мое выздоровление. Уже будучи взрослым, я понял — это был компресс на весь организм. Как говорится, пан или пропал.

Задумываясь над увиденным и услышанным в детские годы, над прочитанным и осмысленным позже, я приходил к выводу, что немцы могли быть терпимы, пока их не убивали. А не убивать их было нельзя. Зачем они пришли на нашу землю с оружием? Они не только захватчики, они убийцы. Об этом нельзя забывать никогда.

Закончилась война, о чем мы, мальчишки, сильно сожалели: «Вот если бы она не закончилась, я бы взял вот такое оружие, я бы..., я бы этим немцам...» А оружия всякого у нас было много. Мои три старших брата были главными поисковиками и добытчиками. И если у мальчишек появлялось какое-то необычное вооружение, нам уже не было покоя, пока оно не появлялось у нас.

Наш склад с оружием несколько раз ликвидировался матерью. Но это не сильно нас огорчало. Мы вновь начинали поиски. После последней ликвидации нашего склада я обнаружил в туалете во дворе торчащий ствол. Общий сбор по тревоге. Мы все сгрудились, разглядывая его. Так вот куда исчезает наше вооружение! Что

будем делать? Будем доставать или ищем новое? Единогласное решение — будем искать новое.

В этот же день за обедом мать, обращаясь к старшим братьям, сказала: «Вася, Сеня, ну ладно, эти несмышленики еще не все понимают. А вы-то, старшие, должны уже быть мне помощниками. Мне хочется всех вас сохранить для жизни. Посмотрите вокруг, сколько мальчишек из-за этого оружия покалечилось, а некоторые и жизни лишились. И это уже после войны». Старший брат после этого обеда собрал нас и сказал: «Все. Больше ни оружия, ни боеприпасов не собираем». И мы больше не собирали. Отрезано. Очень сильно на нас подействовали тогда слова нашей матери.

Следующей нашей сверхзадачей было найти велосипед, найти подшипники, пригодные для изготовления самоката. Шоссе было рядом, и кое-кому это удавалось. Они царствовали на нем. Это были счастливчики. Мы облазили все танки, всю подбитую в боях технику, но нам попадались только большие, нам неподвластные подшипники. А велосипед мы все-таки собрали, но местная власть его реквизировала как трофей.

Еще один эпизод из моего послевоенного детства. Прошло уже несколько лет после войны. Лето. Солнечный день. Природа благоухает. На скамейке возле дома сидят взрослые соседи. Ребята играют тут же на улице. И вдруг над нами низко и не очень быстро пролетает пассажирский самолет. Я, уже взрослый парень, срываюсь с места, подбегаю к какой-то женщине и прячусь у нее под юбкой. Все смеются, а потом немного задумываются. Я, сконфуженный, вылезаю из-под юбки, мне стыдно. Осознаю, что это не война и что бомбежка за этим гулом не последует, но страх еще был. Вспоминая изредка этот эпизод, думаю, как же глубоко еще сидел он, этот страх, в нашем теле и в наших душах, что и спустя годы он давал о себе знать.

Мне помнятся многие послевоенные события. В годы войны где-то за поселком партизаны не раз взрывали немецкие поезда. И нам, ребятам, в первые послевоенные годы приходилось собирать куски разорванных рельсов на металлолом. На тачках мы тащили несколько километров эти тяжелые куски металла на базу, за что получали несколько десятков копеек. Их хватало иногда на хлеб, а иногда даже на кино.

Хлеб тоже непросто было достать, особенно мальчикам. Очередь в магазине занималась с утра. Хлеб привозили после обеда. К этому времени очередь была похожа на пчелиный улей. Подходили взрослые. Им некогда было стоять в очередях, работать надо, но они тоже хотели хлеба. «Душились за хлебом» — так тогда часто говорили. И действительно душились. Черного хлеба не хватало, а белый хлеб для многих был мечтой.

Старший брат, проучившись в школе два года, пошел на работу учеником сапожника. У матери было четверо сыновей. Она выбивалась из сил. Годы были не простые. И вот у брата первая получка. Ее хватало на две буханки ржаного хлеба или на одну пшеничную. После долгих колебаний он решил: «Эх! Была, не была!» И он купил тогда буханку белого хлеба. Я же в это время пас какую-то домашнюю скотину возле железной дороги, на том участке, где немцы руками местного населения вырубали весь лес, всю растительность метров на двести, чтобы за-

труднить действия партизан. Ко мне на всех парах бежит младший брат и, запыхавшись, говорит через раз: «Володя..., Вася... принес... белого хлеба». Я стою несколько секунд, осознаю сказанное. Не могу поверить. После чего уже бегу, как на стометровке, домой. Мать отрезала мне краюшку хлеба, а подбежавшему брату поменьше («Тебя я уже угощала»). Так я впервые, спустя несколько лет после окончания войны, попробовал белый хлеб.

В военное и послевоенное время мы ели все. В саду — все плоды, не дожидаясь их созревания. Стволы и ветви мы порою натирали до блеска своими телами. В лесу — грибы, ягоды, молодые поросли сосновых ветвей и т. д. В огороде — все, что там произрастало. В поле — лебеду.

А чего стоили весной «гнилушки» (перемерзший за зиму оставшийся в земле картофель)? За ними далеко в поле с лопатами уходили старшие братья. Возвращались они после обеда. Картофель на полях убирался чисто, не так много его оставалось в земле, поэтому, чтобы его накопать и принести полведра или ведро, даже вдвоем, надо было хорошо потрудиться. Из оставшегося в этих лепешках крахмала мама делала вкусные оладьи.

В первые годы после войны по линии соцобеспечения многодетные семьи погибших кормильцев обеспечивались двумя-тремя небольшими посылками, в которых было что-то из одежды или обуви. Все имеющееся десятки раз ремонтировалось, донашивалось до плачевного состояния. Я, будучи уже учеником, два года ходил в школу зимой без пальто и без куртки. В такой посылке было несколько баночек консервов, в том числе американская тушенка, очень вкусная.

В какой-то день мать отправилась за последней посылкой в районный центр, что в 5 километрах от нас. Мы все, особенно младшие, в ожидании ее возвращения выбегали за околицу много раз, потому, что знали, что в этой посылке будет что-то съестное. А ее все нет и нет. Наконец она появилась. Шла с заплаканными глазами и заплетающейся походкой. А встретившись, только и смогла сказать: «Вот». Дальше продолжать уже не могла. Мы подхватили посылку и радостные побежали домой.

Вспоминая этот эпизод, думаю, что по дороге домой выплакалась наша мама — где-нибудь на обочине дороги, излила нашей матушке земле все накопившиеся слезы за все беды, за свою судьбу, за потерю любимого человека — отца ее детей... И так было в каждой семье. Нас всех тогда объединяло горе.

Помнится и такой эпизод послевоенного периода. Топится печь, варится картошка. Мы, голодные, невеселые, бродим вокруг в ожидании ужина. В такой вот гнетущей обстановке мать говорит: «А ну-ка, Вася, запевай!». Медленно, как бы нехотя, набирая силу, полилась песня «Запрягайте, хлопцы, коней...». За ней полились другие, народные. Мы пели все с воодушевлением, с какими-то новыми силами («Наперекор ветру, навстречу буре»). Приходят соседи, спрашивают: «А что это у вас за веселье в такое непростое время?». Отвечаем: «А вот ждем, когда сварится картошка». К этому времени картошка была готова. Вместе и поужинали.

По моему глубокому убеждению, нашим матерям, пережившим войну, ежедневно совершавшим подвиги, сохранившим нам жизнь, мы должны низко-низко покло-

ниться и повсеместно поставить памятники. Не успеваем. А значит, не до конца осознали, недооценили. Обидели... Мы в неоплатном долгу перед ними.

После войны почти все населенные пункты были глухими. Не было света, не было радио, много чего не было. И если где-то зазвучит патефон, гармошка, тем более оркестр, тут уж собиралась вся округа. Люди тянулись к новой жизни, к новым звукам.

Я долго канючил, чтобы мне купили гармошку. И вот через год-другой где-то в деревне сарафанное радио донесло, что продается гармошка, недорого. На семейном совете при многих дырах в семейном бюджете, решили купить мне гармошку.

Вскоре я на слух научился играть то, что когда-то приходилось слышать. Жизнь возвращалась к людям. Меня стали приглашать на семейные праздники. Я не возражал, потому что меня угощали, как гармониста. Но годы шли, и мне уже не нравились эти застолья с выпивкой, взрослые компании.

Однажды приходит женщина и говорит матери: «Варка, твой сын играет на гармошке, а у нас небольшое застолье. Пусть бы он пришел, повеселил нашу душу». Я это слышал и чуть ли не затопал ногами: «Я не пойду, я не хочу». И опять: «Я не пойду...». Мать спокойно: «Иди, Ульяна. Придет мой сын». Соседка ушла. Я опять за свое. Мама: «Сынок, ты же видишь, она такая горемычная, как и мы, за каждой травинкой наклоняется. Ты же видишь, как она трудится... Как ее не уважить, не помочь? Слава богу, не в горе». Проходит несколько минут, и я обезоружен.

Прихожу в назначенный час. За столом, скромно накрытом, 6–7 женщин и один мужчина, инвалид. Выпили раз-другой, закусили. Встает одна женщина и говорит: «Давайте выпьем за Родину, за Сталина...» И вдруг хозяйка говорит: «А давайте, бабы, выпьем за нас». А я сижу и про себя ворчу: «За Сталина не хочет выпить. За нас. Да кто ты такая?» Полжизни потребовалось мне, чтобы признать праведность ее слов. Каждый раз, проходя по нашей улице мимо этого дома, я вспоминаю ее и этот эпизод. Он такой маленький и такой большой.

А какие же глупые мы были тогда! Нет, не глупые. Просто мы не могли показаться трусами перед своими товарищами. Вот один из послевоенных эпизодов.

Нашли мину. Что делать? Конечно, в костер. И кто-то из мальчишек предлагает: «А давайте сядем вокруг костра, и кто первым побежит от костра, тот самый большой трус, а кто последним — тот самый смелый. Слово сказано. Мы все понимаем, чем это может закончиться, но отказаться никак нельзя. Никто не хочет показаться трусом. И вот на окраине поселка костер, в нем мина и мы кружком, поджав ноги, боремся со страхом, бодримся. Сидим. Наконец, кто-то не выдерживает и бежит от костра. Мы все обрадованно: «Трус, трус». Кто-то показывает пальцем на него. Побежали другие — тоже трусы, но меньше. Остался один — мой брат. «Сереежка, уходи, сейчас взорвется», — кричу я. Сереежка медленно, изредка оглядываясь на костер, немного бравировав своей смелостью, отходит. Взрывается мина. Сереежка отделался малой кровью. Никто более не пострадал. Наказаны были все.

Для наказания в нашей семье имелаась добротная плетель, оставшаяся то ли от немцев, то ли от власовцев. Кожаное плетеное изделие, а в конце наполови-

ну заплетенный металлический тросик. Очень душевный «товарищ». Как сейчас очень хорошо помню. Нам с братом запрещалось выходить со двора. Мать со старшими уходила на работы. Рядом жила бабушка. Уж как мы ни старались уйти от ее неусыпного глаза, напрасно! Мы были, как нам казалось, очень избетательными. Уходим. Вечером наказание было неотвратимым. Но нам ведь тоже надо было добывать оружие, боеприпасы, участвовать в общих мероприятиях, в которых мы не могли не участвовать.

Экзекуции, или угроза экзекуцией, в которых Сережке, как старшему, доставалось больше, чем мне, проходили регулярно. Их хватало на день, на два, редко на три, после чего все повторялось. И так года два. До тех пор, пока однажды дед не вырвал из рук матери сие орудие со словами: «И до каких пор ты будешь изгаляться над моими внуками?». Он посек эту плетть на мелкие кусочки у нас на глазах. Мы были очень благодарны своему освобождению. А я с тех пор стал неразлучным со своим дедом.

Спустя много лет, будучи уже взрослыми, мы спрашивали у матери: «Мама, а почему ты держала нас в таких ежовых рукавицах?». Ответ был простой и убедительный: «А как мне было вас сохранить?». Больше вопросов не было. Мы на половину были предоставлены улице. А улица есть улица, она и хорошему может научить, и плохому.

В 1946 году я увязался вместе со старшими братьями ходить в школу. Меня приняли с испытательным сроком. А потом, в 6-летнем возрасте, и совсем приняли. Итак, я в 1-м классе вместе с братом, который старше меня на три года.

В первые годы все было нормально. Старшие братья в старших классах решали задачки, спорили... Проучившись пару лет, они пошли работать. Общее образование их довоенное и послевоенное — 4 класса начальной школы. Пошли работать, чтобы мы, младшие, могли продолжить учебу.

Однажды в нашем поселке появился суворовец. Мы, мальчишки, смотрели на него, как на инопланетянина. Нам казалось, что он был из другого мира, с другой планеты, ничего общего не имеющий с нашим босоногим детством. В нас тогда преобладали восхищение и зависть.

В один погожий день к нам приехал работник военкомата. «Ну, где твой малой?» — спросил он у матери. Потом он посмотрел

Суворовец В. Монич.
1956 г.

В. Ф. Монич.
11 июня 2006 г.

на меня оценивающе и сказал: «Кормить надо лучше». А через недельку я, ничего не ведающий, уже ехал в Минск вместе с десятком сверстников и с рублем в кармане поступать в суворовское училище.

Прошли медицинскую комиссию. А далее, о Боже, — экзамены за 7-й класс. Сдавал на тройки и четверки. Последний экзамен по физике. До сих пор помню этот вопрос. И ведь что-то мог сказать, но так оробел, такой был сердитый преподаватель, что я не проронил ни слова. За это он поставил мне красивую единицу.

Вскоре нас собрали, велели возвращаться домой. Вопрос о нашем поступлении будет решать мандатная комиссия, о чем будет сообщено в военкомат. В ту ночь я не спал, переживал. Не поступил. Ведь с единицей никуда не поступают. Медленно, но и это горе ушло от меня, наступили будни.

Ранним утром мы с дедом уже на сенокосе. Дедушка косит, я подгребаю, сушу сено в какой-то болотине. Периодически дедушка закуривает трубку. Кремень, собачка Жучка, скромный перекус — это незабываемо. К вечеру подсохшее сено определяем на двуколку и, запрягшись вместо лошадок, тащим по опушке добытое богатство домой. Безлюдье, но кто-то на велосипеде торопится нам навстречу. Не случилось ли чего? Это моя двоюродная сестра: «Володя, ты поступил с суворовское училище, тебе надо ехать в военкомат». Мы меняемся местами.

Через день нас постригли, после бани мы одели суворовскую форму в военном городке Уручье. Этакie смешные и красивые черные человечки! Мы осматривали друг друга, все одинаковые, привыкали к новой форме и новой жизни.

А через несколько дней нас привезли во вновь отремонтированное, пахнущее краской здание Минского суворовского военного училища. Нет, это было не здание — это был дворец. Не верилось, что это все сделано для нас. Этот дворец вместе с персоналом, воспитателями и учителями остается в моем сердце, как святыня, со словами благодарности и им, и нашему государству.

Когда оглядываешься в прошлое, невольно видишь огромные картины разрушений. Ущерб был колоссальный. Сколько уничтожено, разграблено, сожжено! Сколько людей не вернулись в отчий дом, сколько детей не получили родительской ласки, внимания и заботы! Этот ущерб трудно объять даже сознанием. Только великий народ смог перенести эту трагедию, восстановить разрушенное войною и вернуться к нормальной мирной жизни.

Глядя сегодня на дворцы и замки восточных, некогда дружественных нам стран, осознаешь, что наши солдаты кровью и жизнью рассчитывались за то, чтобы не подвергать их города разрушению. Эту красоту сейчас приятно лицезреть. А я невольно вспоминаю снимок сверху г. Минска после освобождения. Сплошные руины. Несколько сохранившихся зданий, да и те были подготовлены для уничтожения.

После войны, авторитет нашего военного человека в Европе был огромный, его не знали куда усадить и чем угостить. Это был авторитет советского воина-освободителя. Тогда люди хорошо знали, кому они обязаны своим освобождением от рабства. Но приходит новое время, приходят новые поколения. Все меньше помнят и знают о делах минувших дней и наших победах. Раздаются голоса: «Россия несправедливо владеет такими большими природными богатствами...» Новые Гитлеры и Геббельсы из-за океана возомнили себя властителями мира, огнем и мечом решая судьбы народов, с вожделием поглядывают на наши земли.

Люди! Будьте бдительны! Не дайте себя обмануть красивой жизнью, красивыми словами и сказками. Зрите в корень. И грош нам будет цена, если мы когда-нибудь забудем нашу историю, наших великих предков и миллионных жертвах, ибо все это может повториться.

Суворовцы первого выпуска МНСВУ 1953–1956 гг.
Слева направо: М.С. Теренченко, В.Ф. Монич, Н.М. Карпишин,
стоят В.К. Окунев, В.М. Лагутин, П.Г. Чаус, В.М. Салтонович. 2015 г.

НИКУЛИН РУДОЛЬФ ПЕТРОВИЧ (26.09.1941 г.)

Р.П. Никулин. 2011 г.

Кандидат технических наук, аттестованный эксперт Госстандарта Российской Федерации.

Родился в г. Москве. Отец пропал без вести на фронте под Москвой в 1942 г. После окончания СВУ был направлен для учебы в Бакинское высшее общевоинское командное училище. С 3-го курса комиссован по состоянию здоровья. С 1963 г. начал работать на предприятии ВПК, поступил на вечернее отделение Московского энергетического института, который окончил в 1969 г. по специальности «радиотехника». В 1977 г. окончил аспирантуру Московского высшего технического училища и в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Вырастил 2 дочерей, имеет 2 внуков. Работал в военно-промышленном комплексе СССР.

Из воспоминаний Рудольфа Петровича Никулина

Родился я в Москве в ночь с 26 на 27 сентября 1941 года под землей, в метро, на станции «Сокол». Это было связано с тем что, в эту ночь фашистская авиация наносила массированные бомбовые удары по пригороду Москвы, и всех рожениц отвезли на станцию Сокол. В конце января 1942 года мать получила извещение о том, что мой отец, Никулин Петр Дмитриевич, пропал без вести во время боев за Москву под Волоколамском. Ситуация в Москве была очень тяжелая, из-за голода мама едва ходила, и нас вместе со старшим братом эвакуировали из Москвы к сестре моей мамы в Майкоп. В начале лета 1942 года фашисты прорвались на северный Кавказ, и нас эвакуировали под Туапсе, где мы прожили до сентября 1944 года. Затем возвратились в Майкоп, где я прожил до 1951 года. Осенью 1949 года пошел в школу. Поскольку нас эвакуировали из Москвы, то моя мама добилась, чтобы нас опять прописали

Р. Никулин со старшим братом
во время эвакуации в Майкоп

в Москве, несмотря на то, что наша жилая площадь была занята. Она смогла устроиться на работу в Военно-строительное управление, которое строило не-далеко от станции Внуково Киевской железной дороги дачи для сотрудников Вннешторга СССР. Здесь я прожил до июня 1953 года, когда мама сказала мне, что в июле мы поедem в Минск поступать в Минское суворовское военное училище. Экзамен, т. е. проверка знаний у меня и десятков других ребят из разных районов Белоруссии, Украины, Новгородской, Псковской областей, Прибалтики показали низкий уровень подготовки, поэтому наша рота снова пошла в четвертый класс, мы были самыми младшими. Минское СВУ я окончил в 1961 году, дальнейшее обучение хотел получить в Оренбургском высшем летно-инженерном училище имени Ю.А. Гагарина. К сожалению, по состоянию здоровья я не смог поступить в летное училище и был направлен руководством Минского СВУ в Бакинское высшее общевойсковое командное училище. В декабре 1962 г. по состоянию здоровья был комиссован и в январе 1963 г. вернулся в Москву. В феврале 1963 года начал работать на предприятии ВПК СССР, где занимался разработкой радиоэлектронного оборудования для ракет класса воздух-воздух, минометно-пушечных боеприпасов, в том числе для нейтронных и ядерных боеприпасов. Одной из многих разработок было участие в создании уникальной для того времени ракеты Р-40. Модифицированные ракеты этого типа до сих пор состоят на вооружении. На этом предприятии я проработал до 1985 года и прошел путь от старшего техника до ведущего инженера, а затем старшего научного сотрудника. За это время окончил Московский энергетический институт, аспирантуру МВТУ имени Н.Э. Баумана и в июне 1980 года защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. У меня шесть авторских свидетельств и более 40 научных работ. Результаты моей диссертации использовались при испытании радиоэлектронного оборудования для различных видов боеприпасов до 1985 года.

В 1985 году мне предложили работу в Московском НИИ радиосвязи в должности заместителя начальника отдела (руководитель сектора перспективных разработок). Мы занимались разработкой многолучевых адаптивных антенн для геостационарных спутников связи военного и гражданского назначения. Кроме того, принимал участие в разработке антенных устройств для мобильных наземных, воздушных и морских объектов. В связи с распадом СССР было прекращено финансирование перспективных разработок, и в 1989 году я перешел в Государственный центр электромагнитной совместимости системы Госстандарта. В 1992 г. прошел аттестацию на право проведения работ по сертификации электротехнической продукции на соответствие требованиям стандартов по электробезопасности и электромагнитной совместимости. Этой работой я занимаюсь до настоящего времени. В этот период в соответствии с требованиями систем сертификации

Суворовец Р. Никулин. 1960 г.

Выпускники 1961 года со старшиной В. Корнеевым. Слева от него Р. Никулин. 2-й ряд слева направо: А.Клопов, Г.Измайлов, справа: В. Гальченко, В. Давиденко, В. Гзовский

проверял предприятия разных государств, продукция которых поступала в нашу страну. Это были Великобритания, Германия, Словения, Италия, Швейцария, Болгария, Швеция, Южная Корея.

Я всегда с большой благодарностью и теплотой вспоминаю наших офицеров-воспитателей, преподавателей и годы, проведенные в Минском СВУ. Сейчас, с высоты прожитых лет, оцениваю тот огромный вклад Правительства

и народов СССР в судьбу и будущее тысяч детей войны, которые выжили в то страшное военное время, потеряв при этом родителей, крышу над головой, возможность учиться. Создав по инициативе бывшего выпускника Пажеского корпуса графа А.А. Игнатьева, генерал-лейтенанта Красной Армии, и при личной поддержке И.В. Сталина, десятки суворовских военных училищ, Правительство СССР спасло тысячи детей от бродяжничества, преступлений и подготовило высокообразованные и высококвалифицированные кадры как для службы в армии, так и для работы в науке, промышленности, медицине, образовании. Подавляющее количество выпускников СВУ всегда с гордостью говорят, что они выпускники суворовских училищ, верой и правдой служат своей Родине.

Р. Никулин и Г. Измайлов спустя десятилетия идут по жизни вместе. Москва. 2002 г.

ПЕТРОВ ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ (22.02.1935 г.)

Ю.А. Петров

В 1943 году поступил в Воронежское СВУ, которое окончил спустя 10 лет. Продолжил учебу (1953–1956 гг.) в Свердловском суворовском офицерском училище, после окончания которого служил (1956–1959 гг.) в должности командира взвода в Белорусском военном округе (120 МСД). Осенью 1959 г. был переведен в МВД на должность командира группы 43 отдельной войсковой комендатуры 9-го отдела МВД (г. Чулым Новосибирской области). В мае 1960 года попал под сокращение (миллион двести тысяч). Приехал в Минск и с июля работал на заводе БелВАР (позже завод им. В.И. Ленина) учеником строгальщика инструментального цеха. Осенью того же года поступил в Минский политехнический институт на вечернее отделение машиностроительного факультета, который окончил в 1967 году. С 1963 года работал в должностях инженера-конструктора, инженера-механика

в специальном конструкторском бюро, инженером-конструктором первой категории, а когда в 1982 году образовался Минский научно-исследовательский институт радиоматериалов, работал ведущим инженером до выхода на пенсию в 1995 году. Выйдя на пенсию, проработал еще 13 лет.

Из воспоминаний Юрия Андреевича Петрова

Из раннего детства помню немного, только то, что жили неплохо. Перед самой войной отец уехал в Самару (ранее Куйбышев) в военное училище. Последний раз видел его, когда провожали всей семьей у ворот. Он сел на пролетку и уехал на вокзал.

День 22 июня 1941 года помню. Мы с мальчишками играли во дворе, вдруг в нашу квартиру стали собираться соседи: у нас был репродуктор. Нам, мальчишкам, стало интересно, что случилось? Мы вошли и увидели, что все напряженно слушают в репродукторе какое-то сообщение. Нас заставили замолчать, и в тишине кто-то из присутствовавших шепотом произнес: «Война!!!».

Началась тревожная жизнь. Жизнь разделилась на два периода: до войны и в войну. Репродуктор работал постоянно, все слушали и с нетерпением ждали сводки Информбюро, ждали редкие письма отца. С продуктами стало очень плохо,

Юра Петров. 1939 г.

выручали сад и огород, а также детский сад, который я начал посещать еще до войны. Взрослые собирали и отправляли посылки на фронт, собирали все, что кто мог: теплые вещи, носки, варежки, кисеты для махорки. Помню, мы с мамой и сестрой что-то вышили и послали отцу на фронт.

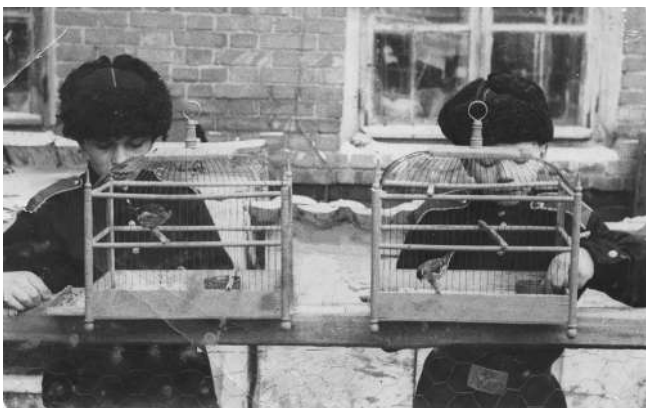
Война город Пензу, где мы жили, прошла стороной. И только во время воздушной тревоги видели высоко в небе над городом фашистские самолеты. Наши зенитки начинали стрелять, и во двор летели осколки. Фашистские самолеты летели на восток, к Волге. Некоторые «сведущие» объясняли это тем, что в Пензе живет де бабушка Гитлера, и не иначе.

А в начале декабря 1942 года пришла «похоронка». Отец 26 ноября 1942 года погиб под Сталинградом. Так общее горе стало и нашим. Мы с сестренкой заметили, что наша мама сразу сильно постарела, а через некоторое время вступила в партию. Мы, дети, тоже повзрослели, стали предлагать маме свою помощь и делать посильную работу в доме.

Мама в 1943 году работала в Военторге и, видимо, там узнала об образовании суворовских военных училищ и, поговорив со мной по-взрослому, стала собирать меня к отъезду из дома.

В училище я поступил не в основной набор, а в дополнительный, 19-го декабря 1943 года, в день образования училища. В тот день вместе со мной приехали 10 мальчиков из Пензы. Мы во время торжества по случаю открытия Воронежского СВУ находились на втором этаже штаба училища и наблюдали из окна церемонию принятия присяги уже поступившими в училище суворовцами, вручение Знамени училищу. Затем нас переодели в суворовскую форму и разместили по ротам и отделениям. Я попал в 12-е отделение младшего подготовительного класса к офицеру-воспитателю Дмитрию Дмитриевичу Моисееву, а помощником офицера-воспитателя был старшина Янгольд, который, как отец родной, журил, обогревал и приучал к армейскому порядку.

Воронеж освободили 25 января 1943 года. Город был почти полностью разрушен, даже те кирпичные здания, которые оставались не разрушены при бомбежке, немцы взорвали при отступлении.

Суворовцы В. Рудницкий (справа) и Ю. Петров (слева). 1945 г.

Суворовское училище было расположено в пригороде, в районе Придачи, который соединялся с городом дамбой и небольшими мостами, наскоро восстановленными саперами. В этом районе сохранились кирпичные здания еще царских казарм, они напоминали тюрьму и обнесены были двухметровым кирпичным забором. В этих наскоро отремонтированных казармах и разместили училище. В помещениях этих казарм расположились и классы, и спальные помещения, и столовая. В них также жили офицеры и преподаватели.

Началась новая жизнь в строгом соблюдении распорядка дня. Поначалу часто отключалось электричество, и мы на самоподготовке работали с «плошками», в которых горели свечи. Первое время невыносимо хотелось домой к маме, к сестре, но постепенно я втянулся в жизненный ритм училища и все меньше тосковал по дому.

Летом училище выезжало в летний лагерь, который располагался на крутом берегу реки Воронеж, вокруг были леса, где оставалось еще много неразорвавшихся снарядов и мин. Вспоминаю такой случай, который чуть не стал роковым для меня и моего друга Володи Рудницкого. Гуляя по лесу, мы нашли неразорвавшийся снаряд, возможно, калибра 120 мм, и решили его «рвануть». Вытащили его на крутой берег реки и столкнули с обрыва, а сами спрятались в воронке, но, к нашему сожалению, снаряд не «рванул». Мы решили повторить попытку — и опять неудача. За третьей попыткой затащить снаряд на кручу нас застал старшина Янгольд. За эту самодеятельность нас строго наказали: заперли в так называемый карцер, в кладовку под лестницей, где мы просидели до следующего утра, без обеда и ужина. Всякое было в те беспокойные годы — война еще продолжалась.

Годы после войны были тоже нелегкими. Вспоминаю 1947 год. Этот год был неурожайным, многие из нас, суворовцев, свои порции хлеба передавали голодным стрикам и старушкам через дыру в заборе.

В этом же году у меня случился приступ аппендицита, чуть не попрощался с белым светом, если бы вовремя не обратился в санчасть. После операции маме разрешили забрать меня домой на реабилитацию. Пропущенное время учебы во время болезни пришлось усиленно наверстывать. В то время многих, кто не успевал по учебе, отчисляли из училища, а мне не хотелось уходить из училища. Поэтому я усиленно занимался и скоро догнал одноклассников по учебе. Во многом мне помогли преподаватели. Полученные в суворовском училище знания мне очень помогли в дальнейшем при поступлении в институт и при работе инженером-конструктором.

Не могу не рассказать о своих впечатлениях о Дне Победы. Было так.

Лейтенант
Ю.А. Петров. 1956 г.

Ю. Петров с внучкой Наташей. 1986 г.

Рано утром 9-го мая к нам в спальню буквально влетел офицер-воспитатель старший лейтенант Савин с криком: «Ребята! Победа!». Все вскочили с кроватей, и в воздух полетели подушки и одеяла. « УРА! УРА!» понеслось по всем спальням, во дворе слышны были автоматные очереди. Даже произошел такой случай: один офицер-воспитатель на радости прострелил себе ногу, но, к счастью, рана была неопасной. Происшествие удалось замаять. Днем был праздничный обед, за обедом нам каждому выдали по плитке американского шоколада в честь Победы!

Поэзия Ю.Петрова передает яркие впечатления и лиричное настроение:

Куда вы кони, несете время?
Я знаю, вам совсем не бремя
Менять легко за годом год,-
Он в сани – вы, айда, вперед!

Постойте, лешие! Гоните тише!
Достать хочу звезду, что выше
И ярче всех мерцает впереди,
Сорвать ее и спрятать на груди.

Так не гоните наше время!
Хоть вам, лихим, совсем не бремя
Менять легко за годом год-
Он в сани - вы, айда, вперед!

29.12.1977 г.

РАТНЕР АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ (07.02.1933 г.)

Полковник А. М. Ратнер. 1978 г.

Полковник, председатель секции «Кадетское братство» в Израиле.

Родился в г. Николаеве (Украина) в семье военнослужащего-летчика, участника Великой Отечественной войны. После неожиданной в 1945 г. смерти матери отец, оставшись с двумя малолетними детьми на руках (сыну было 12 лет, дочери 6 лет) и вечно занятый по службе, принял решение отдать сына в Тульское СВУ.

Окончил Рязанское пехотное училище им. К.Е. Ворошилова и получил назначение на должность командира взвода в г. Калинин. В течение 9 лет командовал стрелковым взводом, учебным взводом в полковой школе, был заместителем командира роты, командиром роты. В 1963 г. поступил и в 1966 г. завершил учебу в Военной академии им. М.В. Фрунзе. Служил в Забайкальском военном округе в должностях старшего помощника и заместителя начальника

*Отец и сын полковники Ратнеры
на Красной площади в Москве. 8 мая 1990 г.*

Одна из встреч выпускников СВУ и членов их семей в Израиле. 2006 г.

оперативного отделения дивизии (Даурия), заместителя начальника оперативного отдела штаба армейского корпуса (г. Борзя).

С 1971 г. и до увольнения в запас в 1984 г. служил в должностях преподавателя (1971–1973 гг.), старшего преподавателя тактики (1973–1984 гг.) Московского ВОКУ им. Верховного Совета РСФСР. После увольнения в запас около 10 лет работал в должности начальника отдела кадров авторемонтного завода Министерства обороны. В 1994 г. в связи с приобретенным тяжелым заболеванием и необходимостью квалифицированного хирургического вмешательства семьей принято решение о переезде на постоянное место жительства в Израиль. Там перенес 6 сложных операций. Но интерес к активной жизни не потерял. В 2006 г. встретившиеся 23 февраля 3 суворовца и нахимовец образовали секцию «Кадетское братство» в Израиле, председателем которой стал Александр Моисеевич. В результате проведенной поисковой работы ее численность в Израиле за счет выпускников СВУ, НВМУ и спецшкол превысила 50 человек. В мае 2008 г. Международной ассоциацией «Кадетское братство» награжден орденом «Кадетский крест» 2-й степени.

Из воспоминаний Александра Моисеевича Ратнера

Эвакуация

Я, Ратнер Александр, родился в семье военнослужащего. Отец, летчик по военной профессии, в 1940 г. закончил академию им. М.В. Фрунзе и был назначен на должность начальника штаба истребительно-авиационного полка, который дислоцировался в г. Люберцы Московской области. В этом же году я поступил учиться в первый класс одной из городских школ.

В мае 1941 г. закончил первый класс, и мы (мама, я и сестренка, которой к этому времени исполнилось 2,5 года) выехали на отдых, сняв комнату в одной из деревень Люберецкого района. Каникулы, рядом речка, лес, неизведанные ощущения деревенской жизни. Что еще надо мальчишке? Рядом в соседнем доме отдыхала у своих родственников женщина с детьми, приехавшая из Воронежской области. Здесь, в деревне, нас и застало сообщение о начале войны. Мама поехала к отцу, чтобы решить, что нам делать дальше. Отец велел пока оставаться в деревне. По мере продвижения немцев в глубь страны обстановка становилась все тревожнее. Началась бомбежка Москвы и ее окрестностей. Вечерами и ночью мы наблюдали сполохи пожаров, лучи прожекторов и глухие звуки разрывов авиабомб. Наша соседка стала собираться домой в Воронежскую область и пригласила нас ехать туда же. На это, конечно, потребовалось согласие отца. Мы вернулись в Люберецы, и на семейном совете было принято решение ехать. В начале августа мы выехали в г. Россошь Воронежской области. Детская память многого не сохранила о жизни в тот период. Поскольку выехали на короткое время, как в ту пору многие думали (через пару недель Красная Армия разгромит врага, и мы вернемся домой), то не взяли с собой теплых вещей, сменной обуви и многих необходимых для жизни предметов. Здесь, в Россоши, я пошел во второй класс. Учеба давалась с трудом, т. к. время близилось к зиме, теплых вещей у меня не было, и в холодные дни я оставался дома. Потом, надо отдать должное местным жителям, которые всячески старались поддержать нас и продуктами, и вещами, в том числе и теплыми. Жили впроголодь, все время хотелось кушать. Как уж выкручивалась мама, чтобы накормить нас с сестрой, я не знаю. После того, как у меня появились кое-какие теплые вещи, я смог продолжать ходить в школу. Так мы прожили до весны 1942 г.

В июне 1942 г. началось немецкое летнее наступление. В основе этого наступления лежало овладение Воронежем, т. к. этот город на двух реках был важным центром военной и тяжелой промышленности, откуда осуществлялся стратегический контроль над всем Доном и переправами через него. Кроме того, Воронеж был ключевым пунктом, точкой пересечения автомобильных и речных путей от Москвы на юг к Каспийскому и Черному морям.

Сталин полагал, что весной-летом 1942 г. немцы предпримут новое наступление на Москву и приказал сосредоточить на западном направлении значительные резервные силы. Гитлер же наоборот считал стратегической целью предстоящей кампа-

А. Ратнер перед поступлением
в Тульское СВУ

нии широкомасштабное наступление на южном направлении с целью овладения нижней Волгой и Кавказом. Немцами был разработан специальный план по дезинформации советского военного командования и политического руководства. И этот план во многом удался.

Поскольку действия немецких войск явились в какой-то мере неожиданными, то нашим войскам не удалось организовать оборону по-настоящему, и, по сути дела, г. Россошь был оставлен без боя. Через Россошь проходили отходящие подразделения Красной Армии. Одно из таких подразделений и вывезло нас (семья командира Красной Армии) и спасло от пленения, а возможно, и смерти.

Мы очутились в станице Анненская Сталинградской области. Жили мы у какой-то старушки в саманном доме с земляным полом. Мама устроилась на работу, а я стал нянькой усвоей сестренки. Об учебе не могло быть и речи. Либо в конце этого года, либо в начале 1943 г отец нашел нас, прислал вызов, и мы вернулись в Люберцы. Отец находился на фронте. Жили опять впроголодь. Мама работала и получала продуктовую карточку служащего. Что-то было положено и нам, детям. Этого не хватало, чтобы питаться нормально. Иногда отец присылал нам с оказией кое-какие продукты, что нам очень помогало. Осенью, после того как с колхозных полей убирался урожай, мы ходили и собирали оставшиеся колоски зерна и картофель, зачастую уже подмороженный. Каков он был на вкус, можно себе представить. Кроме того, чтобы облегчить жизнь семье, отец летом на месяц забирал меня к себе (отец был начальником штаба авиационной дивизии). За мной

Суворовец А. Ратнер. 1946 г.

приезжал ординарец и привозил меня к отцу. Первый раз это было в 1943 г. Местом дислокации были Лодейное поле и Кандалакша. Кандалакша мне запомнилась белыми ночами, что для меня было непривычно: ночь по времени, а светло. Тут я отъедался. Питался в основном в летной столовой, и вся обслуга старалась меня угостить чем-то вкусным.

Солдаты меня учили водить машину. Учился вождению в основном на аэродроме, где можно было ездить хоть вдоль, хоть поперек.

Второй раз я был у отца в 1944 г. Дивизия дислоцировалась в Финляндии. Одновременно со мной приехал и сын командира дивизии, которому в ту пору было 14–15 лет. Поскольку он был старше меня, то и задавал тон всем нашим проказам. Штаб дивизии находился в месте, где раньше

дислоцировался штаб финской авиации. Участок смешанного леса, землянки, ямы, вместо траншей для укрытия от налета авиации. Кругом заминированные участки леса. В нашем понимании землянка — это вырытая в земле яма, обложенная жердями, сверху накат бревен, засыпанных землей, в ней всегда сырость, темнота, холод. Финские же землянки представляли собой по сути врытые в землю дома. Это несколько комнат с большими окнами, к которым ведут аппарели, подведено электричество, все обито вагонкой. В землянке сухо, светло и тепло.

Отцы были заняты по службе, а мы что хотели, то и делали: лазили по всем пустующим землянкам, собирали предметы быта, фото, вырезки из журналов и т. д. Затем собирали оружие и боеприпасы, оставленные неприятелем, используя собранный «трофей», начинали упражняться в стрельбе по найденным в землянках предметам. Конечно, в штабе объявлялась тревога и начиналось прочесывание леса. И это было неоднократно. А если учесть, что кругом были заминированные участки местности, то можно понять тревогу наших отцов. С нами неоднократно проводились воспитательные беседы, но особого успеха они не достигали. Кончилось тем, что нас загрузили в первый самолет, летящий в Москву, и отправили домой.

Все детские игры были про войну, игрушками были самодельные пистолеты и автоматы. А еще, поскольку мы жили рядом с аэродромом, пробирались к нему и у разбитых самолетов находили различные боеприпасы, которые использовали следующим образом: кусок смолы или гудрона на капсуль и гвоздик, сверху на патрон картонный стабилизатор, и с чердака дома это сооружение сбрасывалось на асфальт. Происходил выстрел, прибежал патруль, а нас уже и след простыл. Или бросали патроны в костер и разбегались.

Однажды я шел к ребятам на такой костерок и вдруг они начали разбегаться и падать на землю. Начали взрываться боеприпасы. Я не успел лечь, и один осколок попал мне в губу, на мое счастье, не в глаз. Крови было много. Вот такие у нас были детские игры.

Сразу после окончания войны дивизию отца передислоцировали в Подмоскowie. К этому времени занятия в школе закончились, и мы (мама, я и сестренка) смогли

Курсант Рязанского военного училища
старший сержант А. Ратнер. 1953 г.

Суворовцы А. Ратнер (слева), А. Чувакин, будущий генерал-лейтенант, председатель Межрегионального Союза выпускников суворовских, нахимовских училищ (1992-1995 гг.) и кадетских корпусов. 1949 г.

выехать к отцу. Все было прекрасно: война закончилась, отец вернулся с фронта, у меня каникулы, ура! Но в один миг жизнь нашей семьи круто изменилась. Совершенно неожиданно в августе 1945 г. скоропостижно умирает мама, не дожив трех дней до своего 37-летия. И сразу встал вопрос: как жить дальше? Мне было 12 лет, сестренке — 6,5 лет. Отец все время проводил на службе. Поэтому было принято решение: мне учиться в СВУ, а сестру отдать на время родственникам. Так и произошло. В сентябре 1945 г. я поступил в Тульское СВУ, поскольку оно было самым близким к месту, где мы в этот момент жили, а сестру забрали родственники. Суворовское училище я закончил в 1952 году.

В 1952–1954 гг. обучался в Рязанском военном училище им. К.Е. Ворошилова. Затем 9 лет служил в Московском военном округе в дивизии, дислоцируемой в г. Калинин, в должности командира взвода и командира роты. В 1963 г. поступил и в 1966 г. закончил академию им М.В. Фрунзе. Затем 5 лет служил в Забайкальском военном округе в должностях сначала старшего помощника, а затем зам. начальника оперативного отделения дивизии, зам. начальника оперативного

отдела штаба армейского корпуса. Командирами дивизий у меня были вначале сын маршала Ф.И. Голикова генерал А.Ф. Голиков, а затем — будущий Министр обороны СССР Д.Т. Язов.

В 1972–1984 гг. служил в Московском ВОКУ им. Верховного Совета РСФСР в должности старшего преподавателя кафедры тактики. В 1984 году уволился из рядов Вооруженных Сил СССР, которым я отдал 32 года своей жизни. Если учитывать срок моей службы в училище, то я вместе с другими преподавателями произвел три выпуска офицеров (при четырехгодичном сроке обучения), а это около трехсот человек. Вот, по сути, мой вклад в дело укрепления обороноспособности страны.

У каждого человека свой путь, и люди по-разному относятся к реалиям своей жизни. Кто-то из великих сказал, что счастье человека зависит не от обстоятельств его жизни, а от того как он относится к этим обстоятельствам.

Я родился и вырос в Советском Союзе. Государство бесплатно выучило и вырастило меня и бесплатно дало мне высшее образование, определившее мою дальнейшую карьеру. Да, у меня не было большого достатка, но это не тяготило меня — этого не было у миллионов моих соотечественников. Зато было то, что не купишь ни за какие деньги: большой круг хороших друзей, которые прошли через всю мою жизнь. И в той среде, где я жил, служил и работал, ценили такие понятия, как честность и порядочность, чувство долга и ответственность.

Я не знаю, кем бы я был, не доведись мне учиться в суворовском училище, но если бы начать все сначала, я бы выбрал тот же самый путь. Я выбрал бы тех же самых преподавателей, воспитателей и, конечно, друзей, которые стали братьями, если не по крови, по духу точно.

А что касается войны — не дай бог пережить заново все эти ужасы. Чистого неба всем над головой!!!

Первая встреча выпускников СВУ и НВМУ в Израиле.
Слева направо: А. Ратнер (Тульское СВУ — 1952 г.), Б. Гильченко (Ленинградское НВМУ — 1954 г.), В. Тамаркин (Казанское СВУ — 1953 г.), В. Славин (Куйбышевское СВУ — 1950 г.). 23 февраля 2006 г.

РУБАШЕНКО

АНАТОЛИЙ БОРИСОВИЧ

(24.04.1941 г.)

А.Б. Рубашенко

Суворовец Минского суворовского военного училища с 1953 по 1960 гг.

Окончил в 1964 году Белорусский институт народного хозяйства, с 1968 по 1970 гг. служил в Вооруженных Силах СССР, в воинском звании «лейтенант».

С 1970 по 1993 гг. служил в Управлении МВД Беларуси.

После увольнения в запас в звании «подполковник милиции» с 2001 года работал научным сотрудником отдела криминологии Научно-исследовательского института проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Пенсионер.

Из воспоминаний Анатолия Борисовича Рубашенко

До начала Великой Отечественной войны мои родители жили в городе Энгельс Саратовской области. Родился я перед самой войной, 24 апреля 1941 года. Отцу было 26 лет, матери 24 года. Отец, Борис Иванович Рубашенко, был довольно-таки образованным человеком: имел среднее образование и работал на заводе слесарем-электриком, а перед началом войны — инструктором стрелково-спортивного клуба. На фронт отец ушел добровольцем в первые дни войны. Его направили на курсы командирского состава и во время войны он проходил службу начальником 1-й части, шифровальщиком.

Наша семья, я и моя мама, остались в Энгельсе. Помню, что мама все время ждала письма с фронта от отца и в то же время боялась получить конверт со штампом: такие письма часто приносил почтальон соседям. В те трудные годы мама все делала для меня, чтобы я не оставался голодным. Так как фронт от нашего города был далеко, то мы, мальчишки, жили без-

Суворовец А. Рубашенко

заботно. Хотелось кушать, но мы привыкали к такому состоянию и делились друг с другом, не думая даже о родных.

Жили вольготно. Мама много работала, и я был предоставлен сам себе. Мама мне часто говорила, что скоро папа вернется с войны, и мне придется отвечать за все свои шалости, но, разумеется, я не знал отца, для меня это был былинный герой из сказки. Очень хотелось быть похожим на него. На улице, где мы жили, стояли деревянные дома. Тротуаров не было. Основными играми были военные, мы сами делали деревянные пистолеты, мечи и другие доспехи. Детей было так много, что до позднего вечера стоял детский гомон.

Вспоминается ужасный случай, это произошло уже после Победы, потому что в этот день вернулся отец. Наш деревянный дом загорелся. Это было настоящее бедствие для нашей семьи. Мы остались без крова над головой. Отец в то время уже был с нами, его направили для продолжения службы в военкомат.

Через некоторое время отца перевели в Белорусский военный округ начальником 1-й части Калинковичского военкомата. Вот в Калинковичах я увидел, какая катастрофа войны. В городе не было ни одного целого дома. Кругом были одни руины. Начались трудности, да еще мама родила по приезду в Калинковичи младшего брата Валерия. Помощи не было никакой. Мне, как старшему, пришлось помогать маме и отцу. В мои обязанности входила вся мужская работа: пилить и колоть дрова, отопление было печное, а также пищу подогревали на плите и на ней грели воду для купания младенца, кроме того, я стоял в очередях для отоваривания продуктовых карточек. Но, благо, отец получал паек, что помогало с пропитанием.

Однако, несмотря на трудности, детство — это сплошные солнечные дни. Окончив свою домашнюю работу, я устремлялся к новым друзьям и играл с ними, забыв о трудностях. Труднее всего было маме. Видимо, это и подкосило ее здоровье. Неожиданно она заболела. Квалифицированной медицинской помощи в небольшом белорусском городке не было. Соседки предлагали ей «народные» методы лечения, в результате ее срочно отправили на санитарном самолете в Минск в 1-ю городскую больницу, где она через неделю умерла. В то время нас уже было трое: два брата и сестра.

Отца после смерти мамы перевели по службе в Минск, где он встретил молодую девушку Надежду Ивановну Болтукову. Во время войны она сражалась с фашистами в партизанском отряде и была награждена орденом Красной Звезды и медалями. Ей было 24 года, отцу 36. Отец слукавил и сказал, что у него двое детей. Он появился в дом невесты со мной и только через несколько недель привез из Калинковичей остальных, сестру и брата. Надежда Ивановна сначала была очень огорчена, но очень сочувство-

Суворовцы А. Рубашенко (слева)
и М. Каспин

А козочки и не знают, что находятся в Чернобыльской зоне

вала сиротам и впоследствии стала для нас настоящей мамой. Мы ей благодарны. Но мне опять пришлось выполнять все те же обязанности по дому, однако стало меньше работы, потому что большую часть работы уже делала Надежда Ивановна. После Калинковичей Минск казался

огромным, свободы стало еще больше, жизнь была ключом. Однако в одно прекрасное утро отец отвел меня в военкомат. Это было в июне или августе. Там я прошел медицинскую комиссию, а затем со мной кто-то беседовал. Точно помню, что меня никто не спрашивал: хочу ли я поступать в суворовское училище, а просто за руку взяли и отвели. И только через какое-то время я понял — свободная жизнь закончилась.

Первое впечатление от суворовского училища было восторженное. Большие светлые классы, широкие коридоры, особенно впечатляла парадная лестница, покрытая красной дорожкой, и на постаменте памятник Александру Васильевичу Суворову.

Постепенно жизнь вошла в колею.

Я на всю жизнь благодарен судьбе за то, что учился в Минском суворовского военном училище.

А.Б. Рубашенко в Чернобыльской зоне

САЗОНОВ ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ (10.05.1940 г.)

В.И. Сазонов

Инженер-строитель. В 1947 году поступил в Минскую мужскую школу, а в 1952 году — в Куйбышевское суворовское военное училище, которое окончил в 1960 году. С 1962 по 1966 гг. учился на строительном факультете Минского политехнического института. По окончании института был направлен в проектный институт «Белпромпроект». Около 30 лет проработал главным инженером проектов: Минского часового завода, Брестского завода газовой аппаратуры и многих других промышленных объектов. Был в первых рядах строителей Западно-Сибирского города нефтяников Лангепаса, который находится между Нижневартовском и Сургутом.

На пенсию вышел в 2006 году, в настоящее время продолжаю работать в частной проектной фирме.

Из воспоминаний Валерия Ивановича Сазонова

Я родился в Минске, но точную дату не знаю. Возможно, это случилось в конце ноября или в начале декабря 1939 года. Но так как все документы сгорели во время бомбежки Минска, мне было выдано новое свидетельство о рождении в 1946 году, когда мы с мамой вернулись из эвакуации. В новом свидетельстве в графе дата рождения указана: «Родился в первой половине 1940 года в г. Минске». Когда я уже пошел в школу, мы с мамой решили, что день рождения будет 10 мая 1940 года. Так этот день стал моим днем рождения.

В эвакуацию отец отправил нас с мамой в первые дни войны. Мама была на восьмом месяце беременности. По дороге на Тамбов мама 1 августа 1941 года родила сестру.

Отец, Сазонов Иван Федорович, сопровождал эшелоны с людьми и документами. В итоге мы оказались под Новосибирском, в деревне Барышево. Бытовые условия и суровый климат тяжело переносила моя сестра, поэтому мама с сестрой часто лежала в больнице. Меня оставляли у соседей, передавая из одной семьи

Суворовец Куйбышевского СВУ
В. Сазонов. 1960 г.

в другую. Соседей я вспоминаю с большой теплотой. Люди были очень добрыми, я никогда не чувствовал себя одиноким.

Вспоминаю сельский клуб, куда собирались сельчане, было много мужчин, но большинство из них были инвалидами, на костылях или без рук. Еще запомнились страшные крики жен и матерей после получения похоронок. Однажды и нашу семью постигло несчастье. Но, как оказалось, это была похоронка на старшего брата отца — дядю Гришу. Нашей соседкой оказалась жена адъютанта М. Тухачевского, которую с дочерью отправили в ссылку.

Сообщение о Победе в деревне было встречено большим ликованием. Мама с надеждой ждала возвращения с фронта отца. Отец закончил войну в Кенигсберге, командиром саперной роты. Соединение, в котором служил отец после Победы над Германией, было отправлено на японский фронт. Поэтому он вернулся с фронта только в конце 1945 года.

Запомнил хорошо встречу отца. Было столько радости! Однажды я ночевал у соседей, мама с сестрой в этот день находились в больнице. Я уже спал, и вдруг соседка будит меня и говорит: «Вставай, дорогой, радость-то какая — смотри, это твой отец!» Отца я не помнил и, как он выглядит, не знал, потому что все сгорело в пожаре в Минске, и фотографии отца я не видел. Спал я у соседки на печке, спросонья смотрю на незнакомых двух капитанов, стоявших около печи. В военные годы дети уже разбирались в званиях. Один из капитанов лысый, а другой с пышной копной волос, но кто из них мой отец, я не узнал. Позже оказалось, что лысый — это мой папа.

Хозяйка накрыла стол из привезенных продуктов офицерами. Меня на коленях держал волосатый капитан, на руке у него были красивые часы, мне они очень нравились, и я каждую минуту спрашивал: «Сколько время?» Товарищ отца с улыбкой сообщал мне время.

Вспоминаю, как через несколько недель после возвращения отца пришел к нам почтальон и принес письмо с фронта. Отец встретил почтальона с улыбкой: «Ура! А я уже дома!»

В Минск мы вернулись в начале 1946 года. Нас приютил брат отца, дядя Володя. В скором времени отцу выделили комнату в коммунальной квартире около вокзала. Вокруг было много жулья и инвалидов. Комнату отец получил от Академии

наук, где он по приезду в Минск начал работать. Очень тяжело было с пропитанием. Продукты продавали по карточкам. Для покупки продуктов мы стояли в очередях, занимали очереди с вечера и стояли всю ночь.

В районе вокзала дома строили немецкие военнопленные. Однажды я, гуляя около забора стройки, услышал оклик пленного, который в руках держал модель самолета У-2. Самолет был сделан из дерева, покрашен в зеленый цвет, и на крыльях нарисованы красные звезды. Пленный предложил мне сделку — обменять самолет на полбуханки хлеба. Мне такая сделка пришлась по душе, потому что самолет мне очень понравился. Я знал, что утром мы отоварили карточки и купили хлеб. Придя домой, я отрезал полбуханки хлеба и произвел сделку. Вечером вернулся отец и обнаружил, что я играю с самолетом, а на столе лежит полбуханки хлеба. Моя сделка была раскрыта, за такую самодеятельность мне было сделано серьезное внушение. Однако с тех пор я буквально заболел моделизмом.

В 1947 году я пошел в школу. Во время парадов военная техника перед прохождением останавливалась около нашего дома, и нам, детям, разрешали взбираться на броню и даже спускаться внутрь танка. Мы мечтали стать танкистами. Возможно, поэтому я в 1952 году поступил в Куйбышевское суворовское военное училище, в котором проучился восемь лет и успешно закончил в 1960 году.

Стажировка в Тоцких лагерях под Екатеринбургом, командир суворовского взвода майор Милов. 1960 г.

ШАПОШНИКОВ БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ (10.01.1940 г.)

Б.А. Шапошников

Родился в станице Семикаракорской Ростовской области. В 1952–1960 гг. учился в Новочеркасском суворовском военном училище. Позже (1960–1963 гг.) окончил Коломенское Краснознаменное ордена Ленина артиллерийское училище (бывшее 2-е ЛАУ), инженерный факультет ракетных топлив и горючего Военной ордена Ленина академии тыла и транспорта (1968–1972 гг.). Службу проходил в должностях:

— 1963–1968 гг. — командира взвода управления стартовой батареи отдельного ракетного дивизиона ракетной бригады оперативно-тактического назначения (г. Бендеры, Одесский военный округ);

— 1972–1974 гг. — заместителя начальника окружного склада горючего по технической части (г. Спасск-Дальний, Краснознаменный Дальневосточный военный округ);

— 1974–1979 гг. — заместителя начальника лаборатории горючего и смазочных материалов (г. Оломоуц, Центральная группа войск, Чехословакия).

— 1979–1989 гг. — заместителя начальника 202 лаборатории горючего и смазочных материалов (п. Городище, Краснознаменный Белорусский военный округ).

Награжден медалью «Ветеран Вооруженных Сил СССР». После увольнения в июне 1989 года в запас с правом ношения военной формы одежды продолжил работу в трудовых коллективах. Был избран начальником водонасосной станции №7 – водозабор «Волма» ПО «Минскводоканал» и 10 лет возглавлял трудовой коллектив. Вел активную общественную работу, будучи дважды народным депутатом Колодищанского сельского совета по избирательному округу № 14. В 2000–2007 гг. работал начальником команды ВОХР воинской части. С марта 2007 года — пенсионер.

Женат. В семье 2 сына и 2 внука.

Из воспоминаний Бориса Алексеевича Шапошникова

Хотя прошло уже более 70 лет, в моей памяти всплывают некоторые эпизоды из опаленного войной детства, которое вряд ли можно назвать беззаботным и счастливым.

Родился я в станице Семикаракорской Ростовской области в семье потомственных донских казаков. Мой отец, Шапошников Алексей Иванович, родился

Б. Шапошников с сестрой Лизой. 1952 г.

в г. Миллерово в 1903 году. Мать, Шапошникова-Гаврилова Мария Ивановна, родилась в 1904 году в станице Вешенской. В предвоенные годы наша семья жила в станице Семикаракорской. Отец был работником прокуратуры, а мать — учительницей в школе. Старшая сестра Лиза, 1929 года рождения, рассказывала мне о том, что отец наш не был призван на фронт, так как ему было поручено создание подполья и партизанского движения в районе.

Перед наступлением фашистов на Сталинград отец перешел на нелегальное положение, а семью обеспечил охранным документом, предоставил транспорт (лошадей с повозкой и ездового) и строго приказал уходить в эвакуацию только с отступающими красноармейскими войсками.

В Семикаракорской мы жили в двухэтажном доме на 2 этаже. В нашем доме на ночлег расположились отступавшие красноармейцы, они объяснили нам, что если будет бой, а мы не успеем укрыться в подвале дома, то следует прятаться под подоконниками, так как стены дома были кирпичными и прочными. Один из солдат научил меня петь интерпретированный вариант песни «Катюша», которую я напевал и помню по сей день:

Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немцев за рекой.
Это наши русские «Катюши»
Бьют фашистов на передовой.

Выполняя приказ командования, наши войска без боя оставили Семикаракорскую. Мать не решилась уехать из станицы с отступавшими частями красноармейцев, хотя за нашей семьей приехал ездовой. Когда же все-таки она поборолa страх и приняла решение уехать на восток в эвакуацию, ее решение было запоздалым — немецкие войска окружили Семикаракорскую. Так мать, сестры Лиза, Люция и я оказались в оккупации. Станицу Семикаракорскую заняли немецкие войска. Старшая сестра уже в послевоенные годы рассказывала мне и сестре Люции о том, что во время немецкой оккупации Семикаракор отец однажды ночью навещал нас. Лиза, спавшая в другой комнате, проснулась от того, что услышала разговор родителей — межкомнатных дверей в доме не было. Пришедший человек был с бородой. Он наклонился над детской кроваткой, в которой спал я, поцеловал меня, просил маму беречь семью, простился с ней и быстро ушел. Утром следующего дня Лиза поинтересовалась, спросив у мамы о том, кто приходил ночью в наш дом. Мама сказала ей, что это все ей приснилось, что никто ночью не приходил. Лизу ее ответ не убедил, она заявила, что слышала ночью голос отца и видела в комнате мужчину с бородой, который спросил у мамы: «Как мои дочки и сынок?» Тогда мама попросила Лизу никому, никогда, ни при каких обстоятельствах об этом не говорить, так как фашисты могут уничтожить всю семью.

После освобождения Ростовской области от немецких войск мать была направлена на должность заведующей начальной школы на 4 отделение зерносовхоза «Целинский». Перед этим назначением семья получила извещение о гибели отца в бою с фашистами. В моей памяти сохранились те моменты, когда к своим семьям возвращались фронтовики — отцы моих новых друзей, как один из них угостил меня американской галетой. Помню лишь, что очень часто мне хотелось есть. Мама научила меня читать рано, в 5 лет. Книги стали моими лучшими друзьями. Привитую мамой любовь к чтению я храню до сих пор.

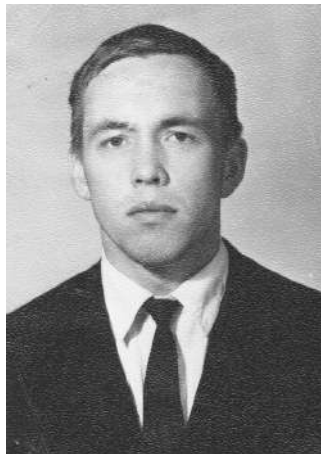
Суворовец Новочеркасского СВУ Б. Шапошников с братьями. 1953 г.

В трудные послевоенные годы детям вместе со взрослыми приходилось выходить на прополку кукурузы. В 1950 году тяжело заболела мама (онкология), мою старшую сестру, окончившую к тому времени техникум, направили на работу старшей пионервожатой в Лопанскую среднюю школу, мы переехали в Лопанку, большое село на реке Егорлык. Вскоре умерла моя мама, и мы с сестрами осиротели. Сочувствие и помощь нам оказывали коллеги Лизы, так как к тому времени уже не было в живых наших дедушек и бабушек. Помню, как однажды Лиза (Люция в то время уже училась в городе Азове в училище по подготовке мастеров консервного дела) принесла мне путевку в пионерский лагерь «Артек» на 2 месяца. Впервые я поехал на поезде в такое далекое путешествие. Субтропические растения Крыма, мягкий климат, погожие деньки, уют, созданный сотрудниками «Артека», сыграли огромную роль в заживлении душевной раны, нанесенной мне судьбой, в адаптации к новой жизненной вехе. Я часто вспоминаю, с какой сердечной теплотой, заботой и вниманием ко всем нам, подранкам войны, относились сотрудники «Артека»: педагоги и вожатые, обслуживающий персонал. Там я узнал, что такое вкусная еда (кормили нас 5 раз в день), что такое здоровый сон (мы спали на застекленных верандах под верблюдскими одеялами), все дети носили форменную одежду. Каждый день был насыщен определенными мероприятиями.

На всю жизнь мне запомнилось восхождение на вершину горы Ай-Петри, экскурсии в Никитский ботанический сад, к фонтану Ночь, к водопаду Учан-Су. Незабываемыми остаются и пионерские костры на берегу моря в день открытия и закрытия смены, в ДЕНЬ ПОБЕДЫ, где все мы вместе дружно пели гимн «Артека», встречу с моряками-черноморцами, посетившими нас 9 мая и прибывшими к нам на двух кораблях, сторожевом корабле и на минном тральщике, ставшими на рейде недалеко от пионерского лагеря. Моряки присутствовали на нашем пионерском костре и дали нам большой концерт. Все остались очень довольны этим мероприятием. А когда я возвратился из Крыма, мне пришло направление для поступления в Новочеркасское суворовское военное училище, где я учился 8 незабываемых лет.

P.S. Когда, будучи курсантом военного училища, я приезжал к Лизе во время отпуска, мы с ней часто вспоминали военное лихолетье и то, каким вкусным нам казался обычный кусочек хлеба с луковицей, о том, как в летние знойные дни под палящими лучами солнца после жатвы все люди от мала до велика выходили на поля совхоза собирать необмолоченные колоски пшеницы. Сегодня мне хочется пожелать всем людям нашей планеты МИРА и ДОБРА.

ШИРЯЕВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ (3.03.1941 г.)

В. М. Ширяев

Кандидат физико-математических наук, доцент, преподаватель (доцент) кафедры высшей математики факультета прикладной математики БГУ (с 1970 г.), член Белорусского и Американского математических обществ.

Автор 2 научных монографий, 4 учебников и сборников задач, других научных и учебно-методических работ (статей, депонированных рукописей, тезисов докладов и т. д.).

Родился в г. Пскове в семье офицера Красной Армии, погибшего в 1945 г. Инвалид 2-й группы, но продолжает работать. Имеет сына. Живет в г. Минске.

Из воспоминаний Владимира Михайловича Ширяева

Расскажу вначале о своих родителях. Ширяев Михаил Федорович был сыном Федора Рыжего, предводителя крестьянских отрядов, действовавших в Сибири в 1918–1919 годах. Они воевали и против красных, и против белых, так называемые отряды «зеленых». Федор Рыжий был расстрелян красными в 1920 году, а детей отправили по разным детским домам с условием, чтобы они не узнали о своих родителях, среди которых был и Михаил. Мама его умерла в конце 1918 года, так что он остался сиротой. Фамилию Ширяев Михаил получил от сотрудника НКВД, который сопровождал его в детский дом в городе Тихвин. То, что он является сыном Федора Рыжего, Михаил узнал случайно из разговоров этого сотрудника с приемщицей детского дома.

Михаил Федорович Ширяев, мой отец, после окончания учебы в Тихвинском детдоме поступил в Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена на химический факультет. В этом же институте училась моя мама, Скокова Зоя Михайловна. После окончания института в 1937 году они поженились. Через год после окончания института отца призвали в Красную Армию, после прохождения курса ускоренного обучения ему присвоили офицерское звание, и он стал кадровым офицером-артиллеристом. В финскую войну 1939–1940 годов он воевал в качестве командира артиллерийской батареи пушек 45 мм.

По рассказам мамы, отец неоднократно вступал в борьбу со снайперами, проявляя при этом смекалку. Он наводил пушки напрямую на верхушки деревьев, где сидел снайпер, и брызганым снарядом снимал верхушку дерева вместе со снайпером. Во время Великой Отечественной войны он тоже много раз своими неординарными действиями помогал пехоте.

После финской войны отец вместе с мамой проживали в Пскове, где в марте 1941 года родился я. Условия проживания молодой семьи с грудным ребенком были ужасные. Комната, в которой мы жили, находилась на мансарде, нужно было топить печь, носить воду, все удобства были во дворе. Первый ребенок прожил несколько месяцев и умер от воспаления легких.

Псков находился недалеко от границы с Эстонией, куда в октябре 1939 года были введены советские войска по договору, подписанному эстонским правительством. Это не было оккупацией, так как договор предусматривал невмешательство во внутренние дела Эстонской республики. Псков находился близко от эстонской границы, и неудивительно, что происходило общение с эстонцами. Отцу удалось узнать о планах Германии напасть на СССР летом 1941 года. В связи с этим он настоял на том, чтобы в апреле мама уехала из Пскова к родителям в деревню Трошунинцы Кировской области. Мы добрались в мамину деревню, когда уже началась война. В это время отец воевал на Ленинградском фронте, защищал Ленинград.

До полного окружения Ленинграда отец часто писал маме письма, в которых описывал события на фронте. Эти письма она хранила до самой смерти и часто перечитывала нам. Мне запомнилось описание боя в одном из писем отца. Для этого требуется краткое описание обстановки на Ленинградском фронте осенью 1941 года.

Согласно директиве командования Ленинградского фронта 115-й стрелковой дивизии генерала Конькова и 4-й бригаде морской пехоты генерала Ненашева была поставлена задача создать плацдарм на левом берегу Невы и помочь действиям 54-й армии Тихвинского фронта, которая должна была прорвать блокаду Ленинграда, созданную немецкими войсками 8 сентября 1941 года. 19 сентября после тщательной разведки батальон 115-й дивизии капитана Дубика на рыбацких

Володя Ширяев на коленях у бабушки. 1944 г.

Открытие Детской железной дороги. Июль 1955 г.

лодках неожиданно для немцев переправился через Неву и захватил плацдарм в районе Невской Дубровки. Поддержать эту инициативу вызвался гвардии старший лейтенант М.Ф. Ширяев, мой отец, командир батареи из 4 пушек 76-го калибра. Пушки были переправлены на плотах и сразу вступили в бой с немецкими танками, стремившимися уничтожить или сбросить пехоту в Неву. При уничтожении танков противника отец проявил смекалку и опыт, приобретенный в Финскую кампанию. Танки находились недалеко от позиций пехоты, поэтому он применил способ наведения пушек через ствол. Он писал в своем письме: «... Как только первое орудие появилось на позиции, я приказал направить ствол в сторону приближающихся танков, изъять затвор и через ствол навел пушку под башню первого немецкого танка и, зарядив кумулятивным снарядом, произвел выстрел. Снаряд снес башню первого танка, а второй повернул и ушел с поля боя». Отец прошел всю войну и только в июне 1945 года погиб в Берлине, подорвавшись на mine, находясь на мотоцикле. Об этом сообщил его товарищ, который ехал вместе с ним на этом мотоцикле.

Как я уже писал, в июне мы переехали из Пскова в деревню к родителям матери. Там мы проживали с 1941 по 1945 годы. Дед мой, отец мамы, Михаил Егорович Скоков, был удостоен звания народного учителя. Умер в 1944 году. Перед кончиной он писал в дневнике, как трудно было содержать семью и во время войны, и до ее начала тоже...

Хозяйство было не очень большое: держали несколько коз, овец, свинью и курей. Но так как все отдавали для фронта, то себе оставляли ограниченное количество

продуктов. Помню, что с двоюродным братом Игорем, родившимся в 1940 году, чтобы помочь семье, собирали колоски и горох на колхозном поле. Весной бабушка варила крапиву, как-то использовала и лебеду. Повзрослев, мы с Игорем помогали пасти деревенское стадо коз и овец, гоняли его в лес сразу за деревней. Как и в других местах, в деревне была налажена кооперация, надо было пасти по очереди столько дней, сколько было коз.

Мама продолжала работать в школе, которая находилась в 10 км от нашей деревни. Вокруг был дремучий лес. В те годы было много волков. В деревню вела одна дорога. Однажды мама возвращалась из школы, и навстречу ей по дороге шла волчица, мама стала просить волчицу не трогать ее, что она должна вернуться домой, накормить грудью сына и показала ей грудь с молоком. Волчица прошла, не тронув ее.

Уже в конце войны я видел отца, он приезжал в деревню в отпуск на несколько дней. Это была последняя наша встреча.

После Победы мама вместе со мной вернулась в Псков. Город был полностью разрушен, но, к счастью, наш дом остался целым, мы поселились в той же чердачной комнате. В доме во время оккупации располагался какой-то немецкий штаб. Под кроватью я нашел четыре винтовки и аудиоаппаратуру. Эти трофеи мы сдали в комендатуру.

Вспоминаю, что во дворе валялось большое количество патронов. Дети находили в лесу много автоматов и патронов, патроны мы собирали и бросали в костер, устраивали фейерверк.

Жизнь учительницы с малолетним сыном была очень тяжелой. Нужно было доставать дрова, топить печь, носить на второй этаж воду и дрова. Особенно запомнились огромные очереди за хлебом, сахаром и другими продуктами питания. Хлеб, сахар, муку продавали по карточкам. Очереди занимали еще с вечера, должны были неотлучно стоять в очереди. Если кто-то отлучался, то вернуться на свое место он уже не мог. Продукты выдавали только в руки на каждое физическое лицо, в том числе и малолеток. Поэтому дети испытывали те же физические и моральные нагрузки, что и их взрослые родные или близкие. Мы с мамой стояли ночью по очереди, на карточку давали около четверти буханки. Я плакал, видел у кого-то много карточек. На базаре буханка хлеба стоила около 100 руб.

После войны на улицах было много инвалидов, без рук, без ног. Некоторые стояли на паперти и просили милостыню. Многие инвалиды без ног делали себе тележки на подшипниках и нанимались мостить тротуары.

Почетная награда отличника учебы
В. Ширяева — фотография
у развернутого Боевого Знамени
Минского СВУ

Суворовец-выпускник
Минского СВУ 1960 г.
В. Ширяев

В связи с тяжелой ситуацией с продуктами питания властями города было принято решение о разрешении ведения подсобного хозяйства. Во дворах были построены сараи, где горожане держали дрова и домашнюю живность. Коровы, козы, свиньи, куры ходили по двору и за домами. Помню один трагический случай: свинья съела грудного ребенка, оставленного в коляске на минуту без присмотра. У мамы долгое время не было сарая для дров. Где-то лет в 14, приезжая на каникулы в Псков, я кое-как из полка соорудил ей сарай во дворе.

Дальше за домами выделяли места для грядок. Нам досталось место для грядок на самом краю, у болота. Там нельзя было ничего посадить из-за воды. Кто-то посоветовал посадить осины, благодаря чему через некоторое время на этой грядке мама сажала картошку.

Мама много горевала об отце. Тем не менее, по прошествии некоторого времени мама вышла замуж, родила сына, Славику, которого я периодически нянчил. Но новая семейная жизнь у нее не сложилась, и она с мужем развелась.

Рядом с городом находился лагерь военнопленных под эгидой коменданта города полковника Галкина. Он поставил задачу пленным восстановить разрушенные дома и дал им срок до освобождения через 7 лет решить эту задачу. Надо сказать, что они, как люди дисциплинированные, старались это сделать. Помню, они применяли полиспасты и другую технику при строительстве. По согласованию с исполкомом часть пленных получила разрешение на коммерческую деятельность с уплатой налогов в казну города. Они открыли сапожные мастерские, ателье, парикмахерские, юридические конторы, ювелирные и другие мастерские. Население города в начале настороженно восприняло это новшество с удовлетворением, убедившись в качестве и добросовестности выполнения работ. Эти пленные были в некотором смысле в привилегированном положении, жили вне лагеря. Конечно, в связи с тем, что мужчин был большой «дефицит», женщины приветствовали то, что в городе появились свободные мужчины. Поэтому, когда пленных отпустили в Германию в 1952 году, многие плакали, прощаясь с отъезжающими.

В мае 1953 года мама узнала о существовании суворовских военных училищ и подготовила документы в военкомат. Я, пройдя медкомиссию и собеседование в военкомате, убыл для учебы в Минское СВУ.

Суворовское училище окончил с серебряной медалью. За успехи в учебе неоднократно награждался почетными грамотами и фотографиями у Боевого Знамени училища. По состоянию здоровья не был направлен в военное училище, а поступил на математический факультет Белорусского государственного университета, который окончил в 1965 г. В 1966 г. был призван на службу в Ракетные войска стратегического назначения. После службы в армии поступил и окончил аспирантуру БГУ. В 1972 г. защитил диссертацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой ее ты в детстве увидал».

К. Симонов. «Родина»

«Ах, война, что ж ты сделала, подлая...»

Б. Окуджав. «До свидания, мальчики»

Данная книга, собравшая воспоминания тех, кому суждено было появиться на этот свет перед самой Великой Отечественной войной, в годы войны и в первые годы после ее победоносного завершения, повествует о тяжелом и героическом времени, в котором росло и мужало новое поколение советских людей.

За долгие четыре года, которые продолжалась Великая Отечественная война, дети, от малышей до воспитанников суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ, сполна испытали все ее тяготы и лишения. Многие из них не познали, что такое материнская любовь и ласка, отцовская забота.

Черный след войны протянулся через их судьбы, и до сих пор, спустя много лет после Великой Победы, жизнь детей военного времени измеряется как время «до» и «после» войны.

И никакие мирные впечатления не могут перекрыть или даже пригасить остроту пережитого ими. Поэтому ставшие незаживающей раной воспоминания детей 40-х годов, опубликованные в этой книге, должны стать подтверждением того, что дети войны были неотъемлемой частью великого народа, единого в своем стремлении к Победе и, как точно заметил поэт Евгений Евтушенко, «зелеными некрепкими побегами на древке Знамени Победы, водруженном над Рейхстагом».

Эта книга создана энтузиастами и патриотами Отечества: Варламовым Вячеславом Борисовичем, первосуворовцем, выпускником Сталинградского СВУ, членом союза писателей Белоруссии; Корабликовым Ильей Макаровичем, выпускником Минского СВУ; Криволапом Анатолием Александровичем, выпускником Новочеркасского СВУ; Кунцем Николаем Зыгмунтовичем, выпускником Минского СВУ, профессором Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); Сеньковым Юрием Петровичем, выпускником Минского СВУ, председателем Белорусского союза суворовцев и кадет, а также при активной поддержке генерал-полковника Чауса Петра Григорьевича, выпускника Минского СВУ и прошедшего большой и славный путь в рядах наших Вооруженных Сил, от суворовца до генерал-полковника, первого руководителя военного ведомства молодой Республики Беларусь.

Создателям этой книги – искренняя признательность и благодарность.

*Руководитель международного секретариата
Международной ассоциации «Кадетское братство»
генерал-майор М.М. Коломойцев*

Литературно-художественное издание

ДЕТИ ВОЙНЫ: СУВОРОВЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 01.04.2015.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,45. Уч.-изд. л. 16,42. Тираж 80 экз. Заказ № 365.

ООО «Попурри». ЛИ №02330/0494036 от 03.02.2009.
Республика Беларусь, 220113, г. Минск, ул. Восточная, 113-601.

ООО «Зималетто. ЛП «02330/0150029 от 03.09.2007.»
Республика Беларусь, 220030. г. Минск, ул. Октябрьская, 19/м, к. 10